

**БЕЛГОРОДСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МВД РОССИИ ИМЕНИ И.Д. ПУТИЛИНА**

**Посвящается 300-летию
русской полиции**

**ПРАВА ЧЕЛОВЕКА
И МЕХАНИЗМЫ ИХ ЗАЩИТЫ И ОХРАНЫ**

**Материалы
Всероссийской научно-практической конференции**

**Белгород
Белгородский юридический институт МВД России
имени И.Д. Путилина
2017**

УДК 342
ББК 67
П 68

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
Бел ЮИ МВД России
имени И.Д. Путилина

П 68 Права человека и механизмы их защиты и охраны : материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Белгород : Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина, 2017. – 118 с.

ISBN 978-5-91776-185-5

Редколлегия:

Амельчаков И.Ф., начальник Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина, кандидат юридических наук, доцент (председатель);

Озеров И.Н., заместитель начальника института (по научной работе), кандидат юридических наук, доцент (заместитель председателя);

Богмацера Э.В., начальник кафедры государственно-правовых дисциплин, кандидат юридических наук, доцент;

Новопавловская Е.Е., профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, кандидат юридических наук, доцент;

Ерыгин А.А., доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, кандидат политических наук, доцент.

Шульженко Н.И., редактор редакторского отделения редакционно-издательского отдела (ответственный секретарь).

Сборник включает материалы, посвященные вопросам эволюции представлений о правах и свободах человека в истории политико-правовой мысли, международных и национальных механизмов защиты прав и свобод человека, защиты и охраны прав и свобод человека органами внутренних дел.

Предназначен для курсантов, слушателей, адъюнктов, профессорско-преподавательского состава образовательных организаций системы МВД России.

УДК 342
ББК 67

ISBN 978-5-91776-185-5

© РИО Бел ЮИ МВД России
имени И.Д. Путилина, 2017

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА КАК ПРИОРИТЕТНЫЙ ОБЪЕКТ ОХРАНЫ В СОВРЕМЕННОМ ГОСУДАРСТВЕ

УДК 341.231.14

Богмацера Э.В.,

кандидат юридических наук, доцент

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: В статье на теоретическом уровне анализируется вопрос о закреплении прав человека в качестве наивысшей ценности и придания им статуса первоочередного объекта правовой охраны со стороны государства.

Ключевые слова: права человека, объект правовой охраны, правовое государство.

HUMAN RIGHTS AS A PRIORITY OBJECT OF PROTECTION IN THE MODERN STATE

Bogmatsera E.V.,

candidate of jurisprudence sciences, associate professor

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: In article at the theoretical level the question of fixing of human rights as the highest value and giving of the status of a priority project of legal protection to them is analyzed from the state.

Keywords: human rights, object of legal protection, constitutional state.

На сегодняшний день неопровержимой аксиомой считается то, что права человека – это наивысшая ценность, идеал, к которому человек, общество и государство должны стремиться. Но стоит отметить, что на современном этапе развития мирового сообщества в целом и отдельных государств в частности на соблюдение прав человека сегодня оказывают влияние различные отрицательные факторы, такие как международный терроризм, возрастание националистических настроений, миграционные кризисы, попирающие нормы международного права со стороны отдельных государств, игнорирование в некоторых случаях ситуаций массового нарушения прав человека со стороны мирового сообщества и т.п. Также вызывают озабоченность ситуации, которые складываются в горячих точках планеты (в Сирии, в Украине и др.), где имеют место случаи игнорирования прав отдельных категорий населения, когда государство не гарантирует гражданам своей страны самое главное право человека – право на жизнь. Само по себе существование подобных ситуаций говорит о необходимости совершенствования как внутригосударственных, так и международных правозащитных механизмов.

Положение о том, что современное право не может мыслиться вне и помимо человека (при том, что не человек – для права, а право – для человека), в настоящее время выступает в качестве неоспоримого конституционно-правового факта [2]. «Сегодня, – как верно считает профессор В.И. Крусс, – философия и наука права должны изучать человека, поскольку он есть высшая конституционная ценность и обладатель неотчуждаемых прав и свобод вкупе с непогашаемыми обязанностями» [3].

При этом в современных государствах права человека должны сами по себе служить нормативным ориентиром развития как всего общества, так и государства, поскольку они необходимы для нормального функционирования индивида, общества и государства, т.к. являются индикатором необходимого баланса интересов всех участников данной социальной системы. Нарушение подобного баланса приведет к нарушениям прав человека, дестабилизации социальной системы, отходу от идеалов правового государства, а в конечном итоге может привести к ситуации «*bellum omnium contra omnes*», т.е. «войны всех против всех», и в конце концов – к развалу всей социальной системы и «развалу» государства.

Основные права человека, такие как право на жизнь, свободу, достоинство, неприкосновенность личности, свободу мнений, убеждений, автономию личной жизни и др., являются необходимыми условиями устройства жизни человека в цивилизованном обществе и должны быть безоговорочно признаны и охраняемы государством.

Несмотря на то, что подавляющее большинство государств ратифицировали основные международные акты о правах человека, взяв добровольно на себя обязательства по всестороннему их обеспечению и охране, реальная ситуация с реализацией прав человека, к сожалению, зачастую далека от той модели, которая закреплена в конституционных законах этих государств. Так, например, Закон Украины «Об очищении власти»¹, или, как его еще называют, закон о «люстрации», как и его аналоги в других европейских странах, появившиеся в ходе радикальной социально-политической трансформации, содержательно имеют идеологическую окраску, обусловленную политическими взглядами правящего режима, пришедшего к власти в ходе государственного переворота. Под очищением власти в законе понимается запрет определенным лицам занимать некоторые должности в органах государственной власти и местного самоуправления. Цель люстрации заявлена открыто – недопущение до участия в управлении государством лиц, которые предпринимали меры, направленные на «узурпацию власти» президентом В. Януковичем, подрыв основ национальной безопасности и обороны Украины или противоправное нарушение прав и свобод человека. В чем именно заключается узурпация власти В. Януковичем, в законе не указано. При этом сам закон, а соответственно, и все предусмотренные в нем действия по отношению к указанной категории людей основываются на принципах верховенства права и законности; открытости, прозрачности и публичности; презумпции невиновности; индиви-

¹ Закон України від 16.09.2014 № 1682-VII «Про очищення влади» (ред. від 05.01.2017) // Відомості Верховної Ради (ВВР). 2014. № 44. Ст. 2041.

дуальной ответственности; гарантирования права на защиту (ст. 2). При этом в самом законе четко не предусматривается, например, порядок установления виновности данной категории лиц, что по своей природе уже не соответствует принципу презумпции невиновности и практически сводит на «нет» гарантирование права на защиту и т.п. Да и в целом исходя из положений данного закона не совсем понятно, кто должен осуществлять «очищение власти», что порождает ситуацию потенциального произвола и нарушения прав человека при реализации положений закона. Все это, безусловно, не соответствует той конституционной модели, которая закреплена в Конституции Украины 1996 года, где в статье 3 человек, его жизнь и здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность признаны в Украине наивысшей социальной ценностью¹.

В современном мире сохраняются различные подходы к соотношению таких категорий, как право и государство, человек и государство, о чем свидетельствуют конституционные положения современных государств. В частности, в конституциях Франции, Испании, США, Италии воплощена естественно-правовая концепция прав человека, в конституциях Австрии, Германии – позитивистская. Но, несмотря на подобные различия в конституционных моделях, в них воплощены принципы правового государства, и тем самым они ориентированы на защиту и охрану прав человека.

Признание прав человека высшей ценностью, которая охраняется и обеспечивается государством, – это аксиома, характерная для правового государства, реализация которой значительно повышает авторитет государства и его значимость в жизни общества.

Права человека дают обществу возможность управлять государством или дистанцироваться от него, самоопределяться в сфере частной жизни, выборе убеждений, отношении к религии, собственности. Тем самым основные фундаментальные права и вытекающие из них иные права и свободы обеспечивают различные сферы жизни человека: личную, социальную, экономическую, культурную [1, с. 238]. Поглощение гражданского общества государством, огосударствление всех сфер жизни происходят там, где права человека либо отсутствуют, либо носят декларативный характер.

Для России крайне важны понятия прав человека. Особая их значимость в жизни общества, в развитии нормальных связей и взаимодействий между людьми и социальными группами, между личностью и государством требует определить общие закономерности этих явлений, позволяющие координировать и упорядочивать общественные отношения. В общественном сознании, в культуре страны – как дореволюционной, так и послереволюционной – права человека не занимали значительного места. Так, например, в Инструкции о Со-

¹ Конституція України від 28.06.1996 № 254 к/96-ВР (редакція від 30.09.2016) // Відомості Верховної Ради України (ВВР). 1996. № 30. Ст. 141.

ветской Рабоче-Крестьянской Милиции от 13 октября 1918 года вообще не содержится положений о защите прав и свобод человека¹.

На сегодняшний момент в России все еще достаточно низкий уровень правосознания, а, соответственно, и низкий уровень уважения к человеку и его правам, так как деформация правосознания, происходившая десятилетиями, укоренившееся пренебрежение к правам и свободам создают ситуацию незащищенности человека, его неуверенности в предсказуемости действий властей.

Концепция современного конституционализма такова, что государство не может не признавать такие основополагающие права человека, как право на жизнь, неприкосновенность личности, жилища. И хотя эти права принадлежат человеку от рождения, но гарантии их защиты и реализации должны быть обеспечены не чем иным, как законами, и не просто законами, а «правовыми законами», которые не только социально ориентированы, но и обеспечены реально действующим правозащитным механизмом.

На сегодняшний день в России права человека представляют собой явление двойственного характера, поскольку одни права человека, найдя свою нишу в современном российском обществе, преимущественно соблюдаются, другие, наоборот, частично принижаются и подавляются государством, а само общество при этом ведет себя равнодушно. Тем не менее соблюдение прав человека имеет в основном позитивную динамику, степень их защищенности медленно, но верно повышается.

В целом анализ современной ситуации с закреплением прав человека в качестве приоритетного объекта правоохраны со стороны государства в России позволяет выделить ряд достижений с точки зрения рассматриваемой проблематики:

- вместе с основными демократическими принципами и принципами рыночной экономики права человека стали составной частью российского правосознания, так сказать, элементом «официальной идеологии» постсоветского государства;

- Всеобщая декларация прав человека 1948 года полностью имплементирована в российскую правовую систему и российскую Конституцию;

- Россией ратифицированы основные международные акты о правах человека, в том числе международные пакты о правах человека 1966 г., Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г., Европейская конвенция о запрещении пыток и бесчеловечного и унижающего достоинство обращения и наказания 1984 г. и др.;

- составной частью российской системы законодательства являются соответствующие международным стандартам в области прав человека Гражданский, Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный и др. кодексы. В новейших российских законах, в той или иной степени регламентирующих деятельность государственных органов, в обязательном порядке при-

¹ Постановление НКВД РСФСР, Наркомюста РСФСР от 13.10.1918 «Об организации Советской Рабоче-Крестьянской Милиции (Инструкция)» // СПС «КонсультантПлюс».

сутствуют нормы, запрещающие дискриминацию граждан при исполнении должностными лицами своих обязанностей;

– неотъемлемой частью российского правозащитного механизма являются институты Уполномоченного по правам человека, Уполномоченного по правам ребенка;

– смертная казнь в качестве меры уголовной ответственности фактически отменена;

– граждане Российской Федерации имеют возможность обращения в Европейский суд по правам человека за защитой своих прав;

– также в России широко распространена практика создания общественных правозащитных организаций.

Но, несмотря на перечисленные достижения в области прав человека, в России по-прежнему существуют многочисленные проблемы, связанные как с правовым регулированием в рассматриваемой сфере, так и с правореализацией и правоохраной. Система гарантий соблюдения прав человека, созданная в ходе государственного и социального реформирования, пока малоэффективна, а зачастую и просто нефункциональна. В России по-прежнему и незаметно для самих себя далеко не все уважают права всех, а человеческое достоинство и свобода, несмотря на очевидную и формально признаваемую социальную ценность, остаются на периферии «российской ментальности».

Таким образом, главное в решении проблемы защиты прав человека на данный момент – это не теоретическая разработка и закрепление прав и свобод человека и гражданина, а создание необходимых гарантий и реально действующих механизмов для их реализации. Но при этом важно сосредоточить внимание на устранении причин нарушений субъективных прав, поставить силу закона на пути злоупотреблений. Эта задача носит комплексный характер, решение которой должно осуществляться в диалектическом единстве и слаженности действий и государства, и общества, поскольку иначе результативность данного процесса будет стремиться к нулю, а прогрессивное развитие может смениться стагнацией.

Библиографический список

1. Проблемы общей теории права и государства: учебник / под общ. ред. В.С. Нерсисянца. – 2-е изд., пересмотр. – Москва: Норма: Инфра-М, 2016.

2. Куницын А.С. Концепция неотчуждаемости естественных прав человека и русская юридическая мысль // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 3. С. 18-21.

3. Крусс В.И. Доктринальные инновации в контексте конституционализации российской правовой системы // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 4.

ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

УДК 341.231.14

**Божко Е.А.,
Буняева К.В.,**

кандидат юридических наук

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: Статья посвящена изучению правовой природы прав и свобод человека и гражданина как основных элементов механизма осуществления государственно-властной деятельности. Особое внимание отводится исследованию фундаментальных подходов к пониманию рассматриваемого института в воззрениях отдельных представителей дореволюционной отечественной государственно-правовой мысли.

Ключевые слова: государство, государственная власть, гражданин, доктрина, консерватизм, права, свободы, самодержавие, человек.

THE RIGHTS AND FREEDOMS OF MAN AND CITIZEN IN THE DOMESTIC STATE-LEGAL THOUGHT OF LATE XIX – EARLY XX CENTURY

**Bozhko E.A.,
Bunyaeva K.V.,**

candidate of jurisprudence sciences

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: The article studies the legal nature of the rights and freedoms of man and citizen, as the main elements of the implementation mechanism of state power activities. Special attention is given to the study of fundamental approaches to the understanding of the Institute in the views of some representatives of pre-revolutionary Russian state and legal thoughts.

Keywords: state, government, citizen, doctrine, conservatism, law, freedom, autocracy, people.

Неотъемлемой составляющей государственно-правовой действительности, обуславливающей организацию и функционирование верховной государственной власти является человек. Права и свободы человека, обеспечивающие осуществление государственного управления, выступают в качестве основы становления и развития по-настоящему демократического общества и государства. Занимая ведущее место во взаимоотношениях человека и государства, права регулируют и контролируют исполнение государственной власти в отношении отдельного человека, обеспечивают реализацию свобод гражданам в отношениях с государством и требуют от последнего удовлетворения фундаментальных потребностей людей, находящихся в рамках правового поля [10, с. 2]. Исторически меняющиеся периоды эволюции отечественного государства и права позволяют рассмотреть особенности развития и становления обозначенного правового явления сквозь призму взглядов отдельных представителей государственно-правовой доктрины.

В контексте существующих международных и национальных преобразований обеспечение реализации прав и свобод человека и гражданина приобретает все большую актуальность и обуславливает повышенный интерес к рассматриваемой проблеме со стороны современного научного сообщества [1; 14; 15]. Особенно остро в настоящее время стоит вопрос обеспечения надлежащей защиты прав человека. Как справедливо отмечают М.В. Мархгейм и А.Е. Новикова [9, с. 38], указанная защита составляет необходимый и неотъемлемый элемент всякого права, субъектно-человеческий аспект выражения существа права как особого типа и специфической формы упорядочивания общественных отношений. При этом защита прав и свобод человека и гражданина осуществляется, как правило, посредством определенного механизма, включающего в себя набор соответствующих средств и способов защиты, с помощью которых субъекты правозащитной деятельности обеспечивают защиту нарушенных прав и свобод в контексте определенной жизненной ситуации [4, с. 3].

Представляется вполне очевидным, что изучение и рассмотрение проблемных аспектов осуществления прав и свобод человека и гражданина в современной трактовке научного знания невозможно без обращения к фундаментальным научным постулатам. Как справедливо отмечает В.С. Нерсисянц, теория и практика прав человека имеет долгую и поучительную историю [11, с. 35]. В этой связи, отдельного внимания с позиции формирования комплексного научного знания о правах и свободах человека и гражданина заслуживает дореволюционный этап развития Российского государства, так как именно вторая половина XIX – начало XX века, характеризующаяся определенными особенностями, требующими отдельного внимания в целях восполнения пробела в дореволюционной государственно-правовой мысли, в том числе в контексте реформирования законотворческой деятельности на современном этапе, ознаменовалась широким изучением рассматриваемого института.

Традиционно обоснование прав и свобод человека и гражданина осуществляется с позиции либеральной и консервативной государственно-правовой мысли. При этом вопросы правоприменения, а также механизмы реа-

лизации прав и свобод личности в специфических условиях дореволюционной России, обусловленные монархической формой правления вкупе с авторитарным политическим режимом, интересовали либеральных мыслителей в меньшей степени [12, с. 85]. Вместе с тем представители консервативного направления хоть и не рассматривали в своих работах вопросы прав и свобод человека и гражданина в качестве фундаментального научного знания [3, с. 43], сформулированные ими научные постулаты более века назад не утратили своей актуальности и, безусловно, заслуживают отдельного внимания.

Наибольший интерес представляют воззрения, нашедшие свое отражение в работах Л.А. Тихомирова, Н.А. Захарова, П.Е. Казанского, В.Д. Каткова. В их научных трудах права и свободы человека и гражданина рассматривались сквозь призму организации и функционирования верховной государственной власти, подкрепленной неограниченной самодержавной властью монарха с опорой на самобытность и традиции русского народа.

Представляется интересной позиция одного из авторитетнейших отечественных юристов Льва Александровича Тихомирова, для которого проблема человека выступала лейтмотивом его философско-правовых убеждений [8, с. 130], отмечавшего, в частности, что «государственная власть, представляется как средство внешнего противодействия злу и способ борьбы общества со своей слабостью. Без государства идеальный социальный строй невозможен. Именно в государстве человек находит «высшее орудие» для охраны своей безопасности, прав и свободы» [13, с. 26]. При этом Л.А. Тихомиров, развивая концепцию производности личных прав и свобод от коллективных, отмечает, что «на деле же свободы и права, имеющие своими субъектами коллективности, либо вовсе делают ненужными личные права и свободы (например, для верующего человека свобода его церкви важнее всякой личной свободы), либо являются исходными по отношению к личным свободам (например, свобода совести есть пустой звук, если она не дополнена свободой коллективного существования в тех нормах, которые человеку указывает вероисповедная совесть)» [13, с. 396].

Сформулированные концептуальные идеи Л.А. Тихомировым с легкостью подхватили и продолжили развивать не менее выдающиеся правоведы Петр Евгеньевич Казанский и его ученик Николай Алексеевич Захаров, в трудах [5; 6] которых права и свободы человека и гражданина получили свое специфическое освящение в рамках этико-правовой концепции русской государственности сквозь призму религиозно-нравственных установок.

Близким по духу мышления, разделявшим позицию вышеназванных ученых в контексте формирования и становления правовых идей о правах и свободах человека и гражданина, был еще один представитель дореволюционной государственно-правовой мысли профессор Василий Данилович Катков (1867-1919) [2, с. 22]. В своих научных и публицистических трудах ученый рассматривал вопросы государства, школы, религии, а также уделял особое внимание личности, в том числе ее правам и свободам в неразрывной и устойчивой связи с организацией верховной самодержавной власти монарха, которые выступали при этом

неотъемлемыми элементами русской государственности. Поскольку, как отмечает сам ученый, «основу русской государственности составляет, как известно, Верховная Самодержавная власть Всероссийских императоров» [7, с. 9].

Христианское происхождение ученого и трепетное отношение к своему Отечеству способствовали формированию у В.Д. Каткова особого понимания государственно-правовой действительности, основанной на исторически сложившейся самобытности русского народа. Отсюда объясняется выделение ученым в качестве важнейшей составляющей реализации народных прав и свобод на самоопределение, присущее исключительно русскому народу, с непосредственной опорой на государственную власть. При этом, Д.В. Катков отмечал что «когда иностранный завоеватель желает подчинить себе чужой народ, то есть когда он желает ограничить его свободу во внутренних и внешних делах, умалив таким образом «народные права» на самоопределение, он стремится, прежде всего, и больше всего поразить власть, управляющую народом. Только убив власть, можно убить свободу народа и умалить его права. Где нежелательно или невозможно полное подавление самостоятельности и свободы народа, полное нарушение прав его на самоопределение, там прибегают к ослаблению власти путем подчинения ее в важнейших делах решению власти завоевателя» [7, с. 104].

Рассматривая сильную государственную власть в качестве основной составляющей, способствующей сохранению самостоятельности народа, включающей в себя его права и свободы, ученый не снимает ответственности и с самого народа за определение своего будущего, указывая, что «народ не может быть ни свободен, ни обладать полнотой прав, если он не в состоянии защитить и отстоять отечественную государственную власть» [7, с. 104]. Очевидно, что для Каткова именно власть выступала связующим и неотъемлемым элементом, обеспечивающим реализацию прав и свобод граждан, поскольку, как отмечает сам ученый, «власть и свобода вместе с «народными правами» – это не две враждебные силы, а две силы, которые не могут существовать одна без другой. Нельзя говорить о свободе народа, если у него нет свободной государственной власти, как нельзя говорить о народных правах, если нет государственной власти, которая могла бы защищать их. Равным образом не может существовать государственная власть, если бы она стала игнорировать свободу народа и его права: такой власти перестали бы повиноваться и она исчезла бы, «как тень и как молва быстротечная» [7, с. 105]. При этом сильная верховная власть выступает, в том числе, в качестве определенного средства защиты, обеспечивающего непосредственную реализацию прав и свобод, так как «без власти, по мнению В.Д. Каткова, страна становится добычей внутренних и внешних врагов, которые не будут церемониться со свободой и правами того народа, который своей кровью и своими трудами и достоинствами создал национальное государство» [7, с. 107].

Безусловно, изучение и рассмотрение концептуальных правовых идей, затрагивающих особенности закрепления и реализации основных прав и свобод человека и гражданина в своей исторической ретроспективе, не ограничи-

вается исследованием воззрений отдельных представителей отечественной консервативной государственно-правовой мысли. Рассматриваемая проблема в контексте существующих геополитических и международных процессов требует комплексного современного осмысления с учетом различных направлений государственно-правовой доктрины.

Библиографический список

1. *Амрахов Н.И.* Конституционные права и свободы человека и гражданина: пробелы понятийного аппарата и законодательного регулирования // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 11. С. 67-69.
2. *Ганин В.В.* Преподаватели и студенты юридического факультета Новороссийского университета (XIX – начало XX в.) // Юридическое образование и наука. 2007. № 4. С. 20-23.
3. *Демичев А.А.* Рецензия на книгу Тумановой А.С., Киселева Р.В. «Права человека в правовой мысли и законотворчестве Российской империи второй половины XIX – начала XX века» // История государства и права. 2011. № 17. С. 43-44.
4. *Еремеева Е.А.* Механизм защиты прав и свобод человека и гражданина: понятие, структура, непосредственное действие // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 2. С. 2-4.
5. *Захаров Н.А.* Система русской государственной власти. – Москва, 2002. – 400 с.
6. *Казанский П.Е.* Власть Всероссийского императора. – Москва: ФИВ, 2007. – 600 с.
7. *Катков В.Д.* Христианство и государственность. – Москва: ФИВ, 2013. – 296 с.
8. *Корнев Е.И.* Права и свободы человека в консервативной философско-правовой мысли пореформенной России // Право и политика. 2007. № 9. С. 128-132.
9. *Мархгейм М.В., Новикова А.Е.* Правозащитные приоритеты в воззрениях отечественных представителей либеральной и консервативной научных школ // История государства и права. 2008. № 6. С. 38-40.
10. *Матвиенко А.И.* Право на защите прав и свобод человека и гражданина // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 18. С. 2-3.
11. *Нерсисянц В.С.* Права человека в истории политико-правовой мысли / Права человека / отв. ред. Е.А. Лукашева. – Москва: НОРМА, 1999. – 573 с.
12. *Секиринский С.С., Туманова А.С., Киселев Р.В.* Права человека в правовой мысли и законотворчестве Российской империи второй половины XIX – начала XX века. – Москва: Высшая школа экономики, 2011. – 279 с.
13. *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. – Москва: Облиздат: Аликс, 1998. – 671 с.
14. *Хилинский В.Д.* К вопросу о понимании конституционных гарантий прав и свобод личности // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 2. С. 5-8.

15. Шаганиян А.М. К вопросу о принципах ограничения прав и свобод человека и гражданина // Общество и право. 2011. № 3. С. 78-82.

ЗАКОННЫЙ ИНТЕРЕС В ПОЛУЧЕНИИ ИНФОРМАЦИИ КАК ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ НЕПОСРЕДСТВЕННЫЙ ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ (СТ. 173.1 УК РФ)

УДК 343.46

Бурцев А.С.,

кандидат юридических наук

(Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Аннотация: В статье поднимается вопрос об уголовно-правовой защите законного интереса на получение объективной и правдивой информации лицом, вовлекаемым в финансово-хозяйственную деятельность вопреки его воле.

Ключевые слова: преступление, объект преступления, законный интерес, право, фирма-«бабочка», финансово-хозяйственная деятельность, информация.

LEGAL INTEREC IN OBTAINING INFORMATION AS THE MAIN ADDITIONAL OBJECTS CRIMES (ART. 173.1 OF THE CRIMINAL CODE)

Burtsev A.S.,

candidate of jurisprudence sciences

(Belgorod National Research University)

Abstract: The article raises the question of the criminal law protection of legitimate interest to receive objective and truthful information, the person inviting you to financial and economic activities against his will.

Keywords: crime, the crime object, a legitimate interest, right, firma-«butterfly», the financial and economic Dey-FAD information.

Федеральным законом от 07.12.2011 № 419-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»¹ в состав Особенной части УК РФ была введена ст. 173.1 УК РФ, предусматривающая ответственность за образо-

¹ Федеральный закон от 07.12.2011 № 419-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 50. Ст. 7361.

вание (создание, реорганизацию) юридического лица через подставных лиц. Закрепление статьи в гл. 22 УК РФ наглядно подтверждает то, что ее норма так же, как и норма ст. 173 УК РФ¹, призвана противодействовать фиктивной экономической деятельности, приносящей ущерб обществу, государству, отдельным хозяйствующим субъектам.

Фиктивная экономическая деятельность разнопланова, но во всех проявлениях она дискредитирует идею «здоровой предпринимательской деятельности» и искажает ее сущность [1, с. 25].

Однако, характеризуя признаки состава преступления (ст. 173.1 УК РФ), немногие авторы обращают внимание на объект преступления, ограничиваясь указанием на то, что в качестве такового выступает установленный законодательством порядок создания или реорганизации юридических лиц [2, с. 564] либо установленный порядок образования юридического лица [3, с. 612], что по сути одно и то же.

Вместе с тем примечание к данной статье содержит определение понятия подставного лица как лица, являющегося учредителем (участником) юридического лица или органа управления юридического лица, путем введения в заблуждение которого либо без ведома которого были внесены данные о нем в единый государственный реестр юридических лиц и др.

Подобная деятельность по вовлечению граждан в «бизнес» до недавнего прошлого имела достаточно широкое распространение. К примеру, студент откликнулся на рекламное объявление о высокооплачиваемой работе, допустим, в качестве курьера. После собеседования в приличном офисе (со всеми сопутствующими атрибутами – секретарем, офисной техникой и пр.) ему сообщали о том, что его кандидатура руководству подходит и просили оставить документ, удостоверяющий личность, на несколько дней для оформления. Тем временем на этот паспорт оперативно регистрировалась фирма-«бабочка», или, как их чаще называют, фирма-«однодневка»², и даже совершались финансовые операции [4, с. 43].

Правоприменителям известны случаи, когда такие «курьеры» по заданию нового руководства, под предлогом передачи почты, документов, образцов и пр. посещали другие коммерческие организации, где у них также просили паспорта для соблюдения различного рода формальностей, а в результате они становились «директорами» 2-3-х десятков фирм-«однодневок».

Судебной практике известно немало случаев, когда такие лица становились фигурантами уголовных дел с миллиардными ущербами и даже жертвами убийств. Главное, что в описываемых ситуациях потерпевшие вовлекались в финансово-хозяйственную деятельность вопреки своему желанию, даже не зная об

¹ Утратила силу. Федеральный закон от 07.04.2010 № 60-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты».

² Под «фирмой-«однодневкой» понимается юридическое лицо, не обладающее фактической самостоятельностью, созданное без цели ведения предпринимательской деятельности, как правило, не представляющее налоговую отчетность, зарегистрированное по адресу массовой регистрации и т.д. (Письмо ФНС России от 11.02.2010 № 3-7-07/84) // Официальные документы. 2010. 2 марта (еженедельное приложение к газете «Учет, налоги, право»).

этом, и удивительно, что авторы научных публикаций, комментариев уголовного законодательства не обратили на это обстоятельство никакого внимания.

Согласно ст. 34 Конституции РФ «каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности»¹. Данное право защищается уголовным законодательством (ст. 169, 171 УК РФ и др.).

Исходя из содержания ст. 173.1 УК РФ, одним из элементов объективной стороны преступления является введение в заблуждение лица, после чего оно становится учредителем (участником) юридического лица или органа управления юридического лица. Само же введение в заблуждение осуществляется путем утаивания, несообщения либо искажения информации о фактической роли и степени вовлеченности такого лица в хозяйственный оборот, а главное – о возможных последствиях.

До появления в УК РФ ст. 173.1 подобного рода действия были не наказуемы. Ближе всего к данной норме расположены нормы ст. 140 и ч. 1 ст. 136 УК РФ, в которых говорится о причинении вреда «правам и законным интересам граждан». Обратимся к ст. 140 УК РФ, предусматривающей ответственность за отказ в предоставлении гражданину информации. Обязательный признак данного преступления – наступление находящихся в причинной связи с таким отказом (предоставлением неполных или ложных сведений) последствий в виде причинения вреда правам и законным интересам граждан, например, лишение каких-либо льгот, жилья и т.д. Налицо определенное конструктивное сходство объективной стороны обоих составов, за исключением того, что в ст. 173.1 УК РФ сказано не об отказе, а, как отмечалось выше, об утаивании, несообщении информации и прочих противоправных действиях.

Объективности ради заметим, что общественно опасные деяния, с которыми призвана бороться ст. 173.1 УК РФ, не посягают на право свободы предпринимательства, предусмотренное ст. 34 Конституции РФ. В данном случае потерпевший гражданин оказывается ущемленным в осуществлении своего законного интереса, связанного с получением непосредственно касающейся его правдивой информации, поскольку последствия такого ущемления имеют для него комплексный характер, включающий экономический, социальный, психический и организационный вред.

Следует сказать, что законный интерес как научная категория, как понятие в теории уголовного права практически не изучен, ввиду чего его уголовно-правовая защита не предусматривается.

Само слово «interest» имеет латинские корни и означает «имеет значение». В русском языке этим словом обозначается реальная, побудительная причина деятельности социальных субъектов, мотив социальной деятельности [5]. Как научная категория это понятие на протяжении длительного времени является предметом исследования таких фундаментальных наук, как психология, социология, юриспруденция, философия, политология и пр.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

Что же такое «законный интерес» и почему законодатель счел необходимым закрепить данную категорию в нормативных правовых актах, в т.ч. уголовном законе?

При внимательном рассмотрении напрашивается вывод, что категория законного интереса ближе всего соприкасается с субъективным правом, что приводит к возникновению противоречивых точек зрения по вопросу о соотношении субъективного права и законного интереса. В правовой литературе одни авторы считают, что интерес входит в само содержание субъективного права, является одним из элементов субъективного права [6, с. 42], а субъективное право определяется как «создаваемая и гарантируемая государством через нормы объективного права особая юридическая возможность действовать, позволяющая субъекту (как носителю этой возможности) вести себя определенным образом, требовать соответствующего поведения от других лиц, пользоваться определенным социальным благом, обращаться в случае необходимости к компетентным органам государства за защитой – в целях удовлетворения личных интересов и потребностей, не противоречащих общественным» [7, с. 145].

Другие авторы придерживаются мнения, что субъективное право само интересом не является [8, с. 20-21], оно предназначено для реализации интереса; интерес является целью субъективного права [9, с. 119]. Вместе с тем, несмотря на различные подходы к понятию «интерес», все авторы едины в том, что удовлетворение интереса – основная цель субъективного права, что законный интерес обеспечивается субъективным правом.

Обобщая различные точки зрения относительно понятия «законный интерес», Н.Н. Параскевов пришел к выводу, что содержание законного интереса составляет прежде всего стремление субъекта пользоваться социальным благом [10, с. 32]. При этом автор замечает, что в таком качестве выступает не само благо, а то, что ведет к достижению каких-то благ. Это стремление является основополагающим признаком законного интереса. С этим утверждением, хотя и с оговорками, можно согласиться. От себя добавим, что другим не менее важным признаком является стремление такого субъекта обращаться в необходимых случаях за защитой. Благодаря этому признаку интерес приобретает характер блага, охраняемого законом, т.е. законного интереса.

Законодатель, криминализируя деяния, предусмотренные ст. 173.1 УК РФ, поставил под уголовно-правовую защиту законные интересы субъекта на получение правдивой информации, связанной с реализацией его конституционного права на предпринимательство. Это полностью согласуется с мнением В.В. Субочева о том, что уголовное право защищает только те законные интересы, которые прямо опосредованы предоставленным субъективным правом, нарушение которого и влечет за собой уголовную ответственность [11, с. 258].

Вместе с тем это не значит, что законные интересы должны быть прямо предусмотрены в уголовно-правовой норме, как, например, в ст. 136 УК РФ. Достаточно того, что они будут присутствовать в ней опосредованно, как это сделано в ст. 173.1 УК РФ.

Таким образом, в рассматриваемой норме (ст. 173.1 УК РФ) законные интересы подставного лица, как жертвы преступления защищаются уголовным законом наряду с правами и свободами от общественно опасного посягательства и гарантированы государством. Задача такой защиты состоит в устранении препятствий к реализации соответствующих интересов. Решению этой задачи и служат нормы уголовного права.

Следовательно, законные интересы являются основным дополнительным объектом преступления, предусмотренного ст. 173.1 УК РФ.

Библиографический список

1. Тюнин В.И., Бадзгарадзе Т.А. Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица (ст. 173.1 УК РФ) // Российская юстиция. 2012. № 2. С. 23-29.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2-х т. (постатейный) / А.В. Бриллиантов, Г.Д. Долженкова, Э.Н. Жевлаков и др.; под ред. А.В. Бриллиантова. – 2-е изд. – Москва: Проспект, 2015. Т. 1. – 964 с.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: научно-практический (постатейный) / Н.И. Ветров, М.М. Дайшутов, Г.В. Дашков и др.; под ред. С.В. Дьякова, Н.Г. Кадникова. 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юриспруденция, 2013. – 912 с.
4. Соловьев И.Н. Фирмы-однодневки: противодействие и проблемы уголовно-правовой квалификации // Налоговая политика и практика. 2011. № 1. С. 40-47.
5. http://slovarionline.ru/russkiy_slovar_po_sotsiologii/page/interest.7142.
6. Толстой Ю.К. К теории правоотношения. – Ленинград, 1959. – 249 с.
7. Матузов Н.И. Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. – Саратов, 1972. – 211 с.
8. Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. – Москва, 1950. – 111 с.
9. Шайкенов Н.А. Правовое обеспечение интересов личности. – Свердловск, 1990. – 306 с.
10. Параскевов Н.Н. Законные интересы – объект уголовно-правовой защиты // Российский следователь. 2009. № 7. С. 29-37.
11. Субочев В.В. Законные интересы. – Москва: Норма, 2008. – 443 с.

СИСТЕМНОСТЬ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ФИЛОСОФИИ ПРАВА

УДК 340

Гарашко А.Ю.,

кандидат юридических наук

(Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя)

Аннотация: Автор проводит сравнительный анализ позиционирования источников права как системы в рамках юридической теории и философии

права. В статье рассматриваются особенности формирования такой системы, ее происхождение, природа и сущность в контексте двух данных направлений исследования. Основной вывод работы: системность источников права приобретает специфику и отличительные особенности в зависимости от того, в рамках какой сферы познания она исследуется. Юридическая теория и философия права, благодаря различной методологии и содержанию, придают такой системе кардинально отличный характер. Необходимость анализа системы источников права в том или ином контексте напрямую зависит от целей и задач исследователя, того результата, к которому он хочет прийти.

Ключевые слова: право, источник права, система источников права, правосознание, правопонимание, юридическая теория, философия права.

THE CONSISTENCY OF THE SOURCES OF LAW IN THE CONTEXT OF LEGAL THEORY AND PHILOSOPHY OF LAW

Garashko A.Y.,

candidate of jurisprudence sciences

(Moscow University of the Ministry of Interior of Russia named after V.Y. Kikot)

Abstract: The author conducts a comparative analysis of the positioning of the sources of law as a system within the framework of legal theory and philosophy of law. The article considers peculiarities of formation of such system, its origin, nature and essence in the context of these two areas of research. The main conclusion: systematic sources of law acquire the specificity and distinctive features depending on the sphere of knowledge it is investigated. Legal theory and philosophy of law, due to the different methodology and content, give this system fundamentally different in nature. The need analysis system of sources of law in some context depends on the goals and objectives of the researcher, the result to which he wants to come.

Keywords: law, source of law, system of sources of law, legal consciousness, legal thinking, legal theory, philosophy of law.

Источник права – одна из основных категорий правовой науки. Вопросы «Откуда проистекает право?» и «Что является его источником?» задаются ученые и мыслители с момента первой попытки рационального осмысления феномена самого права, его природы и сущности. Представители каждой школы права, многочисленных типов правопонимания, концепций и подходов к праву дают разные ответы на данные вопросы.

Вместе с тем решение проблем содержания понятия источника права, его первоначального появления и воспроизводства непосредственно зависит от исследования характера и особенностей системы таких источников, их системообразующих и системоразвивающих свойств. Наличие и специфика системы источников права обуславливают возможности существования и дальнейшего развития права в целом, оказания воздействия на такое развитие в целях его

корректировки и повышения эффективности функционирования, предупреждения негативных последствий.

Однако при всей своей значимости вопрос системности источников права до сих пор не решен однозначно, что связано как с полисемантичностью понятия «источник права», так и с различными подходами, существующими в рамках системной методологии.

Так, по мнению Г.И. Муромцева, источники права образуют систему, отличающуюся иерархическим принципом построения, «при котором каждый из нисходящих источников права действителен лишь в той мере, в какой соответствует предписаниям вышестоящих источников» [8, с. 410].

Ф.М. Гаджинова утверждает следующее: «Источники права представляют собой целостную функционально взаимосвязанную систему, составляющую самостоятельный компонент национальной правовой системы» [4, с. 12].

Б.Б. Балданов выделяет в системе источников современного российского права следующие элементы: нормативные правовые акты, нормативные правовые договоры, юридические прецеденты, правовые обычаи [1, с. 12].

Н.Н. Вопленко и А.П. Рожнов анализируют систему нетрадиционных источников права, состоящую из правовых обычаев, нормативных договоров, нормативных актов общественных объединений, правовых доктрин и правоприменительной практики [2, с. 38-39].

Также, взгляд на систему источников права в рамках юридической науки в целом отличается от представлений о такой системе в философии права. Основные отличия заключаются в следующем:

1. Философия права ставит во главу угла человека как правовое существо, обладающее правовыми чувствами, эмоциями, индивидуальными притязаниями. Соответственно, первоначальным и, по сути, единственным подлинным источником права выступает правосознание индивида. «Философия права имеет дело с человеком как с правовым существом. Это существо надо просто принять, как условие всего остального в философствовании о праве... Право не может породить правосознание. Оно вообще возможно только потому, что существует правосознание. Право живет в правосознании, а не наоборот» [6, с. 10]. Именно правосознание вызывает в дальнейшем к жизни появление нормативных правовых актов, судебных прецедентов, принципов права, норм права, правоотношений, правовых обычаев, юридических фактов и др. Для философии права такие явления выступают следствиями, формами или внешними способами закрепления права, берущего начало в человеке.

Вышеперечисленные правовые явления рассматриваются различными школами права в рамках юридической теории как источники права, то есть то, что право порождает и воспроизводит. Наиболее распространенными в настоящее время являются позитивистский и социологический подходы к праву, позиционирующие государство в целом во всем многообразии его проявлений и общественные отношения как источники права.

2. Рассматривая человека как единую сложную систему, состоящую из множества различных подсистем (центральная нервная система, интеллект, ор-

ганы человеческого тела и др.), философия права закономерно предполагает наличие упорядоченности, внутренней организованности источников права.

Юридическая теория «видит» систему источников права лишь с позиции юридического позитивизма, государственно обусловленной системы нормативных правовых актов. Такие акты находятся в строгой иерархической зависимости, обладают различными «статусами»: юридической силой, адресатом реализации, органом принятия.

3. Философия права способствует взгляду на любой предмет исследования как единой целостности, системы. При этом философия права не исчерпывается индуктивностью: с одной стороны, правовые явления, в том числе и источники права, предстают в виде совокупности, то есть целое предстает в единичном, а, с другой стороны, единичное предстает как часть целого, как его необходимая составляющая, играющая особую неповторимую роль в системе. «Философия должна научиться видеть всеобщее, целое, присущее всему, везде и всегда, – в единичном, а единичное понимать как момент всеобщего, наличность всеобщего. И она должна отучить видеть всеобщее и единичное в их отдельности, обособленности друг от друга» [6, с. 9].

Юридическая теория чаще всего использует что-либо одно: индуктивный или дедуктивный метод познания, или, применяя оба метода в комплексе, в любом случае отдает приоритет одному из них.

4. Наряду с использованием системной методологии, философия права для представления источников права как системы, применяет диалектический метод исследования, позволяющий изучить предмет в процессе его развития, воздействия на него многообразия факторов, противоречивости и конфликтности, составляющих его содержание, множественности взаимосвязей как с окружающим миром, так и внутри самой системы. В этой связи сама идея предположения (гипотеза) существования такой системы – «заслуга» прежде всего философии права.

Юридическая теория использует системный метод исследования вместе с формально-логическим методом, что способствует конструированию единства, определению четкой структуры данной системы, ее элементного состава, логике ее функционирования.

5. Философия права, по сути, не являясь самостоятельной наукой, но выступая философской сферой учения о праве, не ставит своей целью достижение истины, конкретного результата, который мог бы иметь практическую значимость и материальное воплощение, окончательное исследование своего предмета. Именно поэтому в рамках философии права не представляется возможным сформировать стройную законченную концепцию системы источников права в связи с многообразием и разнокачественностью, противоречивостью входящих в такую систему элементов, разнообразием их связей, плюрализмом взглядов и подходов на источники права и их совокупностью.

Юридическая теория – самостоятельная наука, функционирующая на основе законов и принципов научного знания, стремящаяся к достижению окончательного результата, истинность которого проверяется в практической дея-

тельности. Эта наука, в принципе, оперируя рабочим определением источников права, дает возможность построения единой упорядоченной системы на основе эмпирических методов исследования.

6. Юридической наукой, позиционирующей право как систему, априори источники права презюмируются также в качестве системы. Отсутствие системы источников права закономерно приводит к констатации вывода о несистемности самого права, что противоречит устоявшемуся в научном мире конвенциональному представлению о правовой жизни, принципу упорядочивания общественных отношений, правопорядку и т.д.

Философия права, анализируя системные свойства источников права, не имеет заранее желаемого и «подгоняемого» результата. Исследование осуществляется более для самого исследования как процесса, чем как для его итога и продуктивного окончания. Это, в свою очередь, оставляет возможность дальнейших перспективных комплексных исследований вопроса системности и открывает широкий простор творческому началу исследователя будущего.

7. Теория права как методологическая и мировоззренческая основа юриспруденции тяготеет к анализу права в действительности, источников права в их формальном материальном воплощении (нормативный правовой акт, правовой договор, судебный прецедент как носители и выразители права в реальности).

Структурными же элементами системы источников права в контексте философии права выступают прежде всего идеальные источники (правосознание, правовая интуиция, правовые чувства, правовое существо и др.). Философско-правовые изыскания позволяют имплементировать в правовую теорию аксиологические, психологические и антропологические основы, служащие качественному обогащению и плюрализации, концептуальной «подпитке» юридической науки.

8. Связанность действительностью правовой жизни обуславливает построение внешних носителей права как его источников в зависимости от реально воспринимаемых критериев и эмпирически ощутимых параметров. Поэтому система источников права в юридической теории – иерархическое построение, детерминированное юридической силой, реализуемой в ходе правоприменения и юридическим статусом принимаемых данные документы органов.

В философии права в основу системы источников права могут быть положены иные критерии, не связанные иерархической соподчиненностью, а имеющие содержательную или функциональную взаимосогласованность. Такая система может включать несколько подсистем, также являющихся внутри себя самостоятельными подсистемами и имеющими свои собственные системообразующие сегменты.

9. Философско-правовое исследование системы источников права имеет внутриинтеллектуальное субъективно-личностное начало, позволяет, благодаря рефлексивности, взглянуть на эту систему изнутри, «представить себя одним из ее системообразующих элементов». Построение системы осуществляется в основном интуитивно благодаря самому субъекту исследования. Количество субъектов обуславливает количество системных построений. Источники

права рассматриваются как главная причина социальных процессов, их первооснова, получающая дальнейшее закрепление в нормативных правовых формах (актах).

В юридической теории система источников права строится отстраненно, снаружи, на основе принципов рациональности и логики. Системность источникам права придает не субъект, а реальность, объективно складывающиеся общественные отношения, социальный коллектив. Источники права – следствие социальных процессов, их отражение в правовой политике и правотворчестве государства.

На основе вышеизложенного следует сделать ряд выводов. Системность источников права приобретает качественную специфику и отличительные особенности в зависимости от того, в рамках какой сферы познания она исследуется. Юридическая теория и философия права, благодаря различной методологии, содержанию, принципам и задачам познания придают такой системе кардинально отличный характер. Необходимость анализа системы источников права в том или ином контексте напрямую зависит от целей и задач исследователя, того результата, к которому он хочет прийти, и от того какого характера итоги работы его интересуют.

Библиографический список

1. *Балданов Б.Б.* Система источников современного российского права: теоретико-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2010.
2. *Вопленко Н.Н., Рожнов А.П.* Правоприменительная практика: понятие, основные черты и функции: монография. – Волгоград: ВолГУ, 2004.
3. *Воронин М.В.* Основания и проявления системности права. – Москва: Юрлитинформ, 2016.
4. *Гаджинова Ф.М.* Источники права и их система в современном российском праве: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2004.
5. *Иванов С.А.* Источники права Российской Федерации: учебное пособие. – Москва, 2000.
6. *Малахов В.П.* Философия права. Идеи и предположения. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2008.
7. *Мамонтов А.Г., Гаджинова Ф.М.* Принципы системного подхода в исследованиях источников права // Вестник Московского университета МВД России. 2005. № 1.
8. Юридическая энциклопедия / отв. ред. Б.Н. Топорнин. – Москва: Юристъ, 2001.

КРИМИНОГЕННОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ НА ЛИЧНОСТЬ

УДК 343.971:177

Демко О.С.,

кандидат социологических наук

(Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Аннотация: Развитие современного общества показывает, что нам необходимо противодействовать криминогенному воздействию СМИ на личность. Однако внедрение и применение мер предупреждения криминогенного влияния СМИ должно осуществляться с соблюдением баланса между свободой средств массовой информации и эффективной борьбой против их криминогенного воздействия.

Ключевые слова: криминогенное воздействие, средства массовой информации, противодействие преступности.

CRIMINOGENIC EFFECTS OF THE MEDIA ON IDENTITY

Demko O.S.,

candidate of sociological sciences

(Belgorod National Research University)

Abstract: The development of modern society shows that we need to counteract the criminogenic influence of mass media on personality. However, Implementation and application of preventive measures against criminogenic impact of mass media should keep the balance between mass media information freedom and effective fighting against their criminogenic impact.

Keywords: criminogenic effect, mass media, crime prevention.

В последнее время средства массовой информации (СМИ) оказывают все большее воздействие на поведение людей, в том числе и негативное. На современном этапе СМИ превратились из простых средств поиска, переработки и передачи информации в средства, контролирующие и трансформирующие внутренний, духовный мир человека. С каждым днем СМИ все жестче контролируют сознание народа с помощью растиражированных стандартов поведения. Стараясь донести до потребителя информацию, они выполняют свою важнейшую задачу – сделать так, чтобы в массовом сознании эта информация вызвала реакции, соответствующие требованиям заказчика, в лице которого могут выступать как частные лица, так и государство.

Началом систематических исследований влияния СМИ на поведение людей можно считать исследования американских ученых в 50-х годах XX века. В нашей стране аналогичные исследования были проведены в начале 1980-х годов. Изучение влияния средств массовой информации на преступность способствовало формированию в России новой криминологической отрасли – криминологии СМИ, основателем которой является Геннадий Николаевич Горшенков.

Под преступностью средств массовой информации понимается «свойство социального института СМИ воспроизводить множество опасных для человека и общества деяний, проявляющееся во взаимосвязи исходящих из СМИ причин совершения преступлений и собственно преступлений, совершаемых с использованием СМИ» [2, с. 82].

К наиболее криминогенными факторам воспроизводства средствами массовой информации преступного поведения можно отнести: демонстрацию СМИ жестокости и насилия, информирование о способах совершения противоправных действий, популяризацию противозаконного поведения, пропаганду роскошного образа жизни, сексуальной распущенности, в целом негативное воздействие на общественное мнение и манипулирование им.

Последствия криминогенного воздействия в зависимости от сферы воздействия СМИ могут проявляться в изменениях психики человека: повышении агрессии, повышении уровня невротизации, тревожности и страха, формировании стереотипных и преступных установок – и способствовать совершению преступлений.

Отсутствие у индивида установок по значимым вопросам позволяет сформировать их вновь достаточно легко. Данную закономерность можно объяснить стремлением СМИ первыми сообщить о каких-либо важных политических событиях, как правило, затрагивающих чувства людей, и сформировать установку отношения к таким событиям. Можно сказать, что установка служит двигателем для формирования побуждений различного рода: хулиганских, корыстных, неприязненных, кровной мести, сексуальных. Данные побуждения же выступают мотивами множественных преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации [1, с. 53].

Э. Фромм писал: «Изо дня в день сообщения о преступлениях и детективные истории завораживают миллионы людей. Те же самые люди благоговейно ходят смотреть кинофильмы, посвященные двум главным темам: преступлению и страсти. Весь это интерес к подобным вещам и их завораживающее воздействие – не просто проявление дурного вкуса и чувственности; они выражают страстную тоску по драматизации первооснов человеческого бытия: жизни и смерти, преступлению и наказанию, единоборству человека с природой.

Взаимосвязь между пропагандой телевидением преступного образа жизни и уровнем преступности отрицать невозможно. В начале 80-х годов в США был проведен опрос осужденных в тюрьмах. Результаты анализа поразили исследователей. Оказывается, что свыше 60% осужденных не скрывали, что совершили преступления под влиянием фильмов, подражая телевизионным геро-

ям, а 22% – приняли на вооружение и руководствовались при совершении преступления способами и приемами совершения преступлений из телепередач. Фильмы служили многим преступникам уроками по профессиональному совершению ограблений, похищений, убийств. Исследования некоторых районов в Южной Африке и Канаде, не имевшие по политическим или техническим причинам телевидения вплоть до начала 70-х годов XX столетия, показали, что через короткие 3-8 лет после внедрения телевидения состоялся скачок преступности несовершеннолетних (в 2-3 раза). Снова приведем конкретные примеры преступлений, совершенных подростками под влиянием просмотренных телепередач. Трое подростков в Барселоне после того, как посмотрели телевизор поздно вечером, натянули через улицу пластиковую ленту и наблюдали, как она перерезала горло мотоциклисту, скончавшемуся на месте [3, с. 4]. Аналогичные случаи происходят и в России. 14-летний туляк после просмотра фильма «Ограбление по-итальянски» повторил его сюжет в реальности. Надев на голову черную маску с прорезями для глаз, он вошел в магазин «Эконом», где пригрозив продавцу ножом, потребовал деньги. Часть похищенной суммы подросток потратил в кафе. Выйдя из этого заведения и доехав до ближайшего отделения полиции, он рассказал о содеянном. Дело о разбойном нападении передано в суд. Подобных примеров, к сожалению, немало [4].

Важным является вопрос предупреждения криминогенного воздействия СМИ на поведение человека. Основу предупреждения должна составлять деятельность, направленная на защиту человека от негативных информационных потоков, разрушающих личность, на восстановление прав граждан, пострадавших от таких воздействий, посредством ограничения распространенности криминогенных факторов СМИ.

Можно выделить следующие основные направления предупреждения преступлений в рассматриваемой сфере:

- совершенствование законодательства, регулирующего отношения в информационной сфере;
- активизацию деятельности по выявлению, учету и систематизации криминогенных факторов СМИ и последствий их влияния на личность и общество;
- активизацию деятельности, направленной на минимизацию либо устранение криминогенных факторов СМИ и результатов их воздействия на личность и общество;
- активизацию деятельности по выявлению лиц, замышляемых и подготавливаемых с помощью СМИ преступные посягательства;
- своевременность профилактического воздействия на лиц с повышенной степенью криминогенности и виктимности;
- организацию государственного контроля над состоянием информационного пространства.

По нашему мнению, основу успешной реализации предупреждения криминогенного воздействия СМИ должна составлять деятельность по совершенствованию законодательства, регулирующего отношения с участием СМИ.

Библиографический список

1. Бжсалава И.Т. Психология установки и кибернетика. – Москва: Наука, 1966. – 250 с.
2. Носкова И.А. Противодействие органами внутренних дел преступности в средствах массовой информации // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2013. № 1 (28). С. 82-86.
3. Исаков С.А. Негативное воздействие СМИ – условие, способствующее преступности несовершеннолетних // Актуальные задачи педагогики: материалы VII Междунар. науч. конф. – Чита: Молодой ученый, 2016. С. 3-6.
4. Официальный сайт Управления МВД России по Рязанской области. URL: https://62.xn--b1aew.xn--p1ai/press_slujba/press_reliz/item/887615

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН В СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ В 1920-е ГОДЫ

УДК 342.5

Дергилева С.Ю.,

кандидат юридических наук

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: В статье рассматривается проблема формирования публично-правовых гарантий защиты прав и свобод граждан в республике советского типа в 20-е годы XX века. Анализируется сущность института административной юстиции, который получает свое выражение в советском государстве в деятельности Бюро жалоб.

Ключевые слова: советское государство, административная юстиция, жалоба, иск, административный суд, Бюро жалоб.

PUBLIC LAW GUARANTEES OF PROTECTION THE CITIZENS RIGHTS AND FREEDOMS IN THE SOVIET STATE IN 1920s

Dergileva S.Y.,

candidate of jurisprudence sciences

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: The article considers the problem of formation public law guarantees of protection the citizens rights and freedoms in the Republic of the Soviet type in the twenties of the 20th century. Analyzes the nature of institute of administrative justice, which gets the expression in the Soviet state in the activities of the Bureau of complaints.

Keywords: the Soviet state, administrative justice, complaint, claim, administrative court, the Bureau of complaints.

В 1920-е годы перед советским государством возникла проблема публично-правовых гарантий защиты прав и свобод граждан. В дореволюционный период оптимальным способом обеспечения законности в буржуазном праве выступала административная юстиция [2, с. 126-129]. Сущность административной юстиции заключалась в применении к разрешению жалоб на распоряжения и действия администрации форм судебного процесса. С процессуальной точки зрения административная юстиция рассматривалась как исковой порядок, порядок состязательного процесса в его применении к публично-правовым отношениям [4, с. 260].

Институт административной юстиции рассматривается как «основной рычаг буржуазного административного права». Административный иск представляет наивысшую формальную гарантию публичного права, которую буржуазный строй в состоянии дать гражданину. Настойчивой отменой неправомерных актов административная юстиция дисциплинирует агентов власти, противодействует произволу, сужает рамки дискреционного усмотрения [4, с. 265-266].

Сущность западноевропейского института административной юстиции состоит в судебном характере обжалования гражданином решения должностного лица. Гражданин получал право на подачу административного иска в случае нарушения его правомочия или в случае нарушения правопорядка.

Организация и функционирование административной юстиции свидетельствовали о подчинении правящей власти судебному контролю, действенность которого обеспечивалась обособлением органов этого контроля от администрации [6, с. 174-175].

В европейских государствах, США институт административной юстиции получил развитие в XIX-XX вв. В России предложения о создании административной юстиции были сформулированы Юридическим совещанием Временного правительства. В мае 1917 г. было разработано «Положение о судах по административным делам», а 30 мая 1917 г. оно было утверждено постановлением Временного правительства¹.

«Положение о судах по административным делам» устанавливало, что судебная власть по административным делам принадлежит административным судам, окружным судам и Правительствующему сенату².

Основными правилами организации административной юстиции были закреплены следующие: в каждый уезд назначался административный судья со своим делопроизводством; в губернских городах учреждались административные отделения при окружных судах; административные судьи должны рас-

¹ Постановление Временного правительства от 30 мая 1917 г. «О судах по административным делам» // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. - Санкт-Петербург, 1917. Отд. 1. № 127. Ст. 692.

² Там же.

сма́тривать споры между государственными органами, с одной стороны, и органами местного самоуправления, а также общественными организациями – с другой¹.

Административные отделения окружного суда или отдельный суд проверяли законность действий должностных лиц², а не разрешали конфликт по существу. Назначив в них старых судебных работников, правительство фактически нейтрализовало демократические черты этих органов [7, с. 257-258].

Новые суды не успели развернуть свою деятельность во всем объеме своих полномочий. Сведения о начавших исполнять свои обязанности административных судьях малочисленны, но они свидетельствуют о том, что основная масса жалоб частных лиц и протестов комиссаров, поданных на рассмотрение судов административной юстиции, касалась соблюдения законного порядка выборов [10, с. 84].

Высоко оценивая деятельность Временного правительства по укреплению законности в области государственного управления, полицейст-административист А.И. Елистратов продолжил разработку модели административной юстиции в республике советского типа с учетом опыта, накопленного в 1917 г.

Проект организации административной юстиции в Советской Республике впервые был разработан в 1918 г. Народным Комиссариатом Государственного контроля. Подготовленное «Положение о Комитете при госконтроле для рассмотрения жалоб, приносимых на действия должностных лиц и правительственных учреждений» было отвергнуто специальным совещанием, которое признало «учреждение административного суда несвоевременным и слишком сложным», заменив его проектом Бюро жалоб [3, с. 201].

В 1922 г. в журнале «Советское право» в виде приложения к статье А.И. Елистратова «Об утверждении законности в советском строительстве» был опубликован разработанный Институтом советского права при участии А.И. Елистратова проект «Положения о Верховном административном суде и об областных и губернских судах Республики» [5 с. 131-134]. «Поворот на новый курс экономической политики делает введение административных судов в Советской Республике ударной задачей», – отмечал А.И. Елистратов. По его мнению, опорой законности является суд; судебная гарантия – это наивысшая юридическая гарантия не только в частных отношениях, но и в области публичных отношений. При отсутствии института судебного обжалования актов управления, составление протокола и принесение жалобы является «паллиативом, чахлым, практически почти что бесплодным» [5, с. 129]. Институт административной юстиции, как справедливо отмечал А.И. Елистратов, вполне совместим с советским укладом, основанием которого является диктатура пролетариата. Административный суд – это не «противовес пролетарской власти», а орган советской власти, который функционально отличается от других орга-

¹ Постановление Временного правительства от 30 мая 1917 г. «О судах по административным делам» // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. - Санкт-Петербург, 1917. Отд. 1. № 127. Ст. 692.

² Там же.

нов. Поэтому административные суды «не являются каким-либо политическим отрывом в общей системе советского строительства», а объединены общей политической концепцией и являются звеньями государственного целого РСФСР [5, с. 130].

«В самой организации административной юстиции следует твердо держаться того начала, что основное право административного суда есть право отмены противозаконного акта управления», – считал А.И. Елистратов. Основными положениями концепции А.И. Елистратова об административной юстиции являлись следующие:

- административная юстиция должна быть отграничена от института ответственности должностных лиц (должностные лица отвечают в уголовном, гражданском или дисциплинарном порядке персонально за совершенное противоправное действие);

- предметом административной юстиции должна быть не жалоба гражданина на должностное лицо, а иск об отмене противозаконного акта;

- виновность должностного лица для истца не должна иметь прямого интереса;

- по своему составу административный суд должен быть высококвалифицированным проводником в жизнь советского права;

- судьи административного суда должны пользоваться значительными гарантиями самостоятельности и независимости в осуществлении возложенной на них задачи по правовому укреплению советского строя;

- производство дел в административных судах должно строиться на началах публичности, состязательности и равноправия сторон [5, с. 130-131].

Административная юстиция, выступавшая основной гарантией законности действий органов власти в западноевропейских государствах, не получила развития в советском государстве. Проект, разработанный Институтом советского права при участии А.И. Елистратова («Положение о Верховном административном суде и об областных и губернских судах Республики»), вошел в первоначальные редакции проектов административных кодексов. Но впоследствии мысль о создании системы административных судов была оставлена советским законодателем.

Это произошло неслучайно, считал В.Л. Кобалевский, так как охрана революционной законности преследовала в первую очередь цель обеспечения революционного правопорядка и отодвигала на второй план элемент личного правопритязания, присущий административному иску [8, с. 414]. Взгляд на административные суды как на ненужный элемент системы советского управления стал доминирующим. Перенесение института административной юстиции в советскую Россию в том виде, в каком он существовал в Российской империи или буржуазных государствах Западной Европы было признано нецелесообразным [9, с. 71, 75; 1, с. 79]. «Противопоставление индивида государству противоречит советскому административному праву, где права и обязанности индивида гармонически сочетаются с правами и обязанностями органов управления», – выражал позицию юристов-марксистов М.С. Берцинский [1, с. 81].

Одновременно с требованием соблюдения законности была предпринята попытка создать гарантии осуществления этого требования. Решением VI Всероссийского чрезвычайного съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов впервые в российской истории всем должностным лицам и советским учреждениям было вменено в обязанность по требованию гражданина, желающего обжаловать их действия, волокиту или чинимые ему в его законных притязаниях затруднения, составление соответствующего краткого протокола¹. Составление протокола, отмечал А.И. Елистратов, не является жалобой и не влечет за собой жалобы, когда должностным лицом дается точный ответ, из которого для гражданина ясна неправильность его притязаний или невозможность удовлетворить его законное требование. Только наличие такого письменного свидетельства, отмечалось в Декрете Совета народных комиссаров от 30 декабря 1919 г. «Об устранении волокиты», может облегчить высшему учреждению, куда гражданин может обратиться, рассмотрение его просьбы².

В связи с требованием составления протокола декретом СНК от 30 декабря 1919 г. было оформлено право подачи гражданином жалоб в общеустановленном порядке подчиненности советских учреждений. Согласно п. «д» ст. 5 Декрета ВЦИК от 9 апреля 1919 г. «О Государственном контроле» наблюдение за организацией во всех учреждениях приема жалоб и заявлений и за правильным их движением было возложено на учреждения Государственного контроля³, а позднее, после преобразований Государственного контроля, – на Рабоче-крестьянскую инспекцию, при которых было образовано Центральное бюро жалоб и заявлений и его местные отделения⁴. Таким образом, идеи утверждения революционной законности и защиты прав граждан А.И. Елистратова нашли свое отражение в организации и функционировании Бюро жалоб.

А.И. Елистратов проанализировал действовавшее законодательство и определил:

- группы лиц, которые вправе подавать жалобы (потерпевшие; лица и учреждения, не понесшие ущерба от обжалованных действий);
- возможное содержание жалоб на действия и распоряжения должностных лиц и органов советской власти (незаконность, нецелесообразность,

¹ Постановление VI Всероссийского чрезвычайного съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов от 8 ноября 1918 г. «О точном соблюдении законов» // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1918. № 90. Ст. 908.

² Декрет Совета народных комиссаров «Об устранении волокиты» от 30 декабря 1919 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1920. № 1-2. Ст. 7.

³ Декрет Центрального исполнительного комитета Советов «О Государственном контроле» от 9 апреля 1919 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1919. № 12. Ст. 122.

⁴ Постановление Народного комиссариата государственного контроля от 4 мая 1919 г. «О Центральном Бюро жалоб и заявлений при Народном комиссариате государственного контроля» // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1919. № 23. Ст. 271.

несогласованность обжалованных действий с декретами, распоряжениями и общими направлениями политики центральной власти, а также жалобы на злоупотребления, канцелярскую волокиту, грубое обращение);

- формы подачи жалоб (лично, по почте, в письменной и словесной форме);
- порядок подачи жалоб;
- сроки рассмотрения жалоб;
- порядок рассмотрения жалоб соответствующими Бюро жалоб;
- порядок привлечения виновных (должностных лиц или органов советской власти) к ответственности и устранение вредных последствий их проступков;
- порядок обжалования решений, принятых Бюро жалоб [3, с. 193-196].

А.И. Елистратов, сравнивая оформившуюся в деятельности Бюро жалоб Рабоче-крестьянской инспекции возможность обжалования действий и распоряжений должностных лиц и органов советской власти с административной юстицией буржуазных государств, указал на то, что «мы не без основания можем рассматривать наши Бюро жалоб в той форме, в какой они сложились в 1922 г., как некоторый зародыш административной юстиции» [3, с. 196-197].

Таким образом, Бюро жалоб Рабоче-крестьянской инспекции не являлись органами судебного обжалования незаконных актов управления, но известная обособленность РКИ от активного управления и те гарантии, которыми обеспечивалась подача и рассмотрение жалоб в бюро, приближали этот выработавшийся в советской практике метод обеспечения законности в юрисдикции к институту административной юстиции. Идеи А.И. Елистратова, связанные с трактовкой административной юстиции как системы разрешения споров, конфликтов и иных правонарушений только судебными органами, сегодня приобретают особую актуальность, когда возникла необходимость интерпретации сущности и содержания административного процесса, соответствующего уровню современной юридической науки.

Библиографический список

1. Берцинский С.М. Предмет советского административного права и метод его изучения. Проблемы социалистического права. – Москва, 1939.
2. Дергилева С.Ю. Проблемы организации административной юстиции в теоретическом наследии А.И. Елистратова // Юрист-Правоведь. 2014. № 3 (64). С. 126-129.
3. Елистратов А.И. Административное право РСФСР. – Ленинград: Гос. изд., 1925.
4. Елистратов А.И. Административное право. Общая часть. – Москва; Ленинград: Гос. изд-во, 1929.
5. Елистратов А.И. Об утверждении законности в советском строительстве // Советское право. 1922. № 1. С. 128-131.
6. Елистратов А.И. Очерк административного права. – Москва: Гос. изд., 1922.

7. Клеандрова В.М., Мулукаев Р.С., Сенцов А.А. и др. История государства и права России: учебник / под ред. Ю.П. Титова. – 2-е изд., перераб и доп. – Москва: Проспект, 2012.

8. Кобалевский В.Л. Советское административное право. – Харьков: Юрид. изд-во НКЮ УССР, 1929.

9. Носов К.Н. К вопросу о теории советской административной юстиции // Советское право. 1925. № 4. С. 70-85.

10. Очердько В.П. Становление административной юстиции в России: вопросы исторической преемственности // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – Ростов-на-Дону, 2012. № 5 (24). С. 82-86.

ПОЛНОМОЧИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ (ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ) ОРГАНОВ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

УДК 342.52

Ерыгин А.А.,

кандидат политических наук, доцент

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: Защита прав и свобод человека и гражданина находится в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов, поэтому региональные органы государственной власти обязаны реализовывать правозащитную функцию. Законодательные органы субъектов РФ не только осуществляют законодательное регулирование в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина, но и назначают (избирают) региональных уполномоченных по правам человека, по правам ребенка, по защите прав предпринимателей, а также из состава депутатского корпуса формируют комитеты (комиссии) по защите прав и свобод человека и гражданина.

Ключевые слова: Конституция (устав) субъекта Российской Федерации; законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта Российской Федерации; права и свободы человека и гражданина; комитеты (комиссии) по защите прав и свобод человека и гражданина.

THE POWERS OF THE LEGISLATIVE (REPRESENTATIVE) BODIES OF CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION ON PROTECTION OF THE RIGHTS AND FREEDOMS OF MAN AND CITIZEN

Erygin A.A.,

candidate of political sciences, associate professor

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: Protection of the rights and freedoms of man and citizen is jointly administered by the Russian Federation and its constituent entities, so regional public authorities are obliged to implement the human rights function. Legislative (representative) bodies of the subjects of not only implementing legal regulation in the sphere of protection of human and civil rights and freedoms, but also to appoint (elect) Regional Commissioners on human rights, on the rights of the child, to protect the rights of entrepreneurs, as well as the composition of the deputies forming committees and commissions for the protection of human and civil rights and freedoms.

Keywords: the Constitution (statutes) of the Russian Federation; Legislative (representative) body of State power of constituent entities of the Russian Federation; human and civil rights and freedoms; committees and commissions for the protection of the rights and freedoms of man and citizen.

Права и свободы человека и гражданина, согласно ст. 18 Конституции Российской Федерации¹, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления. Поэтому, несмотря на различие функций, основной целью деятельности всех ветвей государственной власти является обеспечение и защита прав, свобод и законных интересов человека и гражданина [2]. Основные законы субъектов Российской Федерации также нацеливают региональные органы государственной власти на реализацию правозащитной функции. Так, Устав Волгоградской области от 14 февраля 2012 г. № 1-ОД (ч. 2 ст. 2)² обязывает областные органы государственной власти создавать условия для беспрепятственного осуществления прав и свобод человека и гражданина. В соответствии с Уставом Свердловской области от 23 декабря 2010 г. № 105-ОЗ (ч. 2 ст. 16)³ уважение человеческого достоинства, полная, безусловная и незамедлительная защита прав и свобод человека и гражданина, обеспечение условий для

¹ Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

² Устав Волгоградской области от 14 февраля 2012 г. № 1-ОД (ред. от 10.07.16 № 90-ОД) // Волгоградская правда. 2012. 29 февраля.

³ Закон Свердловской области от 23 декабря 2010 г. № 105-ОЗ (ред. от 25.12.2015 № 168-ОЗ) «Устав Свердловской области» // Областная газета. 2010. 24 декабря.

свободного развития граждан являются обязанностью органов государственной власти области.

Согласно п. «б» ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации защита прав и свобод человека и гражданина находится в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов, следовательно, субъекты РФ вправе устанавливать дополнительные гарантии реализации прав и свобод человека. В Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2012 г. № 19-П¹ указывается, что субъект Российской Федерации вправе наряду с основными гарантиями прав граждан, закрепленными федеральным законом, установить в своем законе дополнительные гарантии этих прав, направленные на их конкретизацию, создание дополнительных механизмов их реализации, с учетом региональных особенностей (условий) и с соблюдением конституционных требований.

В механизме обеспечения прав и свобод человека в субъекте Российской Федерации важное место принадлежит его законодательному (представительному) органу. Несмотря на то что для парламента осуществление охраны и защиты конституционных прав и свобод граждан не является основной функцией, тем не менее он не исключен полностью из правоохранительного и правозащитного процесса, а его деятельность в сфере прав и свобод человека и гражданина можно определить как правоохрану, т.е. создание условий, направленных на наиболее полную реализацию прав и свобод человеком и гражданином путем принятия законов [2, с. 28].

Нормативные правовые акты ряда субъектов Российской Федерации (Владимирская область, Кабардино-Балкарская и Карачаево-Черкесская Республики) в компетенцию региональных законодательных органов включают сферу обеспечения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина. При этом закон Владимирской области от 7 мая 2002 г. № 38-ОЗ «О Законодательном Собрании Владимирской области» (п. 3 ст. 20)² к указанной сфере относит лишь установление областным законом порядка назначения и проведения областного референдума. Компетенция Парламента Кабардино-Балкарии в сфере обеспечения прав и законных интересов граждан включает также регулирование вопросов межнациональных отношений³. К ведению Народного Собрания (Парламента) Карачаево-Черкесской Республики относится законодательное регулирование реализации прав, свобод и законных интересов челове-

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2012 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 1, части 1 статьи 2 и статьи 3 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» в связи с запросом Законодательного Собрания Ростовской области» // Российская газета. 2012. 3 августа.

² Закон Владимирской области от 7 мая 2002 г. № 38-ОЗ (ред. от 30.12.2015 № 211-ОЗ) «О Законодательном Собрании Владимирской области» // Владимирские ведомости. 2002. 15 мая.

³ Закон Кабардино-Балкарской Республики от 10 декабря 2003 г. № 110-РЗ (ред. от 17.05.2016 № 21-РЗ) «О Парламенте Кабардино-Балкарской Республики» (ст. 9) // Кабардино-Балкарская правда. 2003. 17 декабря.

ка и гражданина на территории республики¹. Гораздо шире полномочия Алтайского краевого Законодательного Собрания в области защиты прав и свобод человека и гражданина, которые, согласно ст. 9 закона от 8 мая 2001 г. № 22-ЗС «Об Алтайском краевом Законодательном Собрании»², охватывают: определение порядка оказания гражданам РФ на территории края бесплатной юридической помощи в соответствии с федеральным законом и предоставления компенсации расходов адвокатам, оказывающим указанную помощь; принятие решения о регистрации ходатайства о возбуждении процедуры краевой народной законодательной инициативы; рассмотрение и разрешение петиций и иные полномочия. В этой связи представляется целесообразным в нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации не только устанавливать правозащитные полномочия региональных законодательных органов, но и конкретизировать их содержание.

Основной функцией законодательного (представительного) органа субъекта Российской Федерации в правозащитной сфере является принятие нормативных правовых актов в области защиты прав и свобод человека и гражданина. Следует согласиться с мнением о том, что «с одной стороны, обеспечение правовой защиты прав и свобод невозможно без правового регулирования, а с другой, – установление прав и свобод в конституции или уставе субъекта Российской Федерации уже есть дополнительная мера правовой защиты в силу юридических свойств конституции и устава» [3, с. 254]. Основные законы многих субъектов Российской Федерации содержат специальные разделы или главы о правах и свободах человека и гражданина, их обеспечении: раздел 2 «Человек, гражданин и государственная власть» Устава Томской области от 31 июля 1995 г., глава 3 «Человек и государственная власть» Устава Оренбургской области от 20 ноября 2000 г., глава 2 «Обеспечение и защита прав и свобод человека и гражданина» Устава Тульской области от 28 мая 2015 г., глава 2 «Права и свободы человека и гражданина» Конституции Республики Дагестан от 10 июля 2003 г., глава 2 «Основные права, свободы и обязанности человека и гражданина» Конституции Республики Коми от 17 февраля 1994 г.

Анализ нормативного содержания конституций и уставов субъектов РФ показывает, что они включают либо дословно заимствованные из Конституции РФ, либо видоизмененные права и свободы, либо дополнительные права и свободы в развитие уже закрепленных федеральной Конституцией. Так, Конституция Республики Северная Осетия – Алания от 12 ноября 1994 г. (ред. от 04.12.2013 № 5-РКЗ) (ч. 1 ст. 41) предоставляет каждому право на квалифицированную медицинскую помощь. Согласно ст. 41 Конституции Республики

¹ Закон Карачаево-Черкесской Республики от 12 февраля 1999 г. № 576-XXII (ред. от 24.02.2016 № 3-РЗ) «О Народном Собрании (Парламенте) Карачаево-Черкесской Республики» (п. 1 ст. 22) // Сборник Законов и Постановлений КЧР 1995-1999 гг. Часть I.

² Закон Алтайского края от 8 мая 2001 г. № 22-ЗС (ред. от 02.06.2016 № 39-ЗС) «Об Алтайском краевом Законодательном Собрании» // Алтайская правда. 2001. 16 мая.

Башкортостан от 24 декабря 1993 г.¹ работающему по трудовому договору гарантируется сокращенный рабочий день для ряда профессий и производств. В соответствии с Уставом (Основным Законом) Тульской области от 28 мая 2015 г. (ч. 6 ст. 15) обеспечивается реализация права каждого гражданина на свободный доступ к физической культуре и спорту как к необходимым условиям развития физических, интеллектуальных и нравственных способностей личности². Следует согласиться с мнением о том, что при осуществлении регулирования на уровне субъекта Российской Федерации недопустимо ограничение перечня и объема прав и свобод, а также снижение их гарантированной охраны и защиты по сравнению с федеральным уровнем. Это позволяет сохранить единый стандарт перечня и системы охраны и защиты прав и свобод граждан на всей территории России [4, с. 135].

Законодательные (представительные) органы субъектов Российской Федерации участвуют в формировании региональных правозащитных органов. В соответствии с п. 4 ст. 16.1 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»³ Уполномоченный по правам человека в субъекте РФ назначается (избирается) на должность и освобождается от должности региональным законодательным органом. Право вносить предложения о кандидатуре на указанную должность в соответствии с региональным законом может быть предоставлено депутатам (группе депутатов, фракции) законодательного органа субъекта РФ, что нашло отражение в региональном законодательстве.

Законодательные органы ряда субъектов Российской Федерации обладают более широкими «кадровыми» полномочиями в рассматриваемой сфере. Так, Белгородская областная Дума согласовывает назначение на должность Губернатором области Уполномоченного по защите прав предпринимателей⁴. Законодательная Дума Томской области вносит Губернатору области кандидатуру (кандидатуры) на должность Уполномоченного по защите прав предпринимателей⁵. Законодательное Собрание Ростовской области, Государственный Совет Чувашской Республики назначают на должность Уполномоченного по

¹ Конституция Башкортостана от 24 декабря 1993 г. № ВС-22/15 (ред. от 04.03.2014 № 57-з) // Ведомости Верховного Совета и Правительства Республики Башкортостан. 1994. № 4 (22). Ст. 146.

² Устав (Основной Закон) Тульской области от 28 мая 2015 г. № 2301-ЗТО (ч. 6 ст. 15) [Электронный ресурс] // Сборник правовых актов Тульской области и иной официальной информации. URL: <http://npatula.ru>, 29.05.2015.

³ Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ (ред. от 28.12.2016 № 465-ФЗ) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 42. Ст. 5005.

⁴ Закон Белгородской области от 4 марта 2014 г. № 260 «Об Уполномоченном по защите прав предпринимателей в Белгородской области» (ч. 1 ст. 5) // Белгородские известия. 2014. 18 марта.

⁵ Закон Томской области от 12 ноября 2015 г. № 182-ОЗ «О Законодательной Думе Томской области» // Собрание законодательства Томской области. 2015. № 11/2(135).

правам ребенка и досрочно прекращают его полномочия. К ведению Государственного Собрания Башкортостана, относится назначение на должность и освобождение от должности не только Уполномоченного по правам человека, но и Уполномоченного по правам ребенка и Уполномоченного по защите прав предпринимателей.

В ряде субъектов Российской Федерации получила распространение практика создания в законодательных (представительных) органах комитетов в сфере обеспечения прав и свобод человека и гражданина. Наименования таких комитетов различны: комитет по вопросам законности и защиты прав граждан (Законодательное Собрание Красноярского края), комитет по государственной политике, законодательству, правам человека и Регламенту (Воронежская областная Дума), комитет по государственно-правовой деятельности, законности и правам человека (Законодательное Собрание Вологодской области), комитет по социальной политике и защите прав граждан (Законодательное Собрание Приморского края), комитет по вопросам законности, правопорядка и правовой защиты граждан (Законодательное Собрание Краснодарского края). К наиболее типичным полномочиям правозащитных комитетов относятся: а) предварительное рассмотрение поступивших в законодательный орган проектов законов; б) правовая, финансово-экономическая и иная экспертиза законопроектов; в) организация и проведение депутатских слушаний, конференций, совещаний, «круглых столов», семинаров; г) проведение мониторинга правоприменения региональных нормативных правовых актов. Представляется полезным распространение практики создания правозащитных комитетов законодательных органов в иных российских регионах.

Таким образом, законодательные (представительные) органы субъектов Российской Федерации не только осуществляют законодательное регулирование в сфере обеспечения прав и свобод человека и гражданина, но и формируют правозащитные комитеты, а также назначают (согласовывают назначение) уполномоченных по правам человека, по правам ребенка, по защите прав предпринимателей.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации. Доктринальный комментарий (постатейный) / рук. авт. кол. Ю.А. Дмитриев, науч. ред. Ю.И. Скуратов. – 2-е изд., изм. и доп. – Москва: Статут, 2013 // СПС «КонсультантПлюс».
2. *Киричек Е.В.* Федеральное Собрание Российской Федерации – на страже прав и свобод человека и гражданина: парадигмы и противоречия организации и деятельности // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 4.
3. *Невинский В.В.* Правовое положение личности в субъектах Российской Федерации / Конституционное право субъектов Российской Федерации / отв. ред. В.А. Кряжков. – Москва: Городец-издат, 2002. С. 253-265.
4. *Киричек Е.В.* Организационно-правовой механизм обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: общетеоретические и практические проблемы: монография. – Москва: ТЕЛЕР, 2014. – 189 с.

ПРАВО НАРОДА НА ВЛАСТЬ КАК КОЛЛЕКТИВНОГО СУБЪЕКТА ПРАВА

УДК 340.1

Ерыгина В.И.,

кандидат исторических наук, доцент

(Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Аннотация: В статье рассматривается такая юридическая фикция, как наличие воли и власти у народа, что связано с использованием в конституционно-правовой теории концепции правосубъектности коллективных субъектов права (объединений) наряду с отдельно взятыми гражданами. Проблема соотношения и взаимосвязи народа и государства и попытки ее решения через призму народного представительства исследуются с различных методологических подходов: формально-юридического, естественно-правового, социологического позитивизма и неопозитивизма.

Ключевые слова: народ, право на власть, естественно-правовая теория, государство, конституционно-правовая теория, правосубъектность.

THE RIGHT OF THE PEOPLE TO POWER AS A COLLECTIVE ENTITY

Erygina V.I.,

candidate of historical sciences, associate professor

(Belgorod National Research University)

Abstract: The article describes such a legal fiction as having a will and power of the people, that is associated with the use of constitutional and legal theory the concept of legal personality of collective entities (associations), in addition to individual citizens. Problem of correlation and the relationship of the people and the State and attempt to address it through the prism of popular representation are studied from a variety of methodological approaches: formal-legal, natural and legal, sociological positivism and to neopositivism.

Keywords: the people, the right to rule, of course-legal theory, the State, constitutionally-legal theory, legal personality.

Вектор научных дискуссий в последнее время повернулся в сторону обсуждения необходимости принятия специального закона о «российской нации», закрепления в едином нормативном правовом акте определений ряда понятий, например, «народ», «роль русского народа», «российская нация». Этот закон в совокупности с уже имеющимися документами, например, Указом Президента РФ «О стратегии государственной национальной политики Российской Федера-

ции на период до 2025 года», и другими законодательными актами направлен на уточнение закреплённого в Конституции РФ словосочетания «многонациональный народ», которое до сих пор не получило однозначной трактовки. Также не вполне ясна формулировка, записанная в статье 3 Конституции РФ, о том, что народ является источником власти и осуществляет свою власть как непосредственно, так и через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Конституция РФ, как и большинство зарубежных конституций мира, основана на платформе юснатуралистов, согласно которой народу изначально присуще **право на власть**, которым он сам не может воспользоваться в полной мере для наведения порядка и готов передать ее или, по крайней мере, поделить с иными общественными образованиями, тем самым освобождаясь от бремени ответственности. Таким образом, сторонники естественно-правовой теории приходили к умозаключению о том, что в естественном состоянии у людей было **право на власть**, но в силу своей разобщенности, неорганизованности и незащищенности они не могли им воспользоваться и поэтому составили между собой договор, в соответствии с которым передали это право государству. Учение о праве на власть имеет, как мы видим, давнюю историю в теории конституционно-правовой науки, зародившись еще в XVII-XVIII вв. Одним из основоположников данной концепции являлся Ж.-Ж. Руссо. Мыслитель выделял так называемую волю всех, рассматривая последнюю суммой частных интересов и волеизъявлений отдельных лиц, однако считал эту волю неотчуждаемой, непередаваемой и неделимой. Руссо категорически выступал против представительства: «Депутаты народа, следовательно, не являются и не могут являться его представителями; они лишь его уполномоченные; они ничего не могут постановлять окончательно». Руссо писал о том, что «передаваться может власть, но никак не воля», если «народ просто обещает повиноваться, то этим актом он себя уничтожает; он перестает быть народом»; «как только народ дает себе Представителей, он более не свободен; его более нет» [1, с. 232-239, 249]. По мнению мыслителя, «всякий закон, если народ не утвердил его непосредственно сам, недействителен; это вообще не закон» [1, с. 248]. К такому выводу пришел ученый на основе его представления о том, что законодательный орган государственной власти (*так же, как и государство в целом* – автор статьи) основан на общей воле и мандате сформировавшего его народа и исполняет свои полномочия, полученные от граждан или избирателей.

Вообще до образования государства народа как совокупности жителей одного государства или сограждан не существовало, это была скорее нация, или племя, или толпа. Перейдя в государственное состояние, добровольно согласившись подчиниться единым законам, люди стали гражданами, а их совокупность – народом.

В научной литературе существует и другая точка зрения, согласно которой граждане передают свое право на выражение воли или интересов представителям власти вместе с голосом на выборах.

Присущая народу всеобщая воля интерпретируется В.В. Лапаевой как «единственная точка пересечения различных волей, находящихся в состоянии

противоборства, та равнодействующая векторов направления этих волей, в которой фиксируется момент общественного согласия», «баланс соотношения волей» [2, с. 781], который должен быть основой законодательства, так как решения народа всегда «оказываются правильными» [1, с. 239]. О том, что народ имеет волю и власть, писали многие ученые, это декларировали законы. Однако государственно-правовая действительность не подтверждает фактами наличие воли у народа, и что именно она является основой власти. В конституционно-правовой теории используется такая юридическая фикция, как правосубъектность коллективных субъектов права (объединений), наряду с отдельно взятыми людьми. Вопросы правосубъектности обычно широко обсуждаются в гражданско-правовой литературе в рамках так называемых теорий юридического лица, воли и интереса. Понятие законного представительства используется в цивилистике для некоторых категорий физических лиц, а также организаций [3, с. 27-52] в отличие от конституционного права, в котором рассматриваются вопросы представительства интересов всех граждан. Опираясь на знания частного права и формально-юридический подход, государствоведы переносят на народ личные качества человека, предопределенные не столько естественными и социальными качествами своего носителя, сколько приписанные объективным правом.

Отличие представительства в частной жизни от представительства в общественной и государственной сфере отчетливо показал еще в 1876 г. К.Д. Кавелин. Разница между ними заключается в том, что в первом случае представителями выступают «живые лица», а во втором – «фиктивные», представительство получает обязательный характер и становится независимым от частного усмотрения и произвола. К.Д. Кавелин считает, что только выборное государственное представительство способно установить связь между правительством и народом, непрерывное взаимодействие, объединить все составные части государственного организма, периодически будет «обновлять государственный механизм притоком свежих сил» и «разлагать все вредные застои» [4, с. 206-217].

Среди современных исследователей тему представительной природы власти развивает К.В. Арановский. Он полагает, что понимание власти как воли народа умозрительно, так как «общность воли в политическом обществе недостижима, особенно если граждане пользуются свободой мысли». Как и любая правовая фикция, понятие «воля народа», скорее всего, является мнением большинства полноправного населения. Ученый также доказывает, что власть не является ни волей государства, ни волей народа, так как «воля – функция мозга», с помощью которой можно управлять лишь поступками самого человека [5, с. 150-156].

Именно власть, а не воля, по мнению Н.В. Витрука, является «объектом отношений народного представительства», которое он определяет как одну из форм передачи права на власть [6, с. 170]. Актом передачи власти в современном обществе являются выборы, в которых участвуют лишь активные граждане государства, в результате чего получается разделение народа на его пассивную и активную части, на ту, которая имеет волю, но не реализует ее; и на

ту, которая помимо воли имеет власть и делит ее с государством, тем самым неизбежно засеивая семена недовольства и социальной нестабильности в обществе. «Наличие несогласного меньшинства, – пишет К.В. Арановский, – служит вечным укором догме о воле народа, так как воля части общества, строго говоря, не равна воле народа ни арифметически, ни социологически» [5, с. 159].

В российском государствоведении нет однозначной трактовки проблемы соотношения и взаимосвязи народа и государства, без решения которой нельзя понять сущности народного представительства, а именно ответить на вопрос «кто и кого представляет». Опираясь на знания теории управления, А.И. Хорошильцев доказывает в своей работе «Юридическая кратология», что в условиях современной демократии формируются замкнутые связи между обществом и государством, предполагающие необходимость функционирования как прямых, так и обратных связей, причем влияние власти народа на государство признается определяющим. Обратная связь представляет собой механизм изменения полюса власти и права, которые переходят от субъекта к объекту. Выделяются два вида обратной связи: положительная и отрицательная. Положительная обратная связь действует тогда, когда государство функционирует в соответствии с волей и в интересах народа. Отрицательная обратная связь проявляется в тех ситуациях, когда решения, деятельность государственных органов или отдельных должностных не согласуются с волей народа и не соответствуют его интересам, а поэтому требуют, по мнению общества, коррекции, изменений.

Сторонники социологического неопозитивизма на первое место ставят народ и утверждают, что именно ему принадлежит вся полнота власти, при этом деля ее на три формы: государственную, общественную и власть местного самоуправления [7, с. 353-357; 8, с. 59-60]. Однако вслед за этим происходит структурно-логический анализ форм власти, ее целей, механизмов и процедур. Ошибочным, по мнению С.А. Авакьяна, считается отождествление власти народа с государственной властью, выражающей, прежде всего, приказ, государственные обзывания, давление и санкции [7, с. 357].

Интерес представляет концепция Д.С. Велиевой, которая разграничивает понятия «правообладание» и «правопользование» народа России как коллективного субъекта права. Опираясь на нормативные правовые акты и постановления Конституционного Суда Российской Федерации, она показывает, как вышеназванные понятия не совпадают, если рассматривать их лишь с позиций формально-юридического подхода. Так, согласно Конституции Российской Федерации именно народ является единственным субъектом государственной власти, а «действительной целью конституционной нормы о народе как о единственном источнике власти является выявление и закрепление **воли народа** как предельно обобщенного субъекта конституционно-правовых отношений». Однако исследователь констатирует, что в реальности «далеко не всякая совокупность граждан государства может претендовать на выражение воли народа», а только его наиболее активная часть, так называемая критическая масса, участвующая в выборах и избирающая своих представителей [9, с. 17-20]. Ве-

роятно, на определенный круг лиц, а именно активных избирателей, направлены соответствующие законодательные нормы, исключающие порог явки избирателей на выборах, ведущие к формированию выборных органов государственной власти непредставительного характера; препятствующие проведению референдума и т.д. Можно согласиться с мнением Д.С. Велиевой, делающей вывод о том, что «изменения, которые на сегодняшний день вносятся в избирательное законодательство, нивелируют конституционные возможности народа», не обеспечивают уверенности граждан в своем полномочии, снижают уровень их доверия к публичной власти [9, с. 17-20]. Но указанное законодательное сужение правосубъектности народа Российской Федерации, благодаря формально-догматическому методу, широко используемому в отечественной юриспруденции, не должно создавать сомнения в подлинности власти и верности положений Конституции РФ, о чем еще в конце XIX века писал выдающийся русский юрист Г.Ф. Шершеневич, напоминая, что для догматика не требуется доказывать правильность законов, «если существование и смысл нормы установлены», «их верность заключается в их юридической силе. Для него они играют роль аксиом, не подлежащих доказыванию, но достаточных для правильности выводов, на них основываемых» [10, с. 28-29]. Однако юристы-социологи доказывают формализм в дословном понимании конституционных норм о народном полномочии, являющихся скорее юридическими абстракциями, чем реальными явлениями.

Под термином «народ» в данной статье с позиций социологического подхода понимается вся совокупность граждан определенного государства, наделенных способностью сознательно регулировать свои действия, объединенных общностью истории, культуры, территории, единством целей и потенциалом для их достижения. Такое определение построено на признании народа субъектом права, наделенным, подобно человеку, волей.

Социологический метод правовых исследований предполагает также использование различных подходов, способствующих получению реальной картины мира, научному объяснению фактов действительности с помощью сочетания догматического изучения документов и других источников, материалов судебной и иной правоприменительной практики со знанием истории, психологии населения, результатов опросов, данных непосредственного наблюдения. Можно утверждать, что социолого-позитивистское направление в юридической науке позволяет раскрыть не только сущность, но и выявить практику реализации народного представительства в Российской Федерации, что, в свою очередь, препятствует идеализации конституционной нормы о народовластии и благоприятствует ее превращению в реальное правовое явление при наличии политической воли тех, от которых это зависит. Повышение уровня представительства народа во власти, его участия в управлении делами государства зависит и от воли самого народа, и от воли тех органов и должностных лиц, кому принадлежит власть. Например, свою политическую активность граждане должны проявлять не только на государственном уровне, но и на местах, при

выборе органов местного самоуправления, в организации управления общественными делами.

Наряду с понятием государственной власти в научной литературе существует более широкое понятие публичной власти, которая является, по словам С.А. Авакьяна, организацией управления общественным бытием, инструментом руководства самоорганизацией граждан [11, с. 5-11]. В данное понятие в основном включается местное самоуправление граждан, которое предполагает формирование представительных органов, берущих на себя ответственность по принятию решений и обеспечению их выполнения в интересах населения определенной территории, опираясь при этом на принцип добровольности участия граждан в данном виде общественного управления. Однако наряду с государственной властью и местным самоуправлением в структуре публичной власти С.А. Авакьян выделяет «общественную власть», которая призвана помогать государству и оказывать влияние на него [8, с. 59-60]. Данный вид власти нашел свое воплощение в деятельности различных консультативных и рекомендательных советов, комиссий и других институтов общественного представительства, образующихся для того, чтобы вырабатывать рекомендации для органов публичной власти и их должностных лиц. Подобные образования функционируют при Президенте РФ для поддержания связи между руководителями всех уровней и институтами гражданского общества [12, с. 17].

Среди «новых» форм демократического участия граждан исследователи называют такие, как экспертная деятельность граждан и организаций, лоббизм, общественные слушания, народные обсуждения вопросов государственной и общественной жизни через Интернет, публичные консультации органов власти с бизнес-структурами, деятельность Совета по конкурентоспособности и предпринимательству при Правительстве РФ и др. Указанные институты общественного представительства выполняют в основном совещательные, вспомогательные, информационные, контролирующие функции и осуществляют связь между социумом и властью. В теории конституционного права альтернативные формы народного представительства получили отражение в виде различных типов участия граждан в осуществлении публичной власти: демократии соучастия (включенность граждан в процедуру принятия нормативных правовых актов), консультативной демократии (общественное влияние на принятие публично-властных решений, выявление общественного мнения), коммуникативной демократии (различные формы реального общения между властью и обществом) [13, с. 141-145]. Дальнейшее развитие «новых» форм демократического участия населения в публичной власти будет способствовать превращению нормы Конституции РФ о народовластии из правовой фикции в реальность.

Для повышения уровня легитимности муниципальной власти рекомендуется, во-первых, рассмотреть вопросы о восстановлении обязательности явки избирателей для признания муниципальных выборов состоявшимися (по мнению автора статьи, порог явки надо восстановить на всех выборах), а также о введении ценза оседлости для избрания на выборные должности; во-вторых, предусмотреть создание общественных палат как органов общественного

представительства с консультативно-совещательными и контрольными функциями в городских округах и муниципальных районах (в иных муниципальных образованиях – по их усмотрению) с установлением общих принципов их организации и деятельности в федеральном законе; в-третьих, придать реальное практическое значение институтам прямой муниципальной демократии, в том числе путем развития «электронного» («сетевого») народовластия и в особенности так называемого краудсорсинга – современной технологии демократического участия, позволяющей пользователям сети Интернет вносить свои предложения по тем или иным общественно значимым вопросам и проектам решений [14].

Библиографический список

1. *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре или принципы политического права // Политические институты, избирательное право и процесс в трудах западноевропейских мыслителей XVII – начала XX века / отв. ред. А.А. Вешняков. – Калуга: Символ, 2003. С. 232-257.
2. *Лапаева В.В.* Общественное мнение и право / Проблемы общей теории права и государства: учебник для вузов / под общ. ред. В.С. Нерсисянца. – Москва, 2002.
3. *Белов В.А.* Гражданское право. Т. II. Общая часть. Лица, блага, факты: учебник для бакалавров. – Москва: Юрайт, 2012. – 1093 с.
4. *Кавелин К.Д.* Мысли о выборном начале / Политические институты, избирательное право и процесс в трудах российских мыслителей XIX-XX вв.: хрестоматия / отв. ред. А.А. Вешняков. – Москва: Весь мир, 2003. С. 206-217.
5. *Арановский К.В.* Конституционная традиция в российской среде. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2003. – 658 с.
6. Конституционное право Российской Федерации: учебник / под общ. ред. Н.В. Витрука. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2010. – 656 с.
7. *Авакьян С.А.* Конституционное право России. Учебный курс: учебное пособие: в 2-х т. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва, 2010. Т. 1. – 864 с.
8. Современные проблемы организации публичной власти: монография / рук. авт. колл. и отв. ред. С.А. Авакьян. – Москва: Юстицинформ, 2014. – 596 с.
9. *Велиева Д.С.* Конституционная правосубъектность народов Российской Федерации в контексте демократического государства // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 6. С. 17-20.
10. *Жуков В.Н.* Социология права и догматическая юриспруденция (к истории одной дискуссии в дореволюционной юридической науке) // Государство и право. 2015. № 5. С. 28-29.
11. *Авакьян С.А.* Конституционная теория и практика публичной власти: закономерности и отклонения // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 10. С. 5-11.
12. *Югов А.А.* Власть и воля в системе публично-властных отношений // Российский юридический журнал. 2009 № 3.
13. *Васильева С.В.* Правовые формы гражданского участия: оценки и перспективы развития демократии в современной России / Конституциона-

лизм: идеал и/или реальность: сборник материалов дискуссии за «круглым столом» 4 февраля 2011 г. / под ред. Б.А. Страшуна, И.А. Алебастровой. – Москва, 2012. С. 137-145.

14. Конституционные принципы и пути их реализации: российский контекст: аналитический доклад / отв. ред. А.Н. Медушевский. – Москва: Институт права и публичной политики, 2014. – 76 с.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА СВОБОДЫ СОВЕСТИ В ИТАЛИИ

УДК 342.731

Зайцев В.А.,

кандидат юридических наук

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: В свете проблемы границ реализации права человека на вероисповедание в статье рассматриваются особенности правового института свободы совести в Италии. Итальянская Республика рассматривается как пример устойчивых взаимоотношений государства с Католической церковью, на основе которых сложилась своеобразная модель реализации свободы совести и религии.

Ключевые слова: свобода совести и вероисповедания, права и свободы человека и гражданина, религиозный терроризм, Италия, Папа Римский, Ватикан.

FEATURES OF THE LEGAL INSTITUTION OF FREEDOM OF CONSCIENCE IN ITALY

Zaytsev V.A.,

candidate of jurisprudence sciences

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: In light of the problem of the boundaries of the right to religion in the article features the legal institution of freedom of conscience in Italy. The Italian Republic was seen as an example of sustainable relations between the state and the Catholic Church on the basis of which formed a kind of model of realization of freedom of conscience and religion.

Keywords: freedom of conscience and religion, the rights and freedoms of man and citizen, religious terrorism, Italy, the Pope, the Vatican.

Проблема границ реализации права человека на вероисповедание сегодня наиболее актуальна, так как политическая ситуация в мире очень напряженная

и одна из причин – это активная деятельность террористических организаций. Одним из мотивов этой деятельности является приверженность к одной религии и нетерпимость к другим. Отсутствие толерантности и порождает нарушение свободы вероисповедания, а также нередкое злоупотребление методами его реализации за счет нарушения прав других лиц.

Религиозный терроризм стимулируется не только сознанием того, что данное лицо (террорист) обладает высшей истиной, лежащей, естественно, в русле исповедуемой религии. Такой человек может прибегнуть к экстремистскому насилию и для того, чтобы спасти свою религию, свою церковь. Религиозные фанатики способны прибегнуть к террору, чтобы еще больше возвеличить, утвердить свою религию. Многие исламские фундаменталисты, например, убеждены, что неверных и еретиков необходимо обратить в истинную веру или уничтожить [1, с. 231].

В соответствии с Конституцией Российской Федерации наше государство является светским. А светское государство – государство, появившееся в результате отделения церкви, которое регулируется на основе гражданских, а не религиозных норм. Решения государственных органов не могут иметь религиозного обоснования. В светском государстве каждый человек вправе рассчитывать на то, что он сможет жить, не обращаясь к религиозным институтам. Государство занимает равноудаленную позицию по отношению ко всем традиционным религиям. В стране господствует религиозный мир.

Но, несмотря на это, каждый раз после террористического акта, совершенного на территории Российской Федерации либо за рубежом, посредством СМИ высшие духовные лица всего мира высказывают негативное отношение конфессий к произошедшему и выражают соболезнования родным и близким погибших. Тем самым они дарят людям надежду на лучшее будущее, поддерживают весь мир своей верой. Ярким примером участия в этом считаются Святейший Патриарх Московский и всея Руси и Папа Римский.

Итальянская Республика является примером устойчивых взаимоотношений государства с Католической церковью, на основе которых сложилась своеобразная модель реализации свободы совести и религии. После подписания Италией, наряду с остальными государствами, ряда международных актов универсального характера, которые предполагают светскость, как один из международных стандартов, на законодательном уровне не последовало внесения соответствующих изменений о светском характере государства в Конституцию 1948 г. Отсутствует также единый закон в сфере свободы совести и религии [2, с. 46].

В 1870 г., когда была провозглашена единая независимая Италия, итальянское правительство аннексировало Папское государство. Папский суверенитет был ограничен Ватиканом, которому придали экстерриториальный статус. Закон о папских гарантиях, изданный 13 мая 1871 г., утвердил новый статус папы в Италии. Поскольку это было одностороннее соглашение, которое могло быть отменено по прихоти итальянского правительства, Пий IX отказался его признать, провозгласив себя «ватиканским узником». Возник так называемый римский вопрос.

Вскоре после прихода к власти Муссолини взялся уладить разногласия. Переговоры с участием Ватикана и папы Пия XI были успешно завершены, когда Муссолини и кардинал П. Гаспарри подписали 11 февраля 1929 г. три документа, известных как Латеранские соглашения. Один из них – Конкордат, касающийся Италии и канонического права, придал католицизму в Италии статус «единственной государственной религии».

Новый Конкордат был подписан 18 февраля 1984 г. премьер-министром Итальянской Республики Беттино Кракси и со стороны Святого Престола государственным секретарем кардиналом Агостино Казароли (в историографии этот документ называют Соглашением Вилла Мадама – по названию места, в котором оно было подписано). Парламент Италии одобрил соглашение 25 марта 1985 г. законом № 121 «О ратификации соглашения между Итальянской Республикой и Святым Престолом (с Дополнительным протоколом) от 18 февраля 1984 г., изменяющего Латеранский Конкордат от 11 февраля 1929 г.».

Пункт 1 Дополнительного протокола, принятого для устранения трудностей в понимании и толковании Конкордата, установил, что, учитывая ст. 1 Конкордата, утверждающую независимость и суверенность Итальянской Республики и Святого Престола, больше не действует принцип католической религии как единственной религии итальянского государства, первоначально установленный Латеранскими пактами. Таким образом, по существу, закреплялся светский характер итальянского государства. Однако при этом государство обязалось обеспечить в порядке, определяемом последующими соглашениями между государством и церковью, в соответствии с положениями ст. 11 Конкордата, духовную помощь гражданам в вооруженных силах, полиции, больницах, домах престарелых, тюрьмах и иных исправительных учреждениях. Иначе говоря, Конкордат не закрепил принцип нейтралитета как невзаимодействия между государством и церковью, а, наоборот, указал на важность подобного сотрудничества [3, с. 347].

На современном этапе правовой институт свободы совести и религии в Италии регулируется целой системой нормативных актов помимо Соглашения между Итальянской Республикой и Святым Престолом 18 февраля 1984 г. К базовым из них относят также и Конституцию Итальянской Республики 1948 г.

Ст. 7 регулирует взаимоотношения между Италией и Католической церковью и предусматривает: «Государство и Католическая церковь независимы и суверенны в принадлежащей каждому из них сфере. Их отношения регулируются Латеранскими соглашениями. Изменения этих соглашений, принятых обеими сторонами, не требуют какой-либо процедуры по пересмотру Конституции».

Одной из особенностей правового института свободы совести и религии в Италии является механизм признания государством конфессии, отличной от католической. Закрепленное в ст. 8 Конституции право иных конфессий осуществлять свою деятельность для каждой из них начинается с обязательной процедуры заключения соглашения между итальянским правительством и конфессией. Подобная практика принята и в иных странах католической тра-

диции, например в Испании. Но принципиальная разница состоит в том, что в Италии Соглашение заключается не с «большой семьей», в которую уже входят все деноминации и течения внутри одной конфессии, а конкретно с каждой новой организацией. Это осложняет и загромождает законодательство в данной сфере, делает его казуистичным.

Библиографический список

1. *Антонян Ю.М.* Терроризм [Электронный ресурс] / Хрестоматия по юридической психологии. – Москва, 1998. URL: <http://yurpsy.com/files/xrest1.htm> (дата обращения: 02.12.2016).

2. *Красиков А.А.* Религиозный фактор в европейской и российской политике (исторический аспект). – Москва: XXI век – согласие, 2000. – 136 с.

3. *Пибаев И.* Италия как светское государство: историко-правовой очерк // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 4 (33). С. 347-374.

ГАРАНТИИ ПРАВ И СВОБОД В СТРУКТУРЕ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ (ПРАВОВОГО СТАТУСА) ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 342.7

Киричёк Е.В.,

доктор юридических наук, доцент
(Академия управления МВД России)

Аннотация: В России в последние десятилетия произошли значительные преобразования, затронувшие политическую, экономическую, социальную, культурно-духовную сферы общественных отношений, что, несомненно, повлияло на общее направление развития российского права, модернизацию его отраслей и институтов и обусловило, в том числе, и необходимость исследования гарантий в контексте конституционных прав и свобод человека и гражданина. Важность и теоретико-методологическая необходимость исследования принципов и гарантий конституционных прав и свобод человека и гражданина обусловлена и тем, что в условиях существенного изменения характера общественных отношений на данном этапе развития российского государства и общества разработанные ранее доктринальные подходы к определению их сущности и содержания оказались недостаточными. В современной юридической науке гарантии в контексте общей доктрины конституционных прав и свобод человека и гражданина остаются малоизученными как с точки зрения правового содержания, так и с точки зрения обобщения практики реализации.

Ключевые слова: права, свободы, человек, гражданин, гарантии, Российская Федерация.

GUARANTEES OF RIGHTS AND FREEDOMS IN THE STRUCTURE OF THE LEGAL STATUS (LEGAL STATUS) OF A PERSON AND CITIZEN IN THE RUSSIAN FEDERATION

Kirichek E.V.,

doctor of juridical sciences, associate professor

(Academy of Management of the Ministry of the internal Affairs)

Annotation: In Russia in the last decades have seen a remarkable transformation, involving political, economic, social, cultural and spiritual spheres of public relations, which, of course, affect the General direction of development of the Russian law, the modernization of its branches and institutions, and leading to, including, and the need to study the guarantees in the context of constitutional rights and freedoms of man and citizen. The importance and theoretical-methodological need to study the guarantees of constitutional rights and freedoms of man and citizen is due to the fact that in conditions of significant changes in the nature of public relations at this stage of development of the Russian state and society, developed earlier doctrinal approaches to the determination of their nature and content, were insufficient. In modern legal science guarantees in the context of the common doctrine of constitutional rights and freedoms of man and citizen remain poorly studied both from the point of view of the legal content, and from the point of view of the generalization of the practice of implementation.

Keywords: rights, freedoms, man, citizen, guarantees, Russian Federation.

Важное место в структуре правового положения (правового статуса) человека и гражданина занимают *гарантии прав и свобод*, которые призваны обеспечить благоприятную обстановку для возможно полного претворения в жизнь прав и свобод.

Толковый словарь В.И. Даля определяет гарантию (франц. *garantie*, от *garantir* – обеспечить, охранять) как ручательство, обеспечение, заверение, безопасенье [3, с. 283].

Е.Н. Хазов пишет, что «гарантии прав человека в Российской Федерации представляют собой совокупность социально-экономических, политических, юридических, нравственных, организационных предпосылок, условий, средств и способов, создающих равные возможности личности для осуществления своих прав, свобод и интересов» [10, с. 27].

Представляется, что под *гарантиями* прав и свобод человека и гражданина необходимо понимать общие условия и специальные (юридические) средства, обеспечивающие каждому человеку и гражданину фактическую реализацию прав и свобод и их надежную охрану и защиту.

Общие условия в данном случае включают в себя систему экономических, политических, социальных, культурно-духовных и иных отношений, дек-

ларируемых Конституцией РФ, без которых притязания личности к обществу носили бы формальный характер. Так, в ч. 1 ст. 17 Конституции РФ закреплено, что «в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией».

Специальные (юридические) средства – это закрепленные в нормативном правовом акте способы, непосредственно обеспечивающие возможность правомерной реализации, охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. Без них правовые нормы сами по себе бессильны и не могут быть применены и реализованы на практике.

При всей значимости правового закрепления гарантий прав и свобод для их претворения в жизнь требуются многие условия, в том числе выходящие за рамки права: экономические, политические и др.

Принято выделять *общие и юридические гарантии*. Такое деление можно считать общепризнанным, хотя многие исследователи выделяют еще один вид гарантий – *организационные*, которые характеризуют организационную деятельность государственных органов, общественных организаций по обеспечению реализации прав и свобод человека и гражданина.

Общие гарантии представляют собой систему различных видов общественных отношений, условий и факторов, способствующих наиболее эффективной реализации прав и свобод человека и гражданина. Как правило, в юридической литературе система общих гарантий прав и свобод человека и гражданина представлена тремя видами: *социально-экономическими, политическими и идеологическими (духовными) гарантиями* [9, с. 25; 11, с. 69]. Это действительно те основы, которые раскрывают сущность общественного строя. Некоторые ученые характеризуют такие гарантии, как «материальные гарантии прав» [19, с. 225].

Социально-экономические гарантии предполагают наличие у общества, коллектива, к которому принадлежит лицо, у государства, наконец, у самой личности необходимой материальной базы для осуществления прав и свобод и выполнения обязанностей. Эффективность реализации этих гарантий зависит также от успешно развивающейся экономики, достаточных средств у государства, необходимых государственных (в том числе силовых) рычагов, социальной стабильности в обществе. Социально-экономическая обстановка, сложившаяся в современной России, свидетельствует о недостаточности материальных гарантий для полного осуществления прав и свобод и выполнения конституционных обязанностей (например, Российское государство не может в полной мере гарантировать необходимый уровень собираемости налогов, выполнения одной из важнейших конституционных обязанностей, особенно важных для подъема экономики).

Политические гарантии характеризуются в первую очередь направленностью политики государства на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, борьбу с бюрократизмом государственного аппарата, коррупцией и т.д.; высокой степенью стабильности функ-

ционирования политических институтов и их стремлением к достижению гражданского согласия, исключающего всякую дестабилизацию в обществе; должным уровнем политической культуры и политического сознания граждан и другими политико-организационными факторами [4, с. 17].

Идеологические гарантии включают в себя систему ценностно-ориентированных идей, взглядов, установок, основанных на вере в добро и справедливость. Речь в данном случае идет об общественной сознательности и образованности человека и гражданина. К числу этих гарантий относятся: идеологическое многообразие, общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования, свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, запреты на монополизацию идеологии, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни и т.д. Реализация данных гарантий ведет к повышению уровня культуры и сознательности человека и гражданина, росту доверия и уважения друг к другу, осознанию своей истинной ценности для общества и государства, а также того, что реализация основных прав и свобод возможна лишь при надлежащем исполнении возложенных на гражданина обязанностей. Особое место здесь занимает правосознание, одной из функций которого является создание атмосферы безоговорочного порицания всяких нарушений основных прав и свобод человека и гражданина.

Таким образом, для основных прав и свобод человека и гражданина общие гарантии имеют следующее значение: чем совершеннее система экономических, политических и культурно-духовных (идеологических) отношений в обществе, тем меньше совершается в нем правонарушений, в том числе и тех, которые посягают на личность, ее права и свободы.

Наличие общих гарантий является необходимым, но недостаточным условием реализации любого основного права человека и гражданина. Для этого требуются специальные, то есть *юридические гарантии*, представляющие собой закрепленные в нормативных правовых актах средства, непосредственно обеспечивающие правомерную реализацию, охрану и защиту основных прав и свобод человека и гражданина. Юридические гарантии со стороны общества и государства нужны как для того, чтобы основные права и свободы не нарушались, так и для того, чтобы они осуществлялись (реализовывались).

В системе гарантий основных прав и свобод человека и гражданина юридические гарантии занимают ведущее место, что обусловлено их формально определенным характером и наличием санкций за их неисполнение. Юридические гарантии охватывают все стороны обеспечения основных прав и свобод человека и гражданина, поэтому построение системы этих гарантий дает возможность увидеть недостатки, противоречия, пробелы в правовом регулировании сферы отношений, связанных с тем социальным благом, которое представляет это право. В Конституции РФ эти гарантии закреплены в ст. 45-54¹ [6, с. 128-135; 7, с. 140-148].

¹ Автор рассматривает эту группу юридических гарантий как права-гарантии или как права и свободы в сфере правосудия.

В юридической литературе в зависимости от критерия, положенного в основу классификации, выделяют различные виды юридических гарантий прав и свобод человека и гражданина:

1. В зависимости от источника их закрепления: а) гарантии, закрепленные в Конституции РФ; б) гарантии, закрепленные в иных нормативных правовых актах.

2. По степени определенности: а) общие гарантии, относящиеся ко всем правам и свободам; б) специальные гарантии, обеспечивающие реализацию конкретных прав и свобод.

3. По функциям: а) гарантии реализации, гарантии охраны и гарантии защиты прав и свобод; б) стимулирующие, правообеспечительные и превентивно-охранительные.

4. По отраслевому признаку: гражданско-правовые, административно-правовые, уголовно-правовые, уголовно-процессуальные.

Неодинаковы и субъекты юридических гарантий. Прежде всего, таким субъектом выступает государство. Оно создает условия для осуществления прав и свобод и выполнения обязанностей (например, органы внутренних дел обеспечивают правопорядок в период выборов или проведения санкционированного митинга в целях недопущения нападений оппозиции или преступных элементов, а, с другой стороны, государственные органы проводят призыв в армию, обеспечивая исполнение конституционной обязанности граждан). Государство вправе применять к человеку и гражданину, коллективу (например, религиозной секте), юридическому лицу, своему органу или должностному лицу меры принуждения, если эти субъекты препятствуют кому-либо в осуществлении конституционных прав и свобод или исполнении обязанности (например, нарушают свободу передвижения граждан).

В ст. 45 Конституции РФ закреплено, что «государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется». Роль государства как главного гаранта прав и свобод вытекает и из содержания ст. 2, 17, 19 и др. Конституции РФ. Она осуществляется через систему государственных органов. В ст. 18 установлено, что «права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием».

Субъектом гарантий может стать общественное объединение или коллектив, в котором лицо трудится. Коллектив может, например, защищать (на общественных началах) своего члена в суде, если нарушены его права и свободы, может морально побуждать выполнять свои обязанности (например, заботиться о нетрудоспособных родителях).

Юридические гарантии прав и свобод и меры воздействия для исполнения обязанностей по отношению к самому себе или иным субъектам может использовать сама личность, ссылаясь на ч. 2 ст. 45 Конституции РФ, которая гласит: «Каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом» (например, человек может обратиться в суд, а может

использовать нормы Уголовного кодекса Российской Федерации о необходимой обороне при посягательствах на него и т.д.).

Общие и юридические гарантии тесно взаимосвязаны между собой. Так, нельзя рассматривать юридические гарантии в отрыве от идеологических гарантий. Их взаимная связь проявляется в следующем: чем выше уровень духовной культуры граждан, их идейность, тем нетерпимее они относятся к нарушению прав и свобод человека и гражданина [2, с. 166; 5, с. 95-107]. Более того, юридические гарантии направлены на свободное и поступательное развитие человека и гражданина. Социально-нравственное направление реализации правовых норм приобретает в обществе все большее значение, отражая процесс постепенного преобразования правовых норм в нормы общественного саморегулирования [8, с. 241].

Таким образом: 1) особенность применения юридических гарантий – это и есть гарантированность прав и свобод человека и гражданина в их взаимосвязи, единстве, равенстве, без чего невозможна подлинная реальная свобода индивида в обществе и государстве; 2) не все правовые нормы являются юридическими гарантиями прав и свобод человека и гражданина, а лишь те из них, которые содержат определенные средства и способы, с помощью которых достигается беспрепятственное пользование правами и свободами, их надежная охрана и защита.

Библиографический список

1. Баглай М.В., Габричидзе Б.Н. Конституционное право Российской Федерации. – Москва, 1996.
2. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. – Москва: Норма, 2008.
3. Даль Д.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Москва, 1955. Т. 1.
4. Зарицкий А.В. Гарантии прав личности при реализации юридической ответственности (вопросы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук. – Коломна, 1999.
5. Каламкарян Р.А. Юридические гарантии прав личности в Российской Федерации (по материалам «круглого стола») // Государство и право. 2000. № 11.
6. Киричёк Е.В. Конституционные права и свободы человека и гражданина в России: теория и практика, история и современность, проблемы и перспективы: монография. – изд. 2-е, перераб. и доп. – Тюмень: Филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2014.
7. Киричёк Е.В. Особенности конституционно-правового закрепления прав и свобод человека и гражданина в сфере правосудия // Судебная практика в Западной Сибири. № 3(7). 2011.
8. Тихомиров Ю.А. Теория закона. – Москва, 1982.
9. Фарбер И.Е., Ржевский В.А. Вопросы советского конституционного права. Вып. 1. – Саратов, 1967.

10. Хазов Е.Н. Конституционные гарантии прав и свобод человека и гражданина в России: теоретические основы и проблемы реализации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2011.

11. Эбзеев Б.С. Советское государство и права человека. – Саратов, 1986.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ВЗГЛЯД СОЦИОЛОГА И ЮРИСТА

Колокольцева О.В.,

кандидат социологических наук, доцент

(Санкт-Петербургский университет МВД России);

Ильичёв И.Е.,

доктор юридических наук, профессор

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: Гражданское общество становится все более заметным и влиятельным феноменом современной России. Однако степень изученности данного феномена нельзя признать достаточно глубокой. В настоящей работе своё видение явления излагают социолог и юрист.

Ключевые слова: гражданское общество, история, понятие, классификация, социология, правовые основы.

CIVIL SOCIETY: THE SOCIOLOGIST AND LAWYER VIEW

Kolokoltseva O.V.,

candidate of sociological sciences, associate professor

(Saint-Petersburg University of MIA of Russia);

Il'ichev I.E.,

doctor of jurisprudence sciences, professor

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: Civil society is increasingly visible and influential phenomenon in modern Russia. However, the degree of knowledge of the phenomenon can not be considered deep enough. In the present work, the vision phenomena of the present the sociologist and the lawyer.

Keywords: civil society, history, definition, classification, sociology, legal basis.

Нормативное определение термина «гражданское общество» отсутствует.

В научной и учебной литературе даются самые разные определения этого термина, которые трудно признать удачными в силу значительного расхождения закладываемых в них понятий.

В Древней Греции Аристотель определял гражданское общество как общество, состоящее из граждан (напомним: Древняя Греция, хотя и состояла из городов-республик, была рабовладельческим государством; рабы, естественно, не входили в состав граждан).

В общем, широком понимании гражданское общество современного государства тоже можно определить как общество, состоящее из граждан. Однако и «неграждане» – граждане иностранных государств, лица без гражданства, постоянно или длительное время проживающие на территории данного государства, в соответствии с установками национальной конституции, могут принимать участие в деятельности институтов гражданского общества, отстаивая свои права и защищая свои интересы. К этому призывают и общепризнанные принципы международного права¹. В таком понимании гражданское общество это и есть само общество, эти категории тождественны [1, с. 488].

В узком значении термин «гражданское общество» понимается как складывающаяся в стране совокупность институтов гражданского общества [3].

Институты гражданского общества возникают по инициативе граждан, являются одной из форм их самоорганизации. В основе такой самоорганизации лежит общий интерес, который объединяет людей, их стремление к достижению сформулированной цели общими усилиями.

Следует подчеркнуть, что далеко не каждое такое объединение становится институтом гражданского общества, а лишь те из них, которые провозглашают и на практике стремятся к достижению общественно значимой цели. Такой целью может быть поставленная на широкую основу благотворительность, поддержка нуждающихся, защита экономических прав трудящихся, участие граждан в обеспечении охраны общественного порядка, стремление граждан к активному участию в политической жизни общества и т.д.

Из сказанного следует: *институты гражданского общества – это добровольные объединения граждан, которые создаются ими для совместного достижения общественно значимых целей.*

Понятно, что институты гражданского общества объединяют не всех граждан, а только наиболее активную их часть. В этом отношении гражданское общество есть ядро общества, своеобразная его передовая часть [1, с. 490].

Отличительной особенностью институтов гражданского общества является их «кадровая мобильность». Поскольку любой институт гражданского общества представляет собой *добровольное объединение* людей, к такому институту примыкают сторонники, увлеченные идеей этого объединения. Но каждый человек, в свое время примкнувший к такому объединению, вправе его и покинуть, если он по тем или иным причинам в этом объединении разочаровался, – это его конституционное право. Такие процессы и придают институтам гражданского общества как самоорганизующимся системам [2, с. 137] присущую им «кадровую мобильность». Мобильна и сама *система* институтов гражданского общества: какие-то из них исчезают, утратив понимание и под-

¹ См., напр.: Всеобщая декларация прав человека: принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года.

держку граждан, их место занимают новые, отражающие меняющийся спектр общественных интересов.

Гражданское общество и его институты не существуют сами по себе, они активно взаимодействуют как с гражданами, так и с государством.

Граждане составляют основу, костяк института гражданского общества, определяют «результатирующий вектор», основное направление его деятельности.

Каждый институт гражданского общества стремится привлечь на свою сторону, вовлечь в свою деятельность как можно большее число сторонников. От этого зависит его авторитет в глазах граждан, общества, потенциал влияния на государство и его органы.

Государство устанавливает общие правила создания и функционирования институтов гражданского общества, достаточно активно взаимодействует с наиболее авторитетными из них.

Современное демократическое государство заинтересовано в развитии гражданского общества, видя в нем возможность глубже понимать нерешенные или слабо решаемые проблемы общества. С этой целью, например, создан и функционирует Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. В задачи Совета входит оказание содействия главе государства в реализации его конституционных полномочий в области обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина, информирование Президента Российской Федерации о положении дел в этой области, содействие развитию институтов гражданского общества в Российской Федерации.

Появление институтов гражданского общества – важное событие в истории человечества, оно знаменует собой новый уровень его развития, отражает новое качество защиты прав и свобод личности в современном обществе.

Структура гражданского общества – это его внутреннее устройство.

В широком, социологическом смысле *структура гражданского общества – это совокупность частей (элементов, слоев) общества, объединяемых теми или иными общими интересами.*

Современный социум, благодаря многообразию присущих ему отношений, воспроизводит самые разнообразные структурные единицы гражданского общества. Таковыми, например, являются:

- 1) нации, национальные движения;
- 2) классы, коалиции классов;
- 3) политические партии и движения;
- 4) профсоюзы;
- 5) трудовые коллективы;
- 6) общественные организации и объединения (молодежные, доноров и др.);
- 7) массовые общественные движения (защитников окружающей среды, противников ядерного оружия и т.п.);
- 8) общества потребителей; социальные слои (женщины, студенты, пенсионеры и т.п.);

9) союзы предпринимателей (межбанковский союз, союзы товаропроизводителей и др.);

10) негосударственные средства массовой информации.

В узком понимании термина *структура гражданского общества – это неформальная система его институтов.*

Понимание структуры гражданского общества как системы предполагает классификацию институтов гражданского общества по тем или иным объединяющим их признакам.

Поскольку гражданское общество пронизывает все сферы общественной жизни, его институты целесообразно классифицировать по *направлениям их деятельности и принадлежности к социальным подсистемам.* По данным признакам различают институты, ориентирующие себя на достижение общественно значимых целей:

- в сфере экономических отношений;
- в сфере политических отношений;
- в социальной сфере;
- в сфере духовно-нравственных и культурных отношений.

Институты, ориентирующие себя на достижение общественно значимых целей в сфере *экономических отношений*, непосредственно в экономику не вмешиваются. Но они добиваются установления справедливых взаимоотношений между работниками и работодателями, достойного вознаграждения за качественный труд, эффективного сотрудничества в обеспечении безопасности труда, стимулируют рост занятости, снижение безработицы и т.д.

В сфере *политических отношений* институты гражданского общества (политические партии и движения) обеспечивают реализацию на практике конституционных принципов идеологического и политического плюрализма, осуществления народом своей власти непосредственно и через органы государственной власти и местного самоуправления.

В *социальной* сфере институты гражданского общества дополняют государство общественными инициативами, связанными с благотворительной деятельностью¹, поддержкой нуждающихся, заботой о стариках, детях, оставшихся без попечения родителей, совершенствованием правового обеспечения такой деятельности.

В сфере *духовно-нравственных отношений* институты гражданского общества защищают семейные ценности, содействуют воспитанию населения в духе патриотизма, организуют участие населения в укреплении общественного порядка, обеспечении безопасности и обороноспособности страны.

В сфере *культурных отношений* институты гражданского общества поддерживают и развивают исторические и культурные традиции народа, народные промыслы и ремёсла, содействуют развитию литературы, театра, кино, учреждений культуры, охране и эффективному использованию культурного наследия – памятников истории и культуры.

¹ Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ (с последующими изменениями и дополнениями) «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях».

Особое место в системе институтов гражданского общества занимают средства массовой информации (СМИ), деятельность которых регламентирует Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации»¹. Они доводят до населения информацию о событиях в стране и за рубежом, о проблемах государственного и общественного развития, дают возможность высказаться по общественно значимым вопросам представителям различных слоев общества – рядовым гражданам, представителям органов государственной власти и местного самоуправления, институтам гражданского общества – политических партий, общественных движений, профсоюзов, молодежных, женских, религиозных организаций и т.д.

Тем самым СМИ способствуют не только формированию у граждан объективных представлений об окружающем мире, но и выработке ими собственной позиции по актуальным проблемам общественного развития.

По *правовому статусу* различают институты гражданского общества, обладающие, согласно их уставу, правами юридического лица и не обладающие таким правом.

Наконец, по *территории действия* различают институты гражданского общества, действующие в масштабах всей страны, региональные и местные.

Структура гражданского общества, как уже упоминалось, имеет неформальный характер.

Это связано, во-первых, с тем, что институты гражданского общества не входят в систему органов государственной власти и местного самоуправления, государство не вмешивается в процессы их создания и текущей деятельности.

Во-вторых, каждый такой институт как самоорганизующийся организм не только порождается обществом, гражданами, но и может исчезнуть с общественной арены – в силу, например, изменения законодательства, невыполнения поставленных целей и, как следствие, утраты своих сторонников. Соответствующие примеры можно найти в истории каждого современного государства, в том числе и России.

Таким образом, гражданское общество, являясь феноменом социальной реальности, отличается многогранностью своих проявлений. Это обусловлено, прежде всего, многообразием социально значимых потребностей индивидуумов, которые, формируя систему социальных связей, детерминируют появление институтов гражданского общества, призванных решать многочисленные задачи, вытекающие из общих потребностей, на основе принципов равенства прав и свобод граждан, гарантированной законом защиты государством этих прав и свобод.

Библиографический список

1. См.: *Авакьян С.А.* Конституционное право России. Учебный курс: учебное пособие: в 2-х т. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма: Инфра-М, 2015. Т. 1.

¹ Закон Российской Федерации от 21 декабря 1991 г. № 2124-1 (с последующими изменениями и дополнениями) «О средствах массовой информации».

2. Конституционное право России: учебник для студентов вузов / Б.С. Эбзеев [и др.]; под ред. Б.С. Эбзеева, Е.Н. Хазова, А.С. Прудникова. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – 671 с.

3. См.: Мерник А.М. Виды институций гражданского общества, их классификация // Известия Сочинского государственного университета. 2012. № 4 (22). С. 249-252.

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

УДК 347.157.1(075)

Котарева О.В.,

кандидат юридических наук

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: В статье поднимается вопрос о правовом положении несовершеннолетних в российском законодательстве.

Ключевые слова: правовое положение, несовершеннолетние, семья, права и свободы.

THE LEGAL STATUS OF JUVENILES IN THE RUSSIAN LEGISLATION

Kotareva O.V.,

candidate of jurisprudence sciences

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: The article raises the question of the legal position of minors in the Russian legislation.

Keywords: the legal status of minors, family rights and freedom.

Специфика правового положения несовершеннолетних вызывает интерес в научной сфере, поскольку дети и молодежь – будущее страны, с опорой на которую будет строиться государство через 20-30 лет.

Основу правового положения несовершеннолетних составляют международные акты, в числе которых следует выделить Декларацию прав ребенка 1959 г.; Конвенцию ООН о правах ребенка 1989 г.; Всемирную декларацию об обеспечении выживания, защиты и развития детей 1990 г.; Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних 1985 г. (Пекинские правила) и др.

В Российской Федерации существует целый комплекс общественных и государственных институтов (Уполномоченный по правам ребенка, Комитет по делам женщин, семьи и молодежи Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации; Межведомственная комиссия по делам несовершеннолетних при Правительстве Российской Федерации; Департамент медико-социальных проблем семьи, материнства и детства Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации и Управление по делам молодежи в Министерстве образования и науки Российской Федерации и многие другие учреждения и организации), занимающихся вопросами защиты прав несовершеннолетних, но вопреки этому сохраняется ряд вопросов, которые, по мнению юристов, должны быть подвернуты пересмотру. Неоднократно и Конституционный Суд Российской Федерации становился правозащитником несовершеннолетних. Так, 8 июня 2010 г. Конституционный Суд Российской Федерации защитил права детей на жилье путем вынесения Постановления № 13-П, согласно которому собственник не сможет продать принадлежащую ему квартиру без согласия органов опеки и попечительства, если будут нарушены интересы проживающего в ней ребенка. Решение было принято из-за Леры Чадаевой, чью квартиру продал отец девочки, лишив при этом ее места жительства. Так, при продаже квартиры необходимо получить согласие органа опеки и попечительства, если в квартире зарегистрирован ребенок. Указанное постановление послужило основанием внесения изменений в ст. 292 ГК РФ и в Жилищный кодекс Российской Федерации.

В целях обеспечения прав детей и усиления их социальной защиты в России в период с 1991 по 2010 год было принято более 200 нормативных правовых актов, затрагивающих различные аспекты жизни детей и все сферы жизнедеятельности семьи. Так, особое значение для регулирования прав представляют Конституция Российской Федерации, СК РФ, ГК РФ, УК РФ. Особое место в защите прав и свобод несовершеннолетних занимают такие акты, как Федеральный закон Российской Федерации от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»¹; Федеральный закон Российской Федерации от 21.12.1996 № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей»²; Федеральный закон Российской Федерации от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»³ и др.

¹ Федеральный закон Российской Федерации от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 26. Ст. 3177.

² Федеральный закон Российской Федерации от 21.12.1996 № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 52. Ст. 5880.

³ Федеральный закон Российской Федерации от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3802.

Основополагающим законом, регулирующим правовой статус несовершеннолетних, является Конституция Российской Федерации. Так, в ст. 2 Конституции Российской Федерации закрепляется, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина является обязанностью государства. Базовыми положениями также является то, что: 1) детство находится под защитой государства (п. 1 ст. 38), 2) забота о детях их воспитание – равное право и обязанность родителей (п. 2 ст. 31), 3) гарантированность каждому социального обеспечения для воспитания детей в случае болезни, потери кормильца и т.д. (п. 1 ст. 39), 4) обязанность родителей или лиц, их заменяющих, обеспечивать получение детьми общего образования (п. 4 ст. 43).

Семейный кодекс Российской Федерации закрепляет и развивает конституционные положения о защите семьи, материнства, отцовства и детства государством. С принятием Семейного кодекса в России впервые закрепляется правовой статус несовершеннолетних, так как ранее дети рассматривались скорее как объект родительской опеки, а не как обладатели субъективных прав. В Семейном кодексе Российской Федерации отдельная глава посвящена именно правам несовершеннолетних детей, где закреплены: право ребенка жить и воспитываться в семье, право ребенка на общение с родителями и другими родственниками, право ребенка на защиту, право ребенка выражать свое мнение, право ребенка на имя, отчество и фамилию, изменение имени и фамилии ребенка, имущественные права ребенка.

В п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» дается разъяснение, что, решая вопрос о месте жительства несовершеннолетнего при раздельном проживании его родителей (независимо от того, состоят ли они в браке), необходимо иметь в виду, что место жительства ребенка определяется исходя из его интересов, а также с обязательным учетом мнения ребенка, достигшего возраста 10 лет, при условии, что это не противоречит его интересам (п. 3 ст. 65, ст. 57 СК РФ).

Государство активно проводит политику в сфере охраны прав несовершеннолетних в различных сферах жизни. Так, Федеральным законом от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» регулируется защита детей по обеспечению профессионального обучения и ориентации детей, достигших возраста 14 лет. В случае принятия на работу детей, достигших возраста 14 лет, им гарантируются вознаграждение за труд, охрана труда, сокращенное рабочее время, отпуск. Обязанностью государства является необходимость учитывать нормативы строительства объектов социальной инфраструктуры для детей, решения о реконструкции, модернизации, об изменении назначения или о ликвидации объекта социальной инфраструктуры для детей¹.

¹ Федеральный закон Российской Федерации от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 31. Ст. 3802.

Принимаются меры по защите детей от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред их здоровью, нравственному и духовному развитию: рекламы алкогольной и табачной продукции, от всякого рода пропаганды (насилия, жестокости, социальной нетерпимости, расового и национального неравенства), информации, пропагандирующей нетрадиционные сексуальные отношения. При этом государство предоставляет защиту детям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации.

Во всех этих аспектах нельзя забывать о тенденциях нарушения законов в сфере соблюдения прав и интересов несовершеннолетних. По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, за 2015 год было выявлено 728 тыс. нарушений прав несовершеннолетних, что на 165 тыс. больше по сравнению с 2008 годом. Так, большую часть нарушений выявляют в сфере законов об охране жизни и здоровья несовершеннолетних в образовательных учреждениях. Это связано с недостатками отраслевого законодательства, где до сих пор сохраняются пробелы, неактуальность ряда положений нормативных правовых актов в вопросе транснациональной организованной преступности, новых телекоммуникационных технологий и средств связи, с либерализацией экономической, информационной, образовательной, миграционной, уголовной и иных сфер государственной политики [1, с. 12].

Библиографический список

1. Актуальные проблемы ювенального права и прокурорского надзора по делам несовершеннолетних: материалы «круглого стола» / отв. ред. О.В. Пристанская. – Москва, 2010.

ПРЕДЕЛЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПОЛНОМОЧИЙ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

УДК 342.7

Кравцова Е.А.,

кандидат юридических наук

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: Конституция Российской Федерации относит регулирование прав человека и гражданина к ведению Российской Федерации, оставляя за субъектами Российской Федерации право осуществлять защиту прав и свобод человека и гражданина. На основании анализа законодательства и мнений современных ученых в статье рассматривается вопрос о пределах правового регулирования субъектов Российской Федерации в сфере прав и свобод человека и гражданина.

Ключевые слова: конституционное право, права человека и гражданина, защита прав человека и гражданина, законодательные органы субъектов Российской Федерации, органы государственной власти субъектов Российской Федерации.

LIMITS ON THE EXERCISE OF LEGISLATIVE BODIES OF STATE POWER OF SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION OF POWERS ON PROTECTION OF THE RIGHTS AND FREEDOMS OF MAN AND CITIZEN

Kravtsova E.A.,

candidate of jurisprudence sciences

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: The Constitution of the Russian Federation regards the regulation of the rights of man and the citizen to conducting the Russian Federation, leaving regions of the Russian Federation the right to exercise the rights and freedoms of man and citizen. Based on the analysis of the legislation and the views of modern scientists, the article considers the question of the limits of legal regulation of subjects of the Russian Federation in the sphere of the rights and freedoms of man and citizen.

Keywords: constitutional law, human rights and citizen protection of the rights of man and of the citizen, the legislative bodies of constituent entities of the Russian Federation, bodies of state power of subjects of the Russian Federation.

В соответствии с международными нормами права действующая Конституция Российской Федерации в главе 2 зафиксировала основные права человека и гражданина, признанные и действующие в Российской Федерации. Ст. 18 Конституции устанавливает, что именно права и свободы человека и гражданина должны лежать в основе деятельности любого государственного органа и органа местного самоуправления. Несмотря на то, что согласно ст. 18 Конституции права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими, большинство из них нуждается в действенном механизме их реализации. Например, механизм осуществления прав избирать и быть избранным, установленных ст. 32 Конституции, установлен в Федеральных законах «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», «О выборах Президента Российской Федерации», «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», «Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления», «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Рос-

сийской Федерации» и ряде других, а также конкретизировано в законодательстве субъектов РФ и нормативных актах органов местного самоуправления. Аналогичные механизмы законодательно закреплены и в отношении других конституционных прав человека и гражданина.

При этом ст.ст. 71, 72 Конституции РФ вопросы регулирования и защиты прав и свобод человека и гражданина относят к ведению Российской Федерации, оставляя за субъектами РФ полномочие по защите прав и свобод человека и гражданина.

Рассматривая соотношение норм о регулировании и защите прав человека и гражданина, закрепленных в ст.ст. 71 и 72 Конституции РФ, Э.С. Юсубов пишет: «Невозможно представить, что защита прав и свобод человека и гражданина может быть оторвана от комплекса ее регулирования. Последнее включает в себя признание, соблюдение и защиту и не может рассматриваться отдельно от регулирования. Эффективная реализация рассматриваемого права исключительно только на федеральном уровне крайне сложна» [5, с. 38]. Таким образом, возникает вопрос, каковы пределы осуществления законодательными органами субъектов полномочий по осуществлению защиты прав и свобод человека и гражданина, закрепленных ст. 72 Конституции РФ.

Если обратиться к Устам (Основным законам) субъектов РФ, то можно сделать вывод о том, что региональные законодатели имеют тенденцию не только к защите, но и к регулированию прав и свобод человека и гражданина. В частности, Устав Брянской области содержит главу 2, которая называется «Права и свободы человека и гражданина. Гарантии прав и свобод», глава 2 Устава Ивановской области носит название «Права и свободы человека и гражданина», глава 2 Устава Курской области озаглавлена «Права и свободы человека и гражданина, их защита». Кроме того, нормы, регулирующие права и свободы человека и гражданина, содержатся также в иных главах Основных законов субъектов РФ.

Большинство регионов в своих Основных законах указывают, что на их территории признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина, закрепленные в Конституции Российской Федерации и международном законодательстве. Однако ст. 5 Устава Курской области гласит: «Каждому человеку, проживающему или временно находящемуся на территории области, гарантируются права и свободы, а также охрана жизни, здоровья, чести, достоинства, его имущества, установленные Конституцией Российской Федерации, федеральными законами и международными правовыми нормами, **положениями настоящего Устава Курской области**». Таким образом, можно сделать вывод о том, что в данном случае региональный законодатель считает возможным устанавливать дополнительные права для жителей Курской области.

Иная формулировка используется законодателями Ивановской области, которые в ст. 11 Устава прописывают: «Права и свободы человека и гражданина обеспечиваются и гарантируются независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного, должностного и социального положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности

к общественным объединениям в соответствии с Конституцией Российской Федерации, общепризнанными принципами и нормами международного права, федеральными законами и законами Ивановской области». Данная формулировка полностью соответствует ст.ст. 71, 72 Конституции, поскольку устанавливает право регионального законодателя обеспечивать выполнение прав, а не осуществлять их нормативное регулирование.

В отдельных Уставах субъектов РФ устанавливаются дополнительные права человека и гражданина, прямо не установленные Конституцией, однако развивающие положения, закрепленные в ней. Так, п. 4 ст. 11 Устава Воронежской области устанавливает права жителей Воронежской области:

«1) участвовать в парламентских слушаниях, организуемых Воронежской областной Думой в установленном ею порядке;

2) принимать участие в обсуждении проектов законов Воронежской области;

3) письменно обращаться в Воронежскую областную Думу, к депутату Воронежской областной Думы, в исполнительные органы государственной власти Воронежской области, в органы местного самоуправления с предложениями по вопросам, относящимся к полномочиям соответствующего органа, и получать мотивированный ответ на свои обращения».

Ст. 12 Устава Калужской области устанавливает право на народную правотворческую инициативу по предметам ведения Калужской области и вопросам местного значения.

Данные права не зафиксированы в Конституции, однако вытекают из смысла п. 2 ст. 3 Конституции, в котором указано, что «народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления».

Ученые неоднозначно оценивают наличие в Основных законах субъектов РФ норм, устанавливающих права человека и гражданина. В.В. Невинский считает, что «конституции (уставы) субъектов могут включать либо дословно заимствованные из федеральной конституции, либо видоизмененные права, свободы и обязанности, либо дополнительные права, свободы и обязанности в развитие уже закрепленных федеральной Конституцией, поскольку Конституция РФ не содержит прямого запрета на регулирование прав, свобод и обязанностей субъектами Федерации» [2, с. 253]. Аналогичную позицию занимает А.Е. Бочило, который утверждает, что «одним из доказательств возможности правового регулирования прав и свобод человека и гражданина субъектами Федерации служит положение ч. 1 ст. 55 Конституции Российской Федерации об открытом перечне прав и свобод человека и гражданина», поскольку в п. 2 ст. 55 Конституции Российской Федерации устанавливается только одно ограничение правового регулирования в данной области: «...в Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина» [1, с. 35].

При решении данного вопроса нам больше импонирует мнение Г.Б. Романовского, который, анализируя смысл ст.ст. 71 и 72 Конституции, делает вы-

вод, что «регулирование прав человека, обладающих такими свойствами, как универсальность, неотъемлемость, неотчуждаемость, есть предмет ведения Российской Федерации» [4, с. 74]. Основные права и свободы человека и гражданина устанавливаются Конституцией, однако субъекты РФ, на наш взгляд, имеют право законодательно закреплять дополнительные права населения в тех областях жизни, которые обозначены в ст. 72 Конституции РФ, как предметы совместного ведения, либо в порядке делегирования им тех или иных полномочий федеральным законодателем, поскольку такое регулирование имеет производный характер и вытекает из норм федерального законодательства.

Как справедливо заметила Е.Е. Никитина: «Любые законы в том или ином виде регулируют права граждан» [3, с. 37], и возможность правового регулирования субъектов РФ в данной сфере обосновывается тем, что осуществление субъектами РФ защиты прав человека и гражданина происходит на основании как федеральных нормативных актов, так и нормативных актов субъектов РФ и, соответственно, законотворчество субъектов Федерации в указанной области является реализацией их права в рамках совместной компетенции либо носит уточняющий характер по отношению к нормам федеральных законов.

Библиографический список

1. *Бочило А.Е.* Соотношение категорий «регулирование» и «защита» прав и свобод личности в решениях Конституционного Суда Российской Федерации и конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации (концептуальные основы) // Российский юридический журнал. 2012. № 1. С. 34-41.

2. *Невинский В.В.* Правовое положение личности в субъектах Российской Федерации // Конституционное право субъектов Российской Федерации / отв. ред. В.А. Кряжков. – Москва, 2002.

3. *Никитина Е.Е.* Ограничения конституционных прав человека законодательством субъекта Российской Федерации // Журнал российского права. 2015. № 11. С. 35-48.

4. *Романовский Г.Б., Малый А.Ф., Цвиль В.С.* Права и свободы человека и гражданина: проблемы вертикального разграничения законодательной компетенции // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 12. С. 74-76.

5. *Юсубов Э.С.* Регулирование и защита прав человека в федеративном государстве // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 9. С. 36-40.

МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН: К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ

УДК 392.4

**Крылова Ю.А.,
Бутова Е.В.**

(Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Аннотация: Авторами статьи проанализированы научные подходы к пониманию структуры механизма защиты прав и свобод граждан, на основе чего предложен его унифицированный состав; выделены и охарактеризованы специфические компоненты.

Ключевые слова: защита, механизм защиты, права граждан, свободы граждан, структура.

THE MECHANISM OF PROTECTION OF THE RIGHTS AND FREEDOMS OF CITIZENS: THE QUESTION OF THE STRUCTURE

**Krylova J.A.,
Bytova E.V.**

(Belgorod National Research University)

Abstract: The Authors analyzed scientific approaches to understanding the structure of the mechanism of protection of the rights and freedoms of citizens on the basis of which it proposed a unified composition; isolated and characterized specific components.

Keywords: protection, protection mechanism, citizens ' rights, freedoms of citizens, the structure.

Предваряя рассмотрение структуры механизма защиты прав и свобод и граждан, следует сказать, что он является сложным полиструктурным образованием и воздействует на регулируемые общественные отношения согласованно, через все образующие его элементы и их взаимосвязи. Это то, что объединяет его с механизмом правового регулирования, особенно на стадии правового воздействия на общественные отношения (общего действия юридических норм, возникновения субъективных прав и юридических обязанностей (правоотношений), осуществления прав и обязанностей).

Как и всякий другой, данный механизм соединяет в себе материальные и процессуальные, статические и динамические, нормативно-правовые, организационно-правовые и идеологические компоненты, что обуславливает функци-

онирование (взаимодействие) всех структурных элементов, направленное на создание оптимальных политических, экономических, социальных, духовных, юридических и иных условий для наиболее полного пользования человеком и гражданином социальными благами.

Так, например, А.С. Мордовец, изучая механизм социально-правовой защиты прав и свобод личности, в его структуру предлагает включать: «общественные нормы; правомерную деятельность субъектов прав человека и гражданина; гласность; общественное мнение; гарантии: общие, специальные (юридические) и организационные; процедуры; ответственность; контроль» [1, с. 85].

К.Б. Толкачев и А.Г. Хабибулин рассматривают компоненты механизма в виде двух подсистем: «подсистемы обеспечения конституционных прав и свобод и подсистемы действий (актов поведения) граждан по пользованию благами, определенными личными конституционными правами и свободами, каждая из которых обладает своей структурой, целями и задачами функционирования» [2, с. 59].

И.В. Юсипова в структуре механизма обеспечения прав человека выделяет три уровня: «1-й уровень – нормативные средства закрепления, обеспечения охраны и защиты прав человека (лингвистические (языковые), нормативно-правовые); 2-й уровень – ненормативные средства (акты реализации правовых норм); 3-й уровень – материальные средства (основные и оборотные производственные фонды, оргтехника, финансы и др.), с помощью которых фиксируются, обеспечиваются, охраняются или защищаются права человека, а сам механизм обеспечения рассматривается в качестве компонента механизма правового регулирования» [3, с. 36-53].

С нашей точки зрения, наиболее приемлемой является позиция тех ученых, согласно которой структуру механизма защиты прав и свобод граждан, образуют две стороны – статическая и динамическая [4, с. 23-24; 5, с. 42-43]. Статическая сторона является основой (фундаментом) механизма, показывает его внутреннее строение; в ее состав входят: правовые нормы (нормативная основа); цели, задачи, направления правовой защиты; субъекты правовой защиты; гарантии реализации (включая, механизм юридической ответственности); принципы построения и функционирования механизма защиты прав и свобод граждан; идеологические основы (правосознание, правовая культура и средства их формирования) и специфические организационно-правовые средства (законность, правопорядок). Динамическая сторона механизма отвечает за его «продвижение в жизнь», функционирование, реализацию вовне; это определенный процесс (процедура), определяющая взаимодействие статических элементов механизма.

Теперь рассмотрим более подробно элементы, составляющие механизм защиты прав и свобод граждан.

Во-первых, это нормативная основа механизма защиты прав и свобод гражданина. Нормативную основу механизма защиты прав и свобод гражданина в Российской Федерации составляют международные и внутригосударственные нормативные правовые акты. Нормативная база механизма защиты

прав и свобод граждан основывается на достаточном количестве источников как международного, так и внутригосударственного уровня. Тем не менее следует отметить отсутствие единого нормативного правового акта, закрепившего бы цели, задачи, программу, функции государственных органов, приоритеты защиты прав граждан в единой системе, концептуально.

К сожалению, Федеральная концепция обеспечения и защиты прав и свобод человека так и осталась проектом [6].

Считаем, что имеется насущная необходимость принятия подобного консолидированного программного документа и на федеральном уровне. В этом случае такая Концепция окажется первым в новейшей отечественной истории развернутым документом, сформулировавшим основные направления внутренней и внешней политики государства в сфере защиты прав человека и содержащим предложения по совершенствованию механизмов и процедур их защиты.

Во-вторых, это цели, задачи и направления правовой защиты. С нашей точки зрения, целью правовой защиты выступает охрана прав и свобод человека, обеспечение их соблюдения в случае негативного воздействия на охраняемые объекты, права и свободы, а также при наличии реальной угрозы их нарушения.

Надо сказать, что цели, стоящие перед правовой защитой, весьма разнообразны. Они, как правило, формально определены в нормативных правовых актах (например, в Федеральном законе от 05.03.1999 № 46-ФЗ «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг»).

Понятие «задача» может быть определено, по крайней мере, тремя различными способами: 1) как цель, поставленная перед решателем; 2) как ситуация, которая включает в себя и цель, и условия, в которых она должна быть достигнута; 3) как словесная формулировка (знаковая модель) проблемной ситуации. По нашему мнению, применительно к нашему исследованию задачи правовой защиты представляют собой более конкретизированные законодателем цели правовой защиты относительно ее основных направлений, то есть являются предпосылками последних.

Направления правовой защиты также закреплены законодательно (например, в главе II «Основные направления обеспечения прав ребенка в Российской Федерации» Федерального закона от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»).

В-третьих, это субъекты как элемент механизма защиты прав и свобод граждан. Относительно субъектов правозащитной деятельности А.А. Чесноков справедливо отмечает, что исторически в России сложилась классическая триада правоохранительно-правозащитных органов, в которую входят судебная система, прокуратура, органы внутренних дел и которая в настоящее время является стержнем государственного механизма защиты прав личности [7, с. 25-36].

В-четвертых, гарантии реализации механизма защиты прав граждан (включая, механизм юридической ответственности), обеспечивающие действие

того или иного правового механизма, позволяют последнему быть стабильным и надежным, обеспечивающим эффективность правового регулирования.

В-пятых, принципы механизма защиты прав и свобод граждан. Как верно отмечают некоторые авторы, обеспечение единой государственной политики в области защиты прав и свобод человека и гражданина предполагает существование общих требований как к правозащитным процедурам, так и к организациям, осуществляющим свою деятельность в указанной сфере. В связи с этим, несмотря на многообразие видов и форм государственной деятельности, принято говорить об общих принципах ее осуществления, характерных для всех сфер официальной правозащитной деятельности [7, с. 130].

Со своей стороны заметим, что принципы действия механизма защиты прав и свобод гражданина можно определить как исходные определяющие идеи, базовые положения, установления, создающие определенный порядок использования правовых средств в целях охраны и восстановления гражданами нарушенных прав.

С нашей точки зрения, в систему принципов построения и функционирования механизма защиты прав и свобод граждан следует включать: а) общие принципы – это основные начала, которые определяют наиболее существенные черты механизма защиты прав и свобод гражданина в целом, его содержание и особенности, распространяется на все отрасли права в независимости от характера и специфики регулируемых ими общественных отношений; часть общих принципов (законность, равноправие граждан) закреплена в Конституции Российской Федерации; б) специализированные принципы механизма защиты прав и свобод гражданина (межотраслевые, отраслевые и институциональные).

Таким образом, механизм защиты прав и свобод граждан объединяет в себе материальные и процессуальные, статические и динамические, нормативно-правовые, организационно-правовые и идеологические компоненты, что обуславливает функционирование (взаимодействие) всех структурных элементов, направленное на создание оптимальных политических, экономических, социальных, духовных, юридических и иных условий для наиболее полного пользования человеком и гражданином социальными благами.

Библиографический список

1. *Мордовец А.С.* Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина. – Саратов, 1996.
2. *Толкачев К.Б., Хабибулин А.Г.* Органы внутренних дел в механизме обеспечения личных конституционных прав и свобод граждан. – Уфа, 1991.
3. *Юсипова И.В.* Право и язык в механизме обеспечения прав человека: дис. ... канд. юрид. наук. – Владимир, 2008.
4. *Киричек Ю.В.* Специфика структуры организационно-правового механизма обеспечения прав и законных интересов человека и гражданина в Российской Федерации // Вестник УЮрГУ. 2013. № 1. Т. 13. С. 23-24.

5. Анохин Ю.В. О теоретических основах структуры механизма государственно-правового обеспечения прав и свобод личности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. № 2 (20). С. 42-43.

6. Федеральная концепция обеспечения и защиты прав и свобод человека (проект). – Москва, 2000.

7. Чесноков А.А. Государственный механизм защиты прав личности: история, теория, практика: монография. – Барнаул, 2010.

ЗАЩИТА ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА КАК ПРИНЦИП ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 342.7

Куликов Р.С.,

кандидат педагогических наук;

Васильева И.В.

(Казанский юридический институт МВД России)

Аннотация: Обеспечение и защита прав и свобод личности осуществляются различными субъектами. Важнейшая роль закономерно принадлежит государству и его органам. Особое место в механизме гарантирования прав и свобод занимают органы внутренних дел Российской Федерации, что определяется методами их деятельности, включая способы, средства воздействия, применяемые для осуществления возложенных на органы внутренних дел задач.

Ключевые слова: права и свободы человека и гражданина, механизм гарантий прав и свобод личности, органы внутренних дел Российской Федерации, безопасность, закон.

PROTECTION OF THE RIGHTS AND FREEDOMS OF THE INDIVIDUAL AS THE PRINCIPLE OF ACTIVITY OF BODIES OF INTERNAL AFFAIRS

Kulikov R.S.,

candidate of jurisprudence sciences;

Vasileva I.V.

(Kazan law Institute of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation)

Abstract: Ensuring and protection of individual rights and freedoms are carried out by different subjects. The most important role belongs to the state and its bodies. A special place in the mechanism of rights and freedoms guarantee is occupied by law enforcement agencies, which is determined by the methods of their ac-

tivities, including the ways and means of influence used to implement the tasks entrusted with law enforcement agencies.

Keywords: rights and freedoms of man and citizen, mechanism of individual rights and freedoms guarantees, law enforcement agencies; public order maintenance, safety, law.

Особое место в механизме реализации прав и свобод человека и гражданина занимают органы внутренних дел Российской Федерации¹. Это прежде всего объясняется тем, что в современных условиях становления российской государственности происходит усиление социальной функции органов внутренних дел, которые не только защищают, но и обеспечивают права и свободы личности.

Органы внутренних дел Российской Федерации относятся к исполнительной ветви власти. Они осуществляют различные функции. Деятельность органов внутренних дел направлена на выработку и реализацию государственной политики, нормативно-правовое регулирование, разработку программ в миграционной сфере.

На основании поставленных задач и компетенции ОВД строится и структура отрасли. В настоящий момент в состав системы входят такие главные подразделения и управления, как: Центральный аппарат МВД России, полиция, Главный командный аппарат внутренних войск, Следственный департамент, Главное управление обеспечения охраны общественного правопорядка и координации взаимодействий с исполнительными органами власти в субъектах, ГИБДД, Главный аппарат структуры вневедомственной охраны, Центральное управление по противодействию экстремизму, Главный аппарат собственной безопасности, Центральное управление по экономической безопасности и противодействию коррупции.

Центральным звеном в системе органов внутренних дел, реализующим правоохранительную функцию, является полиция. Согласно ст. 1 Федерального закона «О полиции», полиция предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности². Ключевым направлением деятельности полиции является защита личности, общества, государства от противоправных посягательств.

Все перечисленные в Федеральном законе «О полиции» принципы непосредственно или опосредованно направлены на обеспечение и защиту прав и свобод человека и гражданина, касаются различных их аспектов.

Одним из важнейших является принцип общественного доверия и поддержки граждан (ст. 9), требующий обоснованных и понятных для граждан

¹ Далее - ОВД.

² Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.

действий сотрудников полиции, восстановления нарушенных сотрудником полиции прав и свобод лиц, в частности, путем принесения извинений и опровержения в той же форме, в какой они были преданы огласке, а также предполагающий проведение мониторинга общественного мнения о деятельности полиции, а также мониторинга взаимодействия полиции с институтами гражданского общества.

Последнее представляет собой проявление реализации общественного контроля как действенного средства механизма конституционно-правовой защиты прав и свобод человека и гражданина. Специфика общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и за содействием лицам, находящимся в местах принудительного содержания, в том числе в создании условий для их адаптации к жизни в обществе, раскрывается в Федеральном законе «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания».

Согласно опросу, проводимому Фондом «Общественное мнение» (ФОМ-нибусом) в мае 2016 года, в 43 субъектах, 100 населенных пунктах Российской Федерации, на вопрос, как полиция справляется со своими обязанностями, «плохо» ответили 19% граждан (в 2008 году таких было 30%). Оценку «удовлетворительно» дали 44% опрошенных (в 2008-м – 36%), а «хорошо» или «отлично» – 21% (12%) [2]. То есть, более 60% россиян удовлетворены работой полицейских. Аналогичные данные установлены Фондом общественного мнения (ФОМ).

Согласно им 57% опрошенных выразили доверие сотрудникам органов внутренних дел, а у 59% граждан, имевших опыт общения с правоохранителями, осталось о них благоприятное впечатление [2]. Судя по статистическим данным, самый низкий процент доверия граждан к полиции наблюдался в 2013-2014 гг. Уже в 2013 г. наметился небольшой подъем, который продолжился в 2015 г. и, возможно, продлится и далее.

Некоторые нормы, формулируемые как принципы деятельности полиции, могут быть отнесены к гарантиям обеспечения прав и свобод человека и гражданина, вовлеченных в сферу деятельности полиции. Это, например, запрет прибегать к пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению (п. 3 ст. 5); обязанность информирования гражданина о своей должности, звании, фамилии и обязанность предъявить по требованию гражданина служебное удостоверение (пп. 1 п. 4 ст. 5); запрет разглашения сведений о частной жизни граждан (п. 6 ст. 5); обязанность обеспечить каждому гражданину возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не установлено федеральным законом (п. 7 ст. 5).

Ряд специальных гарантий содержит Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации»: проявление уважения, вежливости, тактичности по отношению к гражданам, оказание им в пределах служебных полномочий содействия в реализации их прав и свобод (п. 3 ч. 1 ст. 13); за-

прет на оказание предпочтения каким-либо политическим партиям, другим общественным объединениям, религиозным и иным организациям, профессиональным или социальным группам, гражданам (п. 4 ч. 1 ст. 13); уважение к национальным обычаям и традициям, учет культурных и иных особенностей различных этнических и социальных групп, недопущение действий, нарушающих межнациональное и межконфессиональное согласие (п. 6 ч. 1 ст. 13).

Одним из условий соблюдения прав и свобод человека и гражданина является четкое исполнение сотрудниками полиции возложенных на них обязанностей.

Анализ норм закона о правах и обязанностях сотрудников полиции позволяет сделать вывод о законодательно закреплённом превалировании обязанностей (42) над правами (37). Однако надо сказать, что норма об обязанностях полиции носит императивный, исчерпывающий характер, закон определяет, что иные обязанности могут быть возложены на полицию только при внесении изменений в действующую редакцию ст. 12 Закона, тогда как при закреплении перечня прав используется диспозитивный подход, предполагающий возможность обладания сотрудниками полиции иными правами, помимо перечисленных в ст. 13 Федерального закона «О полиции»¹. К такому выводу мы приходим путем анализа используемых законодателем приемов законодательной техники в виде конструкций диспозитивного характера, таких как «использовать другие формы охраны общественного порядка» (п. 6 ч. 1 ст. 13), «применять иные меры, предусмотренные законодательством об административных правонарушениях» и др.

Все закреплённые в Законе обязанности полиции конечной целью своего правового воздействия имеют защиту прав и свобод человека и гражданина.

В рамках осуществления правоохранительной функции полиция выполняет функцию по предоставлению государственных услуг в отношении физических и юридических лиц. Часть 2 ст. 11 Федерального закона «О полиции» говорит о применении полицией электронных форм приема и регистрации документов, уведомления о ходе предоставления государственных услуг... Кроме того, о появлении государственных услуг свидетельствует принятие большого числа административных регламентов на оказание услуг, утвержденных приказами МВД России².

С принятием Федерального закона «О полиции» и административных регламентов об оказании полицией государственных услуг в юридической литературе появились рассуждения относительно обязанности государства обеспечивать защиту прав своих граждан бесплатно, с одной стороны, и оказании

¹ Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.

² Приказ МВД России от 14.07.2012 № 696 (ред. от 19.02.2016) «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по проведению добровольной государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»; Баранов П.П., Жуков И.А., Захаренков В.В., Сальников В.П. Законность - гражданское общество - права и свободы граждан: монография. - Ростов-на-Дону, 2015.

услуг, что изначально предполагает возмездный характер отношений, с другой стороны. Однако нельзя допустить мысли о реализации государством правоохранительной функции на платной основе.

Поэтому верным представляется подход законодателя о предоставлении государственных услуг органами внутренних дел на безвозмездной основе. Денежные средства могут взиматься лишь за предоставление бланка при выдаче различных справок.

Способствовало бы разрешению вопроса о двойственном понимании государственных услуг, их возмездном и безвозмездном характере использование термина «административные услуги» в противовес закрепленным «социальным услугам». Услуги, оказываемые ОВД в отношении физических и юридических лиц на безвозмездной основе с учетом властеотношений взаимодействующих субъектов, следует обозначить как административные. Суть административных услуг, по мнению Баранова П.П., может быть сведена к юридически значимым действиям, результатом которых является предоставление официального документа, дающего конкретному гражданину формальное право на получение какой-либо услуги [1].

Услуги, оказываемые полицией, помимо того, что являются государственными, следует отнести к числу публичных, поскольку предоставляются неопределенному кругу лиц и в них заложен общественный интерес, заинтересованность общества в их оказании.

Органы внутренних дел в случае нарушения прав и свобод гражданина осуществляют восстановление жизненно важных благ и интересов, которые пострадали. Так, органы внутренних дел в пределах своей компетенции с помощью присущих им средств и методов проводят огромную работу по реабилитации жертв политических репрессий, восстановлению прав необоснованно пострадавших в сфере уголовного судопроизводства (привлечение к уголовной ответственности), возврату похищенного имущества, денег обманутых вкладчиков, восстановлению других нарушенных прав граждан.

Органы внутренних дел для обеспечения и защиты прав и свобод граждан могут осуществлять профилактические мероприятия с целью предупреждения и ликвидации различных причин и условий, которые могут способствовать созданию препятствий для успешного осуществления прав и свобод граждан. Вслед за ставшим уже привычным в юридической литературе подходом относительно направлений деятельности органов внутренних дел в сфере обеспечения и защиты прав и свобод граждан назовем следующие направления:

- социальное обслуживание населения, выраженное в деятельности по оказанию гражданам различного рода услуг: розыску пропавших без вести лиц, помощи пострадавшим от преступлений, стихийных бедствий или несчастных случаев, информационных услуг, консультаций;

- охрану общественного порядка и обеспечение общественной безопасности, гарантирующие такие права, как право на неприкосновенность личности, право на охрану чести и достоинства и др.;

– обеспечение личной безопасности граждан, создающее атмосферу комфорта, состояние защищенности жизненно важных интересов гражданина от внутренних и внешних угроз;

– профилактику правонарушений, осуществляемую с целью предупреждения (выявления и устранения) различных причин и условий, которые могут породить эти правонарушения или другие препятствия для полноценной реализации гражданами своих прав и свобод.

Таким образом, подводя итоги вышеизложенному, следует отметить, что структуры исполнительной власти государства осуществляют (в пределах своей компетенции) функцию обеспечения реализации гражданами своих прав, свобод и законных интересов. Основные полномочия здесь возлагаются на правоохранительные органы, среди которых особо следует отметить органы внутренних дел.

Библиографический список

1. Баранов П.П., Жуков И.А., Захаренков В.В., Сальников В.П. Законность – гражданское общество – права и свободы граждан: монография. – Ростов-на-Дону, 2015.

2. Им уже больше доверяют, но еще побаиваются [Электронный ресурс] // Новая газета. 2016. 7 мая. URL: <http://www.novayagazeta.ru/society/65996.html>

3. Макеев В.В., Головкин А.Г. Функционирование современной правоохранительной системы в сфере обеспечения прав и свобод граждан (вопросы теории): монография. – Ростов-на-Дону, 2012.

4. Панченко В.Ю. Публичные юридические услуги как форма юридического содействия реализации прав и законных интересов // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 10.

СОБЛЮДЕНИЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА КАК ПРИНЦИП ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 342.7

Лысенко В.А.,

кандидат юридических наук, доцент;

Рязанова Н.А.,

кандидат юридических наук

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: В статье анализируются важнейшие парадигмы новейшей коммуникативной модели взаимоотношений полиции и общества, а именно основной принцип деятельности полиции – соблюдение и уважение прав и свобод человека и гражданина.

Ключевые слова: права, свободы, человек, гражданин, принцип деятельности, полиция.

THE RIGHTS AND FREEDOMS OF THE INDIVIDUAL AS THE ORGANIZING PRINCIPLE OF ACTIVITY OF POLICE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Lysenko V.A.,

candidate of jurisprudence sciences, associate professor;

Ryazanova N.A.,

candidate of jurisprudence sciences

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: The article analyses the most important paradigm of the latest communicative model of relations between the police and society, namely the basic principle of the police – respect and respect for the rights and freedoms of man and citizen.

Keywords: rights, freedoms, individual, citizen, the principle activities of the police.

Одним из основных достижений мировой цивилизации является институт прав и свобод человека, так как человек, обладающий значительной совокупностью прав и свобод, которые изначально имеют естественную природу, может органично развиваться и совершенствоваться. В современном российском обществе и государстве постепенно вырабатывается понимание важности вопросов, связанных с обеспечением прав и свобод человека и гражданина, как стержневого фундамента формирования правового государства и гражданского общества. Полагаем, что каждое государство, позиционирующее себя в качестве правового, закрепляет права и свободы человека высшей ценностью, беря на себя обязанность по признанию, соблюдению и защите.

Организация и деятельность всех государственных органов должны быть подчинены достижению единственной цели – обеспечению прав и свобод человека и гражданина. Это их основная и важнейшая обязанность, которая охватывает весь спектр правовых, организационных и иных условий для реализации прав и свобод.

Нормативно-правовой основой организации и деятельности всей совокупности государственных органов, в том числе органов внутренних дел, является Конституция Российской Федерации. Вместе с тем надлежит отметить, что нормы Конституции РФ применительно к деятельности органов исполнительной власти, одним из которых являются органы внутренних дел, очень лаконичны. Они не в полной мере раскрывают их сущность, компетенцию и систему. На сегодняшний день данные вопросы разрешаются при помощи юридических норм, сосредоточенных в различных нормативных правовых актах [4].

В Законе РФ от 18.04.1991 № 1026-1 «О милиции» в части 1 ст. 3 закрепляются принципы ее деятельности. В ней четко установлено, что деятельность милиции строится в соответствии с принципами уважения прав и свобод человека и гражданина, законности, гуманизма, гласности. Следует констатировать тот факт, что законодатель ограничился лишь перечислением указанных принципов, не уделив внимание их содержательной стороне.

С принятием Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» принципам деятельности полиции посвящена целая глава, включающая семь статей¹. Это подтверждение и признание центральной роли принципов деятельности полиции как основных концептуально значимых руководящих идей, на которых она должна строиться [1].

В главе 2 зафиксированы и раскрыты важнейшие парадигмы новейшей коммуникативной модели взаимоотношений полиции и общества. Такая форма отношений позволяет сотруднику полиции при выполнении своих обязанностей чувствовать себя частичкой общества, а обществу понимать, что полиция представляет собой надежный механизм, функции которого направлены на защиту и охрану прав и свобод человека и гражданина.

В ст. 5 указанного закона раскрывается содержание такого принципа деятельности полиции, как соблюдение и уважение прав и свобод человека и гражданина. Свое начало указанный принцип берет из конституционных норм.

В Конституции РФ ст. 2 определено, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью; признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. Нормы ст. 18 Конституции РФ закрепляют, что права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими; они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием.

Содержание охранительной функции полиции заключается в возможности применения мер легального государственного принуждения в целях достижения устойчивого правопорядка, общественной безопасности, защиты прав и свобод человека и гражданина. Следует отметить, что полиция может ограничивать права и свободы человека и гражданина только в строгом соответствии с действующим законодательством и только в том случае, если другими мерами невозможно осуществить их защиту.

В связи с этим в действующем Федеральном законе «О полиции» установлены четкие пределы ограничения прав и свобод. Необходимым фактором ограничений прав и свобод человека и гражданина выступает правомерность, соразмерность или запрет чрезмерных ограничений. Сущность этой формулы заключается в том, что полиция должна заблаговременно выяснять реальность возникшей опасности для конституционно защищаемых ценностей. Иными словами, полицейская мера, наносящая ущерб правам и свободам граждан, оправдана лишь в той степени, какой она вызвана необходимостью (принцип экономии полицейского вмешательства) [2, с. 142]. Таким образом, полиция

¹ Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» // СПС «КонсультантПлюс».

может вторгаться в сферу прав и свобод человека и гражданина только в особых случаях, т.е. когда она не может реализовать возложенные обязанности.

Поэтому Федеральный закон «О полиции» четко определяет, что деятельность полиции, ограничивающая права и свободы граждан, должна быть прекращена, если достигнута законная цель или выяснилось, что она не может достигаться путем ограничения прав и свобод граждан.

Очень важное значение для анализа данного принципа имеет часть 3 статьи 5 Федерального закона «О полиции», в которой содержится прямой запрет прибегать к пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению. Данное положение основывается на статье 5 Декларации о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, принятой Резолюцией 3452 (XXX) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1975 г. Она определяет, что даже исключительные обстоятельства, к которым могут относиться, например, состояние войны или угроза войны, внутренняя политическая нестабильность или любое другое чрезвычайное положение, не могут служить оправданием для пыток или других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания.

Очевидно, что Федеральный закон «О полиции» четко указывает на недопустимость применения насилия не на основании действующего законодательства, а также не предусмотренное им или противоречащее ему физическое воздействие в отношении граждан, их имущества как с использованием оружия, специальных средств, других предметов, так и без него.

Одним из нововведений Федерального закона «О полиции» стало требование тактичного, вежливого, уважительного обращения сотрудника полиции к гражданам, позволяющее знать причину и цель обращения, а также основания применения ограничительных мер, в случае их применения.

Обязательным условием, закрепленным в статье 5 Федерального закона «О полиции», является обязанность сотрудника полиции перед началом общения с гражданином назвать свою должность, звание, фамилию, внимательно его выслушать, принять соответствующие меры в пределах своих полномочий либо разъяснить, в чью компетенцию входит решение поставленного вопроса. Включение данной нормы в указанный закон гарантирует гражданам возможность реализовывать право на получение информации о деятельности полиции, что позволяет им осуществлять общественный контроль за ней.

Необходимо отметить, что рассматриваемый принцип содержит в себе запрет на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни гражданина за исключением случаев, предусмотренных действующим законодательством. Данное требование соответствует части 1 статьи 24 Конституции Российской Федерации.

В соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ ограничение прав и свобод человека и гражданина может осуществляться, как было отмечено ранее, только на основании федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья,

прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Но на практике достаточно сложно определить, кто именно устанавливает максимальные пределы допустимого вмешательства в личные права человека, включая право на частную жизнь [3]. Конституционный Суд Российской Федерации в своем постановлении от 30 октября 2003 г. № 15-П¹ определил, что ограничения конституционных прав должны носить характер необходимости и соразмерности целям, не противоречащим Конституции РФ. По мнению Суда, в случае признания ограничения допустимым государство должно осуществить равновесие защищаемых им ценностей и интересов, а также обязано реализовывать меры, которые опосредованы целями, предусмотренными законом.

Принципы деятельности полиции, такие как открытость и публичность, предусматривают, что граждане, общественные объединения и организации наделены правом, в соответствии с действующим законодательством, получать от полиции информацию и сведения, которые непосредственно затрагивают их права и свободы. Данная норма содержит запрет на разглашение информации, доступ к которой ограничен федеральным законом.

Таким образом, Федеральный закон «О полиции», в статье 5 закрепляя принцип соблюдения и уважения прав и свобод человека и гражданина, четко подчеркивает, что вся деятельность сотрудников органов внутренних дел заключается в служении личности, ее правам и свободам, исполнении сотрудниками органов внутренних дел своего главного предназначения – защиты человека и гражданина от противоправных посягательств, а также от нарушения прав и свобод человека и гражданина со стороны деятельности самих сотрудников.

Библиографический список

1. Комментарий к Федеральному закону «О полиции» (постатейный) / Ю.Е. Аврутин [и др.]. – Москва: Проспект, 2012. – 552 с.

2. Гончаров И.В., Барбин В.В., Киричек Е.В. Обеспечение прав и свобод человека и гражданина в деятельности органов внутренних дел: учебник / под ред. д-ра юрид. наук, проф. И.В. Гончарова. – Москва: Академия управления МВД России, 2014.

3. Белик В.Н., Туркиашвили А.М. О правомерности законодательных ограничений конституционного права на неприкосновенность частной жизни // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 7. С. 78-84.

4. Гарашко А.Ю., Степанюк В.И. Источники полицейского права как типа права // Вестник Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. 2015. № 6. С. 21-24.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 30 октября 2003 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С.А. Бунтмана, К.А. Катаняна и К.С. Рожкова» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 6.

СИСТЕМЫ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВОСУДИЯ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ УЧАСТНИКОВ СУДОПРОИЗВОДСТВА

УДК 347

Переверзев А.В.,
кандидат юридических наук,
(Арбитражный суд Белгородской области)

Аннотация: В статье охарактеризованы информационные ресурсы, действующие в рамках Арбитражного суда Белгородской области, установлено их значение для участников судопроизводства.

Ключевые слова: электронное правосудие, арбитражный суд, информационные системы.

ELECTRONIC JUSTICE SYSTEM IN THE ARBITRATION PROCESS AND THEIR SIGNIFICANCE FOR THE PARTICIPANTS IN THE PROCEEDINGS

Pereverzev A.V.,
candidate of legal sciences,
(the Arbitration court of Belgorod region)

Abstract: The article describes information resources acting within the framework of the Arbitration court of the Belgorod region, established their importance for the participants in the proceedings.

Keywords: electronic justice, arbitration court, information systems.

С каждым днем все большее значение приобретает развитие информационно-коммуникационных технологий. Не стала исключением и система арбитражных судов, где существует целый ряд сервисов, позволяющих упрощать работу по делопроизводству и оперативно получать информацию о деятельности суда, в т.ч. о результатах проведенных процессов.

Современные технологии позволяют полноценно обеспечить принцип публичности судебного разбирательства и деятельности суда в целом. На сегодняшний день можно утверждать о создании в системе арбитражных судов полноценной информационной системы, предоставляющей возможность полноценно реализовать свои процессуальные права.

Использование информационных систем начинается уже с момента поступления исковых заявлений (заявлений) (далее – иск) в суд и их распределения.

Так, поступившие в суд исковые заявления (заявления) регистрируются сотрудником канцелярии, в дальнейшем им присваивается категория исходя из

материально-правовых требований. Что же касается непосредственного распределения исков, то оно осуществляется в автоматическом режиме с использованием специальной программы, которая случайным образом, абсолютно исключая субъективный фактор, принимает решение о распределении внесенных в систему автоматизации судопроизводства исков.

При распределении исков программа учитывает не только специализацию судей, установленную приказом председателя суда, но и нагрузку каждого судьи, т.е. количество рассмотренных каждым из них дел в определенный временной период и количество дел, фактически находящихся на рассмотрении, сложность дел исходя из наличия встречных исков, количества поданных ходатайств в рамках рассматриваемых дел, периоды отпуска судей, нахождения на больничном, в командировке.

В конечном итоге использование данной программы, с одной стороны, позволяет достичь полной объективности при определении конкретного судьи, на рассмотрение которому передается соответствующий иск, с другой стороны, способствует равномерной нагрузке судей за счет большого количества параметров, учитываемых программой в процессе распределения дел.

Таким образом, использование компьютерных технологий при распределении исков позволяет избежать изначального недоверия стороны к судье, рассматривающему дело, а также к лицу, осуществляющему распределение исков, к суду в целом.

Как отмечено в Концепции федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013-2020 годы», утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 20.09.2012 № 1735-р, обеспечение объективности при вынесении судебных решений является одним из основных направлений развития судебной системы¹.

В свою очередь, равномерное распределение исков позволяет судьям более гибко формировать свой рабочий график, предоставляет дополнительные временные возможности для более полного и всестороннего рассмотрения дел, находящихся на рассмотрении. Превалирование субъективного фактора при распределении исков не позволяет учесть необходимую совокупность элементов, которые в конечном итоге также влияют на нагрузку судьи (усложнение дела в процессе его рассмотрения).

Процессуальный закон позволяет подавать иски в электронном виде и любые документы по делу в электронной форме (ст. 41 АПК РФ)². Система электронного документооборота позволяет, находясь в любом месте, например, направить в суд исковое заявление, отзыв, ходатайство и прочее. Причем действующая система регистрации документов, поданных в электронной форме, позволяет достаточно быстро доводить соответствующую информацию до судьи.

¹ Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2012 № 1735-р «Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013-2020 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 40. Ст. 5474.

² Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.

Подобная возможность, безусловно, значительно упрощает реализацию процессуальных прав и обязанностей участников арбитражного процесса, обеспечивает полноценный доступ конкретного лица к правосудию вне зависимости от удаленности стороны от местонахождения суда.

Эти же цели преследуются и в случае проведения в арбитражных судах судебных заседаний путем использования видео-конференц-связи. В арбитражных судах практика проведения заседаний в таком формате достаточно распространена.

Использование видео-конференц-связи не зависит от инстанционности арбитражного суда или места его расположения. Условием реализации такой возможности является наличие ходатайства соответствующего лица и технической возможности судов, обеспечивающих проведение судебного заседания в таком режиме. Основанием для отклонения ходатайства о проведении судебного заседания с помощью систем видео-конференц-связи, наряду с указанным, может быть только закрытый характер судебного заседания.

Все заседания, проводимые в формате видео-конференц-связи, отражаются на сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети Интернет в разделе «График проведения ВКС» с обозначением номера дела, кода вызова, времени заседания, номера зала, в котором ожидается проведение заседания, наименования суда, осуществляющего рассмотрение дела, и суда, организующего проведение видео-конференц-связи, фамилии, имени и отчества судьи-докладчика.

С 12 мая 2016 г. ч. 1 ст. 153.1 АПК РФ действует в новой редакции, согласно которой лица, участвующие в деле, и иные участники арбитражного процесса могут участвовать в судебном заседании путем использования систем видео-конференц-связи при условии заявления ими ходатайства об этом и при наличии технической возможности осуществления видео-конференц-связи не только в арбитражных судах, но и в судах общей юрисдикции.

В настоящее время создана техническая возможность по использованию системы видео-конференц-связи между Арбитражным судом Белгородской области и отдельными судами общей юрисдикции Белгородской области.

Новые возможности направлены на обеспечение права на доступ граждан к правосудию. Появление такого формата видео-конференц-связи будет максимально способствовать реализации принципов состязательности и равноправия сторон, более полному и всестороннему рассмотрению дела.

В ходе каждого судебного заседания арбитражного суда первой инстанции, а также при совершении отдельных процессуальных действий вне судебного заседания ведется протоколирование с использованием средств аудиозаписи. Причем аудиопротокол имеет не только фактическое, но и юридическое преимущество над обычным письменным протоколом, являющимся дополнительным средством фиксации процесса. Это закреплено нормативно в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации и в Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апел-

ляционной и кассационной инстанций), утвержденной Постановлением Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 № 100¹.

Очевидно, что секретарь не может отразить все пояснения лиц, участвующих в деле. Однако подчас стороны считают, что протокол судебного заседания должен отражать пояснения в полном объеме; тем более что у секретаря и стороны могут быть разные представления о том, какие пояснения по делу действительно имеют принципиальное значение. Аудиозапись позволяет сохранить любые процессуальные действия, имевшие место. Спорить с аудиопротоколом судебного заседания бессмысленно. Именно по этой причине участниками арбитражного процесса фактически не используется процессуальный институт принесения замечаний на протокол судебного заседания.

Иски, иные документы, поступающие в связи с рассмотрением дела, сканируются; их электронные копии, наряду с аудиопротоколами, размещаются в информационной системе «Картотека арбитражных дел» в ограниченном доступе, получение которого обеспечивается в т.ч. вышестоящим инстанциям.

Данная возможность упрощает работу с электронными носителями информации, например, нет необходимости извлекать из материалов дела диск с аудиозаписью судебных заседаний, поскольку достаточно получить доступ к необходимой информации посредством использования сети Интернет.

Именно реализация мероприятий по созданию мобильного правосудия, электронного правосудия, внедрению программных средств аналитического обеспечения деятельности и осуществлению сканирования всех поступающих в суды документов, а также формирование электронных дел и формирование электронного архива судебных дел позволят обеспечить доступ граждан к правосудию, качественную и эффективную работу судов².

В случае обжалования судебного акта по делу в вышестоящую инстанцию и одновременном рассмотрении в суде первой инстанции иных требований в рамках того же дела у судов обеих инстанций сохраняется возможность полного изучения материалов дела, поскольку в одном из судов дело находится на материальном носителе, в другом – в электронном формате.

Кроме того, наличие «электронного дела» предоставляет дополнительные возможности по восстановлению утраченного производства в случае утраты или уничтожения дела, в т.ч. в результате возникновения в суде формальных ситуаций.

С 2018 года планируется введение в судах обязательной видеофиксации судебных заседаний. В настоящий момент соответствующий законопроект принят в первом чтении.

¹ Инструкция по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и кассационной инстанций): постановление Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 № 100 // <http://belgorod.arbitr.ru/law/docs/g26>.

² Постановление Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013-2020 годы»» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 1. Ст. 13.

С 2015 года Арбитражным судом Белгородской области одним из первых в России начато проведение судебных заседаний в режиме видеофиксации. Дополнительные возможности позволяют сформировать более объективное отношение к процессу, провести детальную проверку соответствующих доводов жалоб на действия судей и сотрудников аппарата суда, совершенные в процессе рассмотрения дела, дисциплинируют участников арбитражного процесса.

Существенным условием для реализации видеопротоколирования является наличие возможности для хранения данных. В связи этим следует отметить, что в Арбитражном суде Белгородской области существует возможность за счет использования специального оборудования осуществлять длительное хранение информации. Суд располагает возможностью хранения судебных актов, вынесенных судами области, и видеопротоколов в течение около 50 лет.

Системы информатизации арбитражных судов позволяют решить еще одну проблему – обеспечить мгновенную осведомленность граждан о результатах проведенного процесса. Не отходя от компьютера, и без телефонных звонков в суд можно уточнить результат проведенного заседания в информационной системе «Картотека арбитражных дел». Из данных этой же системы можно получить исчерпывающую информацию о движении дела, в частности, узнать на какую дату отложено судебное разбирательство, получить доступ к полному тексту любых судебных актов, которые выносят арбитражные суды.

С помощью информационной системы «Календарь судебных заседаний» возможно по ограниченному числу параметров уточнить информацию о судебных заседаниях, назначенных на заданную дату, и перерывах в судебных заседаниях.

Указанная возможность позволяет также быстро находить судебные прецеденты по интересующей проблеме; для этого достаточно заполнить один или несколько параметров системы «Банк судебных решений», который содержит более 24 500 000 судебных постановлений всех инстанций. Поиск судебных актов упрощается наличием целого ряда параметров для уточнения критериев поиска, традиционно используемых в справочно-правовых системах. С учетом традиционной приверженности арбитражных судов к единообразному применению законов такая возможность представляется весьма полезной и актуальной.

Информационная система «Картотека арбитражных дел» предоставляет возможность получать пользователю информацию о рассмотрении любого арбитражного дела. Воспользовавшись сервисом «Отслеживание дела», лицо будет получать информацию на адрес электронной почты о движении дела, принятии судебных актов, направлении писем, изготовлении протоколов, поступлении в суд документов от любого лица, участвующего в рассмотрении интересующего дела, и т.д. При этом сервис позволяет одновременно отслеживать информацию в отношении 40 дел. Это может быть удобно как сторонам процесса, их представителям, которые могут вести в суде одновременно несколько дел, так и судьям, например, с целью контроля необходимости возобновления

производства по делу (если производство по делу приостанавливалось до рассмотрения другого арбитражного дела), результатов рассмотрения в вышестоящих инстанциях жалоб на постановленные ими судебные акты для оперативного учета в работе, в т.ч. при рассмотрении дел с похожими фактическими и (или) юридическими обстоятельствами.

Таким образом, в рамках единого сервиса предоставляется комплексная информация о судопроизводстве как любого арбитражного суда в отдельности, так и всех арбитражных судов в совокупности.

Интерес в плане развития информационных технологий в судопроизводстве представляет порядок взаимоотношений участников арбитражного процесса и суда при рассмотрении дела в упрощенном порядке.

В таком случае заседания с участием сторон судом не проводятся, однако требование о равноправии сторон и состязательности процесса позволяет сохранить среди прочего электронный порядок ознакомления с документами, находящимися в режиме ограниченного доступа. Так, суд в определении о принятии дела к производству указывает индивидуальный код, с помощью которого лицо вправе ознакомиться со всеми документами, имеющимися в материалах дела. Наличие такого «электронного дела» устраняет необходимость ознакомления с ним непосредственно в здании суда.

В настоящий момент на основании соглашения с Управлением Росреестра по Белгородской области в суде имеется возможность получения электронных выписок из Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним, что позволяет в пределах часа с момента электронного запроса получить необходимые сведения, отраженные в указанном реестре. Полученный судом документ имеет юридическую силу, поскольку заверяется квалифицированной электронной цифровой подписью и учитывается судьей при принятии процессуального решения.

Арбитражным судом Белгородской области одним из первых в России реализуется пилотный проект, нацеленный на формирование общих баз суда и судебных приставов. С помощью новых программ планируется перевести в электронный формат взаимодействие суда и подразделений службы судебных приставов, в т.ч. использовать возможность направления исполнительных листов для исполнения в форме электронного документа, что предусмотрено ч. 3 ст. 319 АПК РФ.

Подобное взаимодействие, безусловно, позволит снизить финансовые издержки, ускорит процесс поступления исполнительных документов в службу судебных приставов и в конечном итоге позволит более оперативно предпринять меры к полному исполнению судебных актов.

Таким образом, электронные системы, действующие в рамках арбитражных судов в целом и Арбитражного суда Белгородской области в частности, позволяют повысить эффективность процессов судопроизводства и делопроизводства, оперативность предоставления достоверной и полной информации о рассмотрении дел и решить целый комплекс иных задач.

ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СИСТЕМЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

УДК 342.7

Переверзев Е.А.,

кандидат юридических наук, доцент

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: В статье рассматриваются правовые и организационные основы организации новой силовой структуры – Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации.

Ключевые слова: Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации, орган исполнительной власти, внутренние войска, полиция.

FEDERAL FORCES OF THE RUSSIAN FEDERATION NATIONAL GUARD IN THE PROTECTION OF HUMAN RIGHTS AND FREEDOMS AND CITIZEN

Pereverzev E.A.,

candidate of jurisprudence sciences, associate professor

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: The article considers the legal and organizational basis for the organization of a new power structure – the Federal Service of the National Guard troops.

Keywords: Federal troops of the National Guard, the executive authority, the internal troops, police said.

В настоящее время одной из самых обсуждаемых тем является появление в России новой силовой структуры – Федеральной службы войск национальной гвардии. В целях обеспечения государственной и общественной безопасности, защиты прав и свобод человека и гражданина, охраны суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности 5 апреля 2016 года глава государства издал Указ «Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации»¹.

В этот же день на рассмотрение Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации был внесен ряд проектов федеральных зако-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 05.04.2016 № 157 «Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 15. Ст. 2072.

нов «О войсках национальной гвардии Российской Федерации», «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О войсках национальной гвардии Российской Федерации». В конечном итоге 3 июля 2016 года Федеральный закон № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» вступил в законную силу, тем самым установив правовой статус рассматриваемой военной организации¹.

В соответствии с пунктом «г» статьи 84 и статьей 104 Конституции Российской Федерации Президент Российской Федерации является одним из субъектов законодательной инициативы. Президент Российской Федерации в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, федеральными законами руководит деятельностью федеральных органов исполнительной власти, ведающих вопросами обороны, безопасности, внутренних дел, юстиции, иностранных дел, предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий, утверждает по представлению Председателя Правительства Российской Федерации положения о них и назначает руководителей и заместителей руководителей этих органов, а также осуществляет полномочия как Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами Российской Федерации и Председатель Совета Безопасности Российской Федерации².

Президент Российской Федерации постановил образование нового органа в системе и структуре органов исполнительной власти – Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации. Статус данной службы определен как правопреемник Министерства внутренних дел Российской Федерации в отношении передаваемых ей органов управления, объединений, соединений, воинских частей, военных образовательных организаций высшего образования и иных организаций внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации, а также в отношении органов управления, подразделений, специальных отрядов, отрядов мобильных особого назначения, Центра специального назначения и авиационных подразделений.

Федеральную службу войск национальной гвардии Российской Федерации возглавил директор Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации – главнокомандующий войсками национальной гвардии Российской Федерации, осуществляющий управление войсками национальной гвардии Российской Федерации. Данный орган исполнительной власти призван осуществлять функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сферах деятельности

¹ Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 27. Ч. 1. Ст. 4159.

² Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

войск национальной гвардии Российской Федерации, оборота оружия, частной охранной деятельности и вневедомственной охраны.

Непосредственно предшествовавшим национальной гвардии формированием являлись внутренние войска МВД России, созданные в 1992 году. В состав войск вошли все бывшие формирования внутренних войск МВД СССР, дислоцированные на территории РСФСР.

Задачи внутренних войск МВД России были определены в Федеральном законе № 27 «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации», к ним относились: участие совместно с органами внутренних дел Российской Федерации в охране общественного порядка, обеспечении общественной безопасности и режима чрезвычайного положения; участие в борьбе с терроризмом и обеспечении правового режима контртеррористической операции; охрана важных государственных объектов и специальных грузов; участие в территориальной обороне Российской Федерации; оказание содействия пограничным органам Федеральной службы безопасности в охране Государственной границы Российской Федерации¹.

Задачами вновь созданной службы являются:

1) участие в охране общественного порядка, обеспечении общественной безопасности;

2) охрана важных государственных объектов, специальных грузов, сооружений на коммуникациях в соответствии с перечнями, утвержденными Правительством Российской Федерации;

3) участие в борьбе с терроризмом и экстремизмом;

4) участие в обеспечении режимов чрезвычайного положения, военного положения, правового режима контртеррористической операции;

5) участие в территориальной обороне Российской Федерации;

6) оказание содействия пограничным органам федеральной службы безопасности в охране Государственной границы Российской Федерации;

7) федеральный государственный контроль (надзор) за соблюдением законодательства Российской Федерации в области оборота оружия и в области частной охранной деятельности, а также за обеспечением безопасности объектов топливно-энергетического комплекса, за деятельностью подразделений охраны юридических лиц с особыми уставными задачами и подразделений ведомственной охраны;

8) охрана особо важных и режимных объектов, объектов, подлежащих обязательной охране войсками национальной гвардии, в соответствии с перечнем, утвержденным Правительством Российской Федерации, охрана имущества физических и юридических лиц по договорам.

Проанализировав полномочия, возложенные на Федеральную службу войск национальной гвардии Российской Федерации, можно сделать вывод о том, они будут ближе к полномочиям сотрудников полиции, чем внутренних

¹ Федеральный закон от 6 февраля 1997 г. № 27-ФЗ «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 6. Ст. 711.

войск. Среди них – задержание граждан, проникновение в жилые и иные помещения, оцепление местности и блокирование различных объектов, в том числе принадлежащих гражданам и организациям. Многие статьи закона полностью повторяют аналоги из действующего сейчас Федерального закона «О полиции»¹, кроме того, во многом они корреспондируются с задачами, стоящими перед Федеральной службой безопасности Российской Федерации.

Войска национальной гвардии имеют право пресекать преступления, административные правонарушения, проверять у граждан документы, составлять протоколы, задерживать и доставлять в полицию правонарушителей и подозреваемых в совершении преступлений. На охраняемых особо важных объектах им разрешается производить досмотр транспортных средств и личный досмотр граждан.

Сотрудникам национальной гвардии разрешено задерживать скрывающихся от суда и следствия, а также совершивших побег из мест заключения или медицинских организаций, при этом гарантируется соблюдение прав последних на бесплатную юридическую помощь, медицинскую и других прав. Порядок и условия применения физической силы и огнестрельного оружия сотрудниками национальной гвардии полностью воспроизводит текст статьи 23 Закона «О полиции»².

От полиции к национальной гвардии переходят полномочия по изъятию, хранению и уничтожению оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ. По словам В.В. Путина, одной из основных причин создания нового органа исполнительной власти является «... поставить под особый контроль оборот оружия в стране» [1]. Помимо выполнения боевых задач войска национальной гвардии могут привлекаться к ликвидации последствий аварий, катастроф и других чрезвычайных ситуаций, в том числе к карантинным мероприятиям во время эпидемий.

На наш взгляд, прямое подчинение Президенту Российской Федерации вновь созданной структуры исполнительной власти закономерно, поскольку Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации – самостоятельный орган государственной власти на уровне министерства, а все министерства подчиняются главе государства, тем более что полномочия данного органа исполнительной власти отнесены к сфере обеспечения обороны и безопасности Российской Федерации.

Подводя итог, следует еще раз отметить, что создание нового органа исполнительной власти в сфере обороны и безопасности России предопределено внешней политикой не только нашего государства, но и других государств, в частности сопредельных. Президент Российской Федерации, выделив из состава Министерства внутренних дел Российской Федерации и преобразовав внутренние войска, сделал очередной шаг на пути укрепления безопасности России,

¹ Федеральный закон от 2 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.

² Федеральный закон от 2 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.

создал самостоятельный мощный орган исполнительной власти с широкими полномочиями. Вопросы взаимодействия Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации с Министерством внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службой безопасности Российской Федерации и другими органами государственной власти требуют дальнейшей проработки, подробной законодательной регламентации.

Библиографический список

1. Стенограмма Прямой линии с Президентом России В. Путиным [Электронный ресурс]. URL: <http://www.president-line.ru/>

ОБЩЕСТВЕННЫЕ СОВЕТЫ ПРИ ОРГАНАХ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: ПУТЬ К ПОСТРОЕНИЮ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА ИЛИ К ВСЕОБЩЕЙ БЮРОКРАТИЗАЦИИ

УДК 342.58

Пересыпкин А.В.
(Прокуратура Белгородской области)

Аннотация: В статье рассматриваются актуальные вопросы обоснованности создания общественных советов при органах местного самоуправления

Ключевые слова: общественные советы, органы местного самоуправления, гражданское общество, государство, взаимодействие

PUBLIC COUNCILS AT THE BODIES OF LOCAL SELF-GOVERNMENT: THE PATH TO BUILDING CIVIL SOCIETY OF TO THE UNIVERSAL BUREAUCRACY

Peresypkin A.V.
(The Prosecutor's office of Belgorod region)

Abstract: The article deals with topical current of the validity of the creation of public councils at the local government

Keywords: public councils, local government, civil society, state, interaction

5 декабря 2016 года состоялось заседание Совета при Председателе Совета Федерации по взаимодействию с институтами гражданского общества, на котором обсуждались перспективы развития общественного контроля в стране [1].

Отмечается, что одним из признаков демократии является наличие конструктивного взаимодействия государства и гражданина, установление диалога

власти и общественных структур [2, с. 11]. При этом ключевым вопросом становится поиск эффективных механизмов такого взаимодействия [3].

Спецификой российской действительности является формирование общественных структур, в том числе правозащитной направленности под патронажем или по инициативе государственных органов. Указанным образом государство пытается вовлечь граждан в политико-правовую жизнь страны.

В настоящее время в России существует значительное количество органов, учреждений, организаций, участвующих в правозащитной деятельности. Данные структуры весьма неоднородны, отличаются друг от друга как способом формирования, источниками финансирования, так и полномочиями. Особую нишу занимают общественные палаты или советы при органах государственной власти и местного самоуправления.

Такой способ взаимодействия общества и государства в нашей стране имеет давнюю историю [4, с. 78], однако в постсоветский период начал активно внедряться только после принятия Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»¹.

В статье 9 названного закона общественные палаты (советы) муниципальных образований представлены как самостоятельные субъекты общественного контроля.

Вместе с тем и до, и после принятия соответствующего закона периодически возникает вопрос, а нужны ли общественные советы. И если существование общественного совета при органах исполнительной власти, таких как ФСИН или МВД России, вполне оправдано, поскольку у граждан отсутствует иная возможность непосредственным образом реализовывать общественный контроль, то далеко не однозначным является целесообразность их функционирования при органах местного самоуправления.

Приверженцы необходимости их существования Т.Н. Михеева, Р.В. Горнев в своей статье отмечают, что создание общественных советов при органах местного самоуправления обусловлено тем, что именно данные институты могли бы стать эффективным механизмом общественного контроля за деятельностью органов местного самоуправления [5].

Вместе с тем, к сожалению, реально сформированные общественные советы зачастую не отличаются эффективностью. Так, сопредседатель регионального штаба Общероссийского народного фронта в Ростовской области Татьяна Федирко констатировала, что сейчас ситуация такова: членами большинства советов становятся аффилированные лица, вопросы, которые выносятся на обсуждение на заседаниях, носят второстепенный характер [6].

Данное замечание применимо и к нашему региону. Проведенный анализ персонального состава членов общественных палат (советов) муниципальных образований, расположенных на территории Белгородской области, показал, что зачастую он представлен руководителями бюджетных учреждений и предприятий

¹ Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 30 (часть I). Ст. 4213.

района. Так, в июне 2013 года информационное агентство Бел.Ру анонсировало создание общественной палаты на территории Ровеньского района, при этом указав, что «... в состав палаты, призванной помочь взаимодействию власти, граждан и общественных организаций на территории района, вошли 12 человек, выдвинутых главой администрации, муниципальным советом и организациями социальной сферы» [7]. Оценивая эффективность работы таких субъектов общественного контроля нельзя не отметить, что случаев инициирования общественными палатами районов рассмотрения органами местного самоуправления каких-либо актуальных вопросов, воздействия на власть в целях понуждения к принятию тех или иных управленческих решений практически не имеется.

На наш взгляд, создание таких общественных советов (палат) не в полной мере соответствует смыслу и правовой природе органов местного самоуправления, определенных главой 8 Конституции Российской Федерации¹ и Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»², которые не входят в систему государственных органов, являются способом самоорганизации населения соответствующих территорий, имеют в своем составе представительные органы.

Помимо правового аспекта вызывает сомнение и целесообразность создания общественных советов при органах местного самоуправления, в особенности в сельских поселениях. К примеру, согласно официальному сайту поселения общественный совет создан в Лаптевском сельском поселении Пестовского района Новгородской области [9]. При этом общее количество проживающих на его территории жителей 391 человек, в административном центре (с. Лаптево) – 159 [10].

В связи с изложенным, принимая необходимость создания эффективных общественных советов при органах государственной власти как одного из способов диалога государства и общества, считаем необоснованным и избыточным их работу на уровне муниципалитетов. Общественные структуры не должны учреждаться формально, поскольку это приводит к их дискредитации в глазах населения. При этом устранить возможное противопоставление человека и местной власти, обеспечить контроль за деятельностью исполнительных органов возможно посредством активного участия в формировании и работе представительного органа местного самоуправления.

Библиографический список

1. <http://www.council.gov.ru/events/news/74584/>
2. Мухеева Т.Н. Об актуальных тенденциях в правовом регулировании статуса Общественной палаты Российской Федерации // Юридический мир. 2013. № 5.

¹ Конституция Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

² Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822.

3. *Лапишина А.И.* К вопросу об унификации правового регулирования деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации // Административное и муниципальное право. 2015. № 6.

4. *Лазарева Н.С.* О признаках и формах общественного контроля // Проблемы государства и права на современном этапе: труды научных сотрудников и аспирантов. Вып. 7. – Москва: ИГП АН СССР, 1973.

5. *Михеева Т.Н., Горнев Р.В.* К вопросу о формировании общественных советов при органах местного самоуправления [Электронный ресурс]. URL: <http://отрасли-права.рф/article/12755>.

6. <http://rostovgazeta.ru/news/society/31-10-2016/obshchestvennye-sovety-na-donu-neeffectivny-eksperty-31675/>.

7. <http://www.bel.ru/news/region/78812.html?19>.

8. <http://laptevo.adm-pestovo.ru>

9. [https://ru.wikipedia.org/wiki/Лаптевское_сельское_поселение_\(Новгородская_область\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Лаптевское_сельское_поселение_(Новгородская_область))

РОЛЬ ОРГАНОВ ПРАВОПОРЯДКА В БОРЬБЕ С ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ НА ТРАНСПОРТЕ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

УДК 338.47:656

Пономарева Ю.В.

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: В статье рассматривается деятельность советской милиции в годы Великой Отечественной войны по реализации комплекса мер организационно-правового характера, направленных на защиту прав и свобод личности и на борьбу с экономическими преступлениями.

Ключевые слова: советская милиция, железнодорожный транспорт, транспортная милиция, спекуляция, экономические преступления, Великая Отечественная война.

THE ROLE OF LAW ENFORCEMENT IN THE FIGHT AGAINST ECONOMIC CRIMES IN TRANSPORT IN WARTIME

Ponomareva Y.V.

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: The article discusses the activities of the Soviet police during the Great Patriotic War on the implementation of measures of organizational and legal

measures aimed at protecting the rights and freedoms of the individual and the fight against economic crime

Keywords: soviet police, railway transport, transport militia, speculation, economic crimes, the Great Patriotic War.

Обеспечение законности и правопорядка в масштабах всего государства и на отдельных его частях предполагает реализацию комплекса особых мер организационно-правового характера, направленных на защиту прав и свобод личности. Особо остро данный вопрос встает в период чрезвычайных ситуаций и военного времени. Порой это обусловлено резкой деформацией социальной среды, когда существующие правовые механизмы недостаточны для адекватного отражения сложившейся ситуации и нейтрализации ее негативных последствий. Подобные условия порождают необходимость усиления правозащитной функции государства, а также оптимизации, а порой и модернизации направлений деятельности правоохранительных органов.

Такая ситуация имела место и в период Великой отечественной войны, когда органы внутренних дел стали занимать важнейшее место в системе государственного управления, реализуя меры по обеспечению государственной безопасности, охране общественного порядка и социалистической собственности [1, с. 14].

Составной частью органов внутренних дел являлась милиция. Структурно она находилась в системе органов исполнительной власти. Ее предназначение состояло в защите жизни, здоровья, иных прав и свобод граждан и конституционных ценностей, собственности, общественных и государственных интересов от противоправных посягательств, в случае выявления которых применялись меры государственного принуждения.

Общая криминогенная обстановка свидетельствовала о том, что преступления экономической направленности составляли значительную часть в общем массиве преступных деяний. Ежегодное число зарегистрированных экономических преступлений насчитывало более 200 тысяч, из которых значительную часть составляла спекуляция. При этом наблюдалась и ежегодная тенденция к увеличению исследуемых показателей. Так, к 1944-1945 гг. количество экономических преступлений превышало уже 300 тысяч.

Ситуацию с имеющимся тотальным дефицитом товаров первой необходимости стали активно использовать спекулянты, преследующие единственную корыстную цель – легкое обогащение. Масштабы спекуляции в годы войны наглядно подтверждаются данными статистики. Так, в период с июля 1941 года по апрель 1944 года было возбуждено 563 640 уголовных дел о спекуляции. За обозначенный период к ответственности было привлечено 798 447 человек.

Спекуляция наносила серьезный ущерб экономическим отношениям. За годы Великой Отечественной войны у спекулянтов было изъято ценностей, общая сумма которых составила 410 708 300 рублей. Из названного числа ценности на 8 642 411 рублей были изъяты на железнодорожном транспорте.

Именно поэтому борьбе со спекуляцией на транспорте стало уделяться особое внимание. В частности, на крупных железнодорожных узлах формировались оперативные заслоны, группы и посты, целью которых являлось производство задержания мошенников и спекулянтов.

Большая часть подобного рода преступлений совершалась преступными группами. Например, в 1943 г. правоохрнительными органами было выявлено 11 383 таких группы [2]. Спекулянты поддерживали тесные связи с представителями различных мест сбыта товаров (продовольственных баз, магазинов, организаций общепита, пищевых и сельскохозяйственных предприятий и др.). Полученная спекулянтами прибыль становилась объектом в основном бартерных отношений, обмен производился на золото, иностранную валюту и драгоценности.

Своего пика спекуляция достигла в 1942 г. Причины нарастающих объемов спекуляции носили как объективный, так и субъективный характер. Основными из них были: нехватка товаров первой необходимости, голод, слабое выявление, поверхностная разработка спекулятивного подполья, низкая раскрываемость данных преступлений, при этом – высокая организованность спекулянтских групп. Особого рода источником спекуляции выступало новое негативное явление – «мешочничество», вызванное недостатком в продуктовом снабжении значительной части страны и ставшее одним из видов самообеспечения населения. Люди использовали различные возможности, чтобы прокормить себя и свои семьи, в том числе осуществляя мелкую торговлю. Продукты питания и продовольствия закупались либо обменивались на ценные товары непосредственно у их производителей в деревнях и небольших населенных пунктах. Затем они продавались в городах на «толкучках» и черных рынках либо использовались для собственного потребления. Кроме того, приняв массовые размеры, данное явление создавало угрозу срыва нормального движения поездов. «Мешочники» в огромных количествах скапливались на железнодорожных станциях практически на всех направлениях. Для нормализации обстановки порой приходилось прибегать к крайним мерам. К осени 1942 г. проблема приняла такие масштабы, что потребовалось принятие самых решительных мер по улучшению ситуации. Постановлением ГКО от 25 сентября 1942 г. № 2342 «О мероприятиях по борьбе с «мешочничеством» на железнодорожном и водном транспорте» норма провоза продуктов была ограничена до 16 кг на 1 пассажира [2].

На основании данного постановления ГКО был издан совместный приказ Прокуратуры СССР, Наркомюстиции СССР и НКВД СССР от 3 октября 1942 г. № 105с/0341 /0387 «О мерах по борьбе с «мешочничеством» [1, с. 4]. В соответствии с этим документом органам милиции на железнодорожном и водном транспорте разрешалось производить у пассажиров изъятие продовольственных товаров, превышавших установленную норму провоза ручной клади. Дела о незаконном провозе продовольствия на товарных поездах должны были расследоваться в течение суток и направляться в нарсуды, где они должны были рассматриваться в 5-дневный срок. Сотрудники железнодорожного и водного

транспорта, которые были уличены в «мешочничестве», привлекались к ответственности согласно строгим правилам военного времени. Дела в отношении них расследовались органами прокуратуры в 3-дневный срок и рассматривались военными трибуналами железнодорожного и водного транспорта.

Принятыми мерами к началу 1943 г. удалось сократить размах «мешочничества», однако со второй половины 1943 г. проблема вновь обострилась. «Мешочники» заполняли товарные поезда. Особенно неблагоприятными в этом плане были такие железные дороги, как Юго-Восточная, Казанская, Куйбышевская, Оренбургская, Рязанская, где несанкционированное и массовое перемещение граждан мешало регулярному движению поездов, в том числе воинских эшелонов. Сюда были командированы специальные отряды милиции, которые совместно с территориальными органами формировали передвижные посты и оперативные заслоны. На крупных железнодорожных станциях выставлялись дополнительные наряды. С 1 октября 1942 г. по 1 июня 1944 г. снято с товарных поездов 915 913 человек, в том числе в 1942 г. – 60 022, в 1943 г. – 328 248, а за 5 месяцев 1944 г. – 527 643 человека. Всего задержано 151 289 «мешочников», у которых изъято 4080 тонн различных продуктов, выявлено 5000 спекулянтов. В 1944 г. только транспортной милицией было снято с поездов 87 907 «мешочников», у которых изъято 4460 тонн сельскохозяйственной продукции, в 1945 г. снято 75 826 человек, изъято 2990 тонн продуктов. Из числа снятых с поездов «мешочников» до 40 000 человек предано суду по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 9 апреля 1941 г. за самовольный проезд в товарных поездах и за самовольную без надобности остановку поезда стоп-краном [1, с. 5].

Массовая миграция населения усилила наплыв «мешочников», создав опасное положение на основных путях сообщения страны, нарушая слаженный ритм движения поездов. Главное управление милиции было вынуждено пойти на дополнительные меры. В марте 1944 г. на дороги по направлению Украины и Северного Кавказа было командировано 15 оперативных групп общей численностью 670 человек, которые во взаимодействии с местными органами власти и подразделениями внутренних дел вели борьбу с лицами, осуществлявшими несанкционированное перемещение по железной дороге. В результате количество проезжающих «мешочников» к началу мая сократилось в 4-5 раз, а скопление пассажиров на крупных узлах было ликвидировано.

Можно признать, что в военный период наблюдалось увеличение числа преступлений экономической направленности. Особый пик приходился на период 1942-1943 гг., а после этого количество таких преступлений начало медленно снижаться, что было связано с начавшимися процессами стабилизации обстановки на фронте и переориентацией отечественной промышленности на реалии военного времени.

Библиографический список

1. Гусак В.А. К вопросу о классификации функций советской милиции в военный период (1941-1945 гг.) // История государства и права. 2010. № 24. С. 5-14.

2. Емелин С.М. Борьба со спекуляцией как одно из основных направлений деятельности органов внутренних дел в годы Великой Отечественной войны // История государства и права. 2010. № 9. С. 30-33.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПО БОРЬБЕ С ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ (ОБХСС) В СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ В 30-40-е ГОДЫ XX ВЕКА

УДК 343.375

Пронских М.В.

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: В данной статье рассмотрены вопросы функционирования специализированного государственного органа по борьбе с экономическими преступлениями в структуре Народного комиссариата внутренних дел СССР на первоначальном этапе деятельности. Изучено развитие оперативно-профилактической работы по защите экономики в довоенный период и годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: правоохранительная система, правоохранительная функция государства в экономической сфере, экономическая преступность, Главное Управление милиции, Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией (ОБХСС).

THE MAIN ACTIVITIES OF THE STATE SERVICE FOR ANTI-LARCENY OF SOCIALIST PROPERTY AND SPECULATION DEPARTMENT (ALSPSD) IN THE SOVIET STATE IN THE 30-40-ies OF XX CENTURY

Pronsky M.V.

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: This article discusses issues of functioning of the specialized state body on fight against economic crimes in the structure of people's Commissariat of internal Affairs of the USSR in the initial phase of activity. Studied the development

of preventive work to protect the economy in the pre-war period and the years of the great Patriotic war.

Keywords: law enforcement system, law enforcement function of the state in the economic sphere, economic crime, socialist property protection, police headquarters, anti-larceny of socialist property and speculation department (ALSPSD).

Институт прав и свобод человека и гражданина является центральным в современном праве, ибо в нем заложены ключевые гарантии защиты народа в целом и каждого конкретного человека и гражданина в частности от произвола государственной власти, что, в свою очередь, является неотъемлемым условием нормального функционирования и развития правового государства.

В современном развитом обществе важно соблюдение не только личных и политических прав человека, но и социально-экономических – права на труд, отдых, образование, жилище и т.д.

Согласно Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах, принятому Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1966 года, экономические, социальные и культурные права образуют составную часть системы неотъемлемых прав человека. Это фундаментальные нормы, без соблюдения которых в современном обществе нельзя обеспечить социальный прогресс и улучшение условий жизни, гарантировать основы свободы, справедливости и мира.

Социально-экономические права охватывают нормы, касающиеся положения человека в сфере труда и быта, занятости, благосостояния, социальной защищенности.

Общество не раз сталкивалось с нарушением прав граждан в экономической, социальной сферах общественной жизни. Причем нарушения происходили как со стороны государства, его органов и должностных лиц, так и со стороны самих граждан и юридических лиц, что, безусловно, влияло на снижение социально-экономического уровня жизни граждан во все исторические периоды. В связи с этим небезынтересным становится изучение основных направлений деятельности ОБХСС, призванного бороться с экономической преступностью в советском государстве.

В 1930-х гг. преступления в сфере экономики все чаще стали совершаться уже не одиночками, а организованными преступными группами, действующими довольно изощренными методами. Для выявления все более сложных хозяйственных преступлений требовались специальные познания и навыки. Усложнение выполняемых милицией функций во второй половине предвоенного десятилетия потребовало совершенствования форм и методов деятельности.

Массовые хищения, спекуляция, должностные и хозяйственные преступления являлись предпосылкой для создания специальных подразделений, наделенных широкими оперативными и следственными полномочиями. В связи с этим дальнейшее развитие государственный орган по борьбе с экономическими преступлениями получил путем организации приказом НКВД СССР от 16 марта 1937 г. № 0018 в аппарате Главного Управления рабоче-крестьянской

милиции Отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией¹.

Уже в первые годы своего создания органы БХСС, представляющие собой новый род милицейской службы, на практике доказали необходимость своего существования, став эффективным средством защиты экономики СССР.

В сентябре 1938 года в соответствии с решением Правительства Главное управление мер и весов НКВД было ликвидировано и его функции переданы в торговое ведомство. Приказ НКВД СССР от 26 мая 1940 года утвердил «Инструкцию по надзору за применением в торговле правильных и имеющих установленные клейма весов, гирь, емкостей, метров», обязав органы милиции подготавливать и осуществлять различные мероприятия, направленные на предупреждение и пресечение фактов обмеривания и обвешивания в торговле и общественном питании [4, с. 19]. Это дало возможность службе БХСС совместно с государственной торговой инспекцией при Наркоме внутренней торговли СССР активно проводить мероприятия по выявлению фактов обмана потребителей.

Можно выделить следующие основные черты экономической преступности 40-х годов: 1) субъектами преступлений в основном выступали организованные преступные группы и сообщества; 2) наличествовали широкие, разветвленные и глубоко законспирированные связи в промышленности, торговле, банковской сфере; основными путями осуществления преступной деятельности являлись хищения в промышленности и сельском хозяйстве, растраты, спекуляция, изготовление и хранение самогона для сбыта, обвешивание и обмеривание покупателей, фальшивомонетничество, учреждение и деятельность лжекооперативов и др.

Основными способами хищений в промышленности в это время являлись неправильная отбраковка, использование недостатков внутриведомственного и складского учетов, создание излишков путем недогрузки потребителю и другие.

Перед самой войной в связи с упразднением экономических отделов НКВД на аппараты БХСС была возложена обязанность вести борьбу с валютчиками и контрабандистами.

С началом Великой Отечественной войны перед органами ОБХСС встала задача по сохранению продовольствия для населения. Так, по данным Крапивиной Н.С. в Ленинграде именно ОБХСС принял на себя в годы Великой Отечественной войны практически всю тяжесть борьбы со спекуляцией и расхищением продовольствия в блокадном городе [5, с. 20]. В результате активных мероприятий в первые недели войны был вскрыт ряд преступных группировок, действовавших в различных торговых и производственных структурах города. Количество привлекаемых к ответственности за спекулятивные действия возросло ежедневно [9].

С началом Великой Отечественной войны в городах, переведенных на военное положение, было введено круглосуточное патрулирование. Кроме того, на дорогах, ведущих к городам, и на их окраинах устанавливались мили-

¹ Далее - ОБХСС.

цейские заставы. Лица, нарушавшие установленные правила торговли, занимавшиеся спекуляцией, скупкой промтоваров в целях создания запасов, а также замеченные в хищениях, рассматривались как опасные преступники и предавались суду военного трибунала по законам военного времени.

В годы Великой Отечественной войны деятельность всех органов государственной власти и управления была перестроена в соответствии с военными нуждами. Появляется такой новый вид коррупционного правонарушения, как незаконное освобождение от мобилизации за взятку.

По данным историков отечественной милиции, на разрушенные объекты торговли, склады, базы высылались сотрудники БХСС. Их задачами являлись слежение за тем, чтобы оставшееся имущество и ценности полностью были учтены, оприходованы и сданы по назначению; предотвращение уничтожения и изъятие преступниками денежных документов; контроль за правильным списанием по актам уничтоженного, поврежденного и приведенного в негодность имущества. Сотрудники БХСС пресекали всякие попытки расхитителей и растратчиков использовать разрушения и пожары с целью «заметания следов» своей преступной деятельности [4, с. 69].

В условиях войны среди ушедших в армию оказались участники бригад содействия милиции, сельские исполнители, агенты и осведомители, в связи с чем милиция лишилась значительной части своих приданных сил. Вследствие чего агентурная сеть в 40-е годы состояла из временных информаторов, осведомителей, работавших на постоянной основе, агентов, получавших денежное содержание, и резидентов, руководивших деятельностью нескольких осведомителей. С середины 1943 года впервые в советской истории была разрешена вербовка осведомителей с 15-летнего возраста по целевому назначению и на основе компрометирующего материала [1, с. 76]. В военные годы распространилось использование негласного состава органов милиции. К нему относились разведчики-специалисты, ведущие наружное наблюдение, которые работали в оперативном отделе Управления милиции, и установщики, выполняющие установочные задания, то есть изучающие окружение подозреваемых.

В условиях войны изменились методы, способы преступной деятельности, предметы преступлений и др.

Однако, как показывает анализ различных документов того времени, едва ли не самой острой в деятельности ОБХСС была проблема борьбы со спекуляцией.

В.В. Тимофеев считает, что до войны целью преступников были в основном деньги, а в военных условиях основным предметом хищений стали продовольствие, вещи и продуктовые карточки. Неслучайно в те годы была усилена уголовная ответственность за спекуляцию [8, с. 15].

Действительно, ужесточение уголовного права в отношении экономических преступлений пришлось на период Великой Отечественной войны, когда в отношении всех хищений государственного и общественного имущества, совершаемых систематически или по сговору (вне зависимости от размеров похищенного), вновь стал применяться Закон от 7 августа 1932 г. [3, с. 7].

Ранее, в 1935 году, были приняты специальные постановления Пленума Верховного Суда СССР и Прокуратуры СССР, в соответствии с которыми Закон 7 августа 1932 г. мог применяться только в случаях совершения хищения организованной группой в особо крупных размерах, а обвинения в спекуляции должны были предъявляться только при наличии доказательств скупки и перепродажи вещей «в целях наживы» [6, с.17-18].

Однако пиком карательной политики советского государства в отношении расхитителей можно считать Указ ПВС СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищения государственного имущества». Он установил ответственность за хищение государственного имущества в 7-25 лет лишения свободы, общественного – 6-25 лет лишения свободы.

Однако столь суровые меры не смущали теневых дельцов – в сводках МВД приводились такие отзывы данной категории преступников на применение Указа 4 июня 1947 г.: «Комбинации строить можно, но более конспиративно, чем прежде, стараясь как можно меньше иметь сообщников и соучастников» [7].

По мнению И.В. Говорова и С.Б. Кокуева, в 30-40-е гг. в СССР сложилась разветвленная нелегальная система торговли, производства и посредничества, охватившая все сферы изготовления и сбыта товаров народного потребления и оказания услуг населению [2, с.79]. Советское государство вело бескомпромиссную борьбу с нелегальными экономическими отношениями, но жесткая репрессивная политика власти в данном случае не давала серьезного эффекта. В то же время в условиях тоталитарного политического режима тотальный контроль сдерживал теневые экономические отношения на достаточно низком уровне.

Деятельность правоохранительных органов в целом и ОБХСС в частности в 30-40-е гг. XX века по противодействию экономической преступности являлась составной частью карательной политики Советского государства и руководствовалась ее приоритетами и принципами. Основной упор делался на административно-запретительные и уголовно-карательные меры.

Библиографический список

1. *Арефьев А.Ю.* Истоки оперативно-розыскного предупреждения экономических преступлений // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 1 (12).
2. *Говоров И.В., Кокуев С.Б.* «Черный рынок» и организационно-правовые основы борьбы с ним в Ленинграде в 30-40-е гг. XX века // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2008. № 2 (38).
3. *Исаев М.М.* Преступления против социалистической и личной собственности. – Москва, 1945.
4. История Советской милиции: в 2-х т. – Москва, 1977. Т. 1.
5. *Кративина Н.С.* Деятельность милиции Ленинграда по обеспечению общественного порядка и безопасности в 1930-1941 годы. Исторический аспект: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Санкт-Петербург, 1997.

6. Львов Е. Борьба со спекуляцией – важнейшая задача суда и прокуратуры // Социалистическая законность. 1936. № 3.

7. ОСФ ИЦ ГУВД СПб и ЛО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 87. Л. 513.

8. Тимофеев В.В. Органы милиции Чувашии в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2002.

9. ЦГАИПД. Ф. 25. Оп. 12. Д. 4808. Л. 11.

ПРАВА РОДИТЕЛЕЙ И МЕХАНИЗМЫ ИХ ЗАЩИТЫ

УДК 347.61

Старосельцева М.М.,

кандидат юридических наук

(Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина)

Аннотация: В рамках данной статьи рассматриваются механизмы защиты родительских прав, особый правовой статус родителей как участников родительских правоотношений, что определяет специфику применяемых мер защиты, поясняется, как некоторые семейно-правовые санкции могут являться одновременно мерами ответственности для одного из родителей и мерами защиты прав другого родителя, а также интересов ребенка.

Ключевые слова: права родителей, механизмы защиты, способы, правоотношения, семейно-правовые.

PARENTS RIGHT AND MECHANISM FOR THEIR PROTECTION

Staroselceva M.M.,

candidate of jurisprudence sciences

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

Abstract: This article discusses the mechanisms of protection of parental rights, special legal status of parents as participants in parent relations that determines the specificity of the applied protection measures, explains how some family-legal sanctions may be punishment for one of the parents and measures of protection of the rights of the other parent and the interests of the child.

Keywords: parents' rights, protection mechanisms, ways, relations, family law.

Родители, являясь участниками семейных правоотношений и осуществляя принадлежащие им родительские права, должны обладать не только возможностью определенного поведения, но и возможностью защиты своих субъективных прав.

Согласно высказыванию профессора В.П. Грибанова «субъективное право, предоставленное лицу, но не обеспеченное от его нарушения необходимыми

ми средствами защиты, является лишь «декларативным» правом». Данное высказывание справедливо и применимо в отношении защиты родительских прав. Несмотря на то, что в законе предусмотрены средства защиты родительских прав, но они в полной мере не обеспечены государственными правоохранительными механизмами.

Спецификой данных правоотношений является то, что именно в сфере осуществления родительских прав меры защиты одного родителя в то же время являются мерами ответственности другого. Так, например, лишение прав одного из родителей, безусловно, является мерой ответственности по отношению к нему и может быть мерой защиты как прав другого родителя, так и прав ребенка.

Выработанные механизмы защиты родительских прав могут применяться и с целью предотвращения в будущем их нарушения. В частности, заключение соглашения об определении порядка осуществления родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка, можно тоже считать одним из механизмов защиты прав родителя. Именно дальнейшие обязательства по исполнению условий данного соглашения каждым из родителей будут являться своеобразной гарантией обеспечения прав и интересов родителя, проживающего отдельно от ребенка.

Действительно, проанализировав действующее семейное законодательство, можно прийти к выводу о том, что право на защиту личных семейных прав по своему материально-правовому содержанию включает в себя: во-первых, возможность управомоченного лица использовать дозволенные законом средства собственного принудительного воздействия на правонарушителя, защищать принадлежащее ему право собственными действиями фактического порядка (самозащита семейных прав); во-вторых, возможность управомоченного лица обратиться к компетентным государственным или общественным органам с требованием понуждения обязанного лица к определенному поведению.

В семейном праве существует система гарантий реализации права на защиту субъективных семейных прав, в том числе личных неимущественных. К их числу можно отнести такую, как отсутствие сроков исковой давности. Так как семейные отношения носят длящийся характер и состоят из личных неимущественных отношений, в Семейном кодексе Российской Федерации закреплено правило, что на требования, вытекающие из семейных отношений, исковая давность не распространяется. Исключения составляют лишь случаи, если срок защиты нарушенного права специально установлен СК РФ.

Механизмы защиты родительских прав предусмотрены законом и осуществляются посредством применения надлежащей формы и способов защиты.

Традиционно принято выделять две основные формы защиты прав: юрисдикционную и неюрисдикционную.

Юрисдикционная форма защиты, которая подразумевает деятельность уполномоченных государством органов, а именно: суда, прокуратуры, органа опеки и попечительства, органов внутренних дел, органов ЗАГС и др. В рамках

данной формы защиты необходимо выделить общий (судебный) и специальный (административный) порядок защиты нарушенных прав.

Неюрисдикционная форма защиты – это действия граждан и негосударственных организаций по защите прав и охраняемых законом интересов, которые совершаются ими самостоятельно.

В настоящее время из-за сложности семейных правоотношений наиболее часто применяется механизм судебной защиты родительских прав. Возможность судебной защиты членами семьи своих семейных прав отнесена к основным началам семейного законодательства, соответствует требованиям, провозглашаемым ст. 46 Конституции РФ, которая гарантирует судебную защиту прав и свобод каждого гражданина Российской Федерации.

Однако специфика семейных отношений такова, что в ряде случаев судебный способ разрешения семейного спора является далеко не лучшим [4]. В целях оптимальной охраны семейных прав, в том числе прав родителей, и существует еще и специальный (административный) порядок защиты нарушенных прав, а также неюрисдикционная форма защиты.

В данном случае следует согласиться с мнением М.В. Геллера о внесудебном порядке защиты, высказанным по отношению к защите одного из личных неимущественных семейных прав, в частности, права несовершеннолетнего жить и воспитываться в семье, согласно которому «внесудебный порядок защиты права заключается, с одной стороны, в том, что он, как правило, является первичным и наиболее мобильным средством защиты нарушенного права, с другой стороны, его механизм настолько далек от совершенства, что говорить о какой-либо возможности его реализации вряд ли возможно» [1].

Применительно к защите родительских прав в неюрисдикционной форме можно говорить о такой форме защиты, как самозащита родителями (одним из них) своих семейных прав путем совершения действий, пресекающих нарушение права.

В Семейном кодексе Российской Федерации не закреплено определение самозащиты. Опираясь на положения ст. 14 Гражданского кодекса Российской Федерации, способы самозащиты должны быть соразмерны нарушению и не выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения. Исходя из этого, самозащита в семейном праве – это совершение управомоченным лицом дозволенных законом действий фактического порядка, направленных на охрану его семейных прав.

Вопрос о самозащите семейных прав является актуальным и зачастую проблематичным, так как недостаточно освещен в правовой литературе. Не учтены случаи применения самозащиты таких прав и в семейном законодательстве.

Представляется, что самозащита родительских прав осуществляется постоянно, поскольку в соответствии с законодательством родители имеют преимущественное право перед всеми третьими лицами в воспитании ребенка. Именно родители могут в любой момент потребовать возврата ребенка от любого лица, удерживающего его не на основании закона или судебного решения и т.п.

В современной науке семейного права активно обсуждаются вопросы досудебного разрешения споров, возникающих между родителями, применения различных альтернативных форм и способов разрешения семейных конфликтов до превращения их в судебный спор о праве на воспитание, о защите прав ребенка или родительских прав.

Согласно п. 2 ст. 65 СК РФ все вопросы, касающиеся воспитания и образования детей, решаются родителями по их взаимному согласию исходя из интересов детей и с учетом мнения детей. Родители (один из них) при наличии разногласий между ними вправе обратиться в орган опеки и попечительства или в суд.

Исходя из этого, разрешение соответствующих разногласий органами опеки и попечительства можно рассматривать как внесудебную форму защиты родительских прав.

Орган опеки и попечительства может рассматривать и разрешать разногласия, которые возникают между родителями ребенка, между родителями и детьми, а также между родителями и другими родственниками. В данном случае речь идет о разногласиях между родителями относительно выбора имени и (или) фамилии ребенка (п. 4 ст. 58); по вопросам, касающимся воспитания и образования детей (п. 2 ст. 65); между несовершеннолетними родителями и опекуном, назначенным их ребенку (п. 2 ст. 62); между близкими родственниками ребенка и родителями (одним из них) по поводу общения с ребенком (п. 2 ст. 67). Органы опеки и попечительства наделены такими механизмами воздействия, которые могут обязать родителей (одного из них) не препятствовать этому общению. Однако данные механизмы в практической деятельности являются нереализуемыми, разногласия подобного рода обычно тем или иным образом разрешаются в семье.

Предоставляя органам опеки и попечительства роль арбитра при разрешении разногласий, получается, что в конфликт семейных правоотношений вмешивается государство, а принимаемое органом опеки и попечительства решение имеет обязательную силу.

В случаях, предусмотренных законом (ст. 59, ст. 75 СК РФ), орган опеки и попечительства выдает родителям ребенка разрешение на совершение определенных действий, что также можно расценивать как форму защиты родительских прав.

Однако лишь некоторые формы вмешательства органов опеки и попечительства имеют своей целью обеспечение прав и интересов родителей (одного из них). Например, в случае отказа родителей (одного из них) от предоставления близким родственникам ребенка возможности общаться с ним орган опеки и попечительства может обязать родителей (одного из них) не препятствовать этому общению (п. 2 ст. 67 СК РФ). Основные механизмы направлены на защиту прав ребенка, несмотря на то, что в данной норме не говорится, условия общения должны соответствовать интересам ребенка. Очевидно, что данное обстоятельство принимается во внимание органом опеки и попечительства и

может повлечь установление запрета для близких родственников на общение ребенка, то есть признать действия родителей (одного из них) правомерными.

В случаях, прямо предусмотренных законом, защита родительских прав может осуществляться прокурором, органами записи актов гражданского состояния, нотариусами.

Представленные механизмы защиты родительских прав также относятся к досудебной деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, своевременное и квалифицированное применение которых способно обеспечить и защитить права и интересы и ребенка, и его родителей, и семьи в целом.

В суде же защита родительских прав осуществляется при предъявлении родителями (одним из них) самостоятельного требования о защите прав и при рассмотрении иных споров, которые могут возникнуть из семейно-правовых отношений.

Одной из процессуальных особенностей рассмотрения дел данной категории является то, что они могут быть отнесены к подсудности и мировых, и федеральных судей. С целью обеспечения единообразного подхода и повышения эффективности защиты семейных прав граждан Пленум Верховного Суда Российской Федерации дал соответствующие разъяснения в четырех постановлениях: «О применении судами законодательства при рассмотрении споров, связанных с воспитанием детей» от 27 мая 1998 года № 10¹, «О применении судами Семейного кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел об установлении отцовства и о взыскании алиментов» от 25 октября 1996 года № 9², «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» от 5 ноября 1998 года № 15³, «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей» от 20 апреля 2006 года № 8⁴.

Проблематика защиты родительских прав, на наш взгляд, отражена в каждом из указанных постановлений, что весьма показательно. Рассмотрение судами дел об установлении отцовства, оспаривании отцовства (материнства), взыскании алиментов, о расторжении брака, о восстановлении в родительских правах и отмене ограничений в родительских правах, об определении порядка

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при рассмотрении споров, связанных с воспитанием детей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 7.

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 октября 1996 г. № 9 «О применении судами Семейного кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел об установлении отцовства и о взыскании алиментов» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 1.

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 1.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 апреля 2006 г. № 8 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 6.

общения с ребенком родителя, проживающего отдельно, или близких родственников ребенка, о возврате ребенка от удерживающих его лиц, а также иных споров, связанных с воспитанием детей, об усыновлении и отмене усыновления и т.п. в той или иной степени предполагает применение мер, направленных на обеспечение родительских прав одного или обоих родителей.

В рамках судебной формы защиты у родителей (одного из них) имеется также возможность обжаловать действия (бездействие) или решения органов опеки и попечительства, органов записи актов гражданского состояния и др. Это представляется весьма важным, поскольку нормы семейного законодательства и иных нормативных правовых актов устанавливают, в частности, необходимость получения родителями (одним из них) разрешения или согласия органа опеки и попечительства на совершение юридически значимого действия. Отказ в выдаче соответствующего разрешения может быть обжалован в суде и признан незаконным.

Достаточно активно в последнее время дискутируется вопрос о создании системы так называемых ювенальных или семейных судов, основное предназначение которых состоит в рассмотрении гражданских и уголовных дел с участием несовершеннолетних. Однако при этом как вариант рассматривается наделение таких судов полномочиями по разрешению всех семейно-правовых споров, затрагивающих интересы ребенка. В связи с этим можно предположить, что и защита родительских прав будет обеспечиваться семейными судами. По нашему мнению, объективных предпосылок для формирования ювенального правосудия на территории Российской Федерации нет, что подтверждается результатами реализации некоторых «пилотных» проектов по созданию специальных судебных составов.

Согласно российскому семейному законодательству граждане распоряжаются правом на защиту своих личных неимущественных семейных прав по своему усмотрению (п. 1 ст. 7 СК РФ). Соответственно, члены семьи вправе не только самостоятельно решать, использовать ли его или отказаться от него, но и определять содержание данного права во всех его аспектах, в том числе и с точки зрения объема (перечня) способов его защиты. Поэтому любые семейные права граждан подлежат защите адекватным для этого права способом.

Механизмы защиты родительских прав в семейном законодательстве не названы в общих положениях. Они указываются в конкретных нормах, регулирующих семейные отношения (п. 2 ст. 8 СК РФ). Некоторые из этих способов осуществляются только судом, другие – в административном порядке, третьи могут быть реализованы без обращения в суд.

Библиографический список

1. Геллер М.В. Внесудебный порядок защиты права несовершеннолетнего жить и воспитываться в семье в современном российском законодательстве // Семейное и жилищное право. 2006. № 2. С. 20-21.

2. Ильина О.Ю. Преимущества членов семьи: фактические основания и формальное признание // Социально-юридическая тетрадь. 2014. № 4 (4). С. 33-39.

3. *Каймакова Е.В.* Проблемы соотношения гражданско-правовых и семейно-правовых способов защиты семейных прав // Семейное и жилищное право. 2013. № 5. С. 23-26.

4. *Нестерова Н.М.* Семейное право: проблемы и перспективы развития (Материалы «круглого стола») // Государство и право. 1999. № 9.

5. *Татаринцева Е.А.* Правовой статус родителей // Закон. 2005. № 10.

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ГАРАНТИЙ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

УДК 342.7

Холодова Е.И.,

кандидат юридических наук

(Белгородский университет кооперации, экономики и права)

Аннотация. В статье раскрывается сущность конституционных гарантий прав и свобод человека и гражданина как структурного элемента конституционного статуса личности. На основе анализа понятийного аппарата, сформированного российскими учеными-конституционалистами, обращается внимание на неразрывную связь государственных гарантий с процессом осуществления прав и свобод в реальной действительности. Презюмируется мысль о том, что гарантии в виде средств и способов обеспечения и охраны конституционных прав и свобод создаются государством в целях их действительной реализации.

Ключевые слова: конституционный строй, конституционализм, конституционный статус личности, конституционные права и свободы, гарантии прав человека и гражданина, обязанность государства

TO THE QUESTION ON THE ESSENCE OF CONSTITUTIONAL GUARANTEES OF RIGHTS AND FREEDOMS OF A MAN AND CITIZEN

Kholodova E.I.,

candidate in jurisprudence sciences

(Belgorod University of Cooperation, Economics and Law)

Abstract: The article discloses the essence of constitutional guarantees of the rights and freedoms of a man and citizen as a structural element of the constitutional status of a personality. On the basis of the analysis of the conceptual framework developed by Russian scientists constitutionalists the attention is focused on the close connection between state guarantees and the process of and exercise of rights and freedoms in reality. The article presumes that guarantees in the form of means and

ways of ensuring and protecting constitutional rights and freedoms are created by the state with the view of their actual implementation.

Keywords: constitutional system, constitutionalism, constitutional status of a personality, constitutional rights and freedoms, guarantees of rights of a man and citizen, responsibilities of the state.

Конституционный статус личности является важнейшим институтом конституционного права, так как отражает определенную модель взаимоотношений личности, общества и государства.

Содержание этой модели зависит от существующих в обществе философских, нравственных, духовных, политических, экономических, правовых и других аспектов оценки положения человека в государстве. Правовые возможности личности в Российской Федерации определены в главе 2 Конституции РФ «Права и свободы человека и гражданина», нормы которой по своей юридической силе уступают только «Основам конституционного строя» (глава 1). Конституция РФ основывается на либеральной модели правового статуса личности, которая выражается в закреплении трех основных положений: 1) человек, его права и свободы провозглашаются высшей ценностью; 2) приоритет основных прав и свобод, относящихся к естественным и неотчуждаемым; 3) признание и гарантирование прав и свобод человека и гражданина.

Анализ конституционно-правовых норм позволяет выявить структурные элементы конституционного статуса личности, к которым относятся: принципы основ правового положения человека и гражданина; гражданство; конституционные права, свободы и обязанности; гарантии прав и свобод; институт ограничения прав и свобод; механизм защиты.

Конституционные гарантии прав и свобод выступают самостоятельной категорией, имеющей свои черты, объект воздействия, структуру, систему. Выявим юридическую природу этой категории и прежде всего обратимся к понятийному аппарату. Термин «гарантия» (фр. *garantie*) широко используется в современном законодательстве, в научной литературе и практической деятельности и означает ручательство, обеспечение, заверение, условие осуществления чего-либо [6, с. 392]. В российской юридической литературе не получил однозначного решения вопрос о содержании понятия конституционных гарантий прав и свобод личности. Синтезируя отдельные элементы, ученые приводят свои определения, делая акценты на объективной или субъективной составляющей гарантий. Так, А.С. Мордовец отмечает, что понятием «гарантия прав человека» охватывается совокупность объективных и субъективных факторов, направленных на полную реализацию и всестороннюю охрану прав и свобод граждан, на устранение возможных причин и препятствий их неосуществления [4, с. 168].

Указывая на разнообразие этих факторов, А.Н. Головистикова и Л.Ю. Грудцына полагают, что по отношению к процессу реализации прав и свобод они выступают в качестве условий, средств, способов, приемов, методов правильного его осуществления [2, с. 264]. По мнению Т.Т. Озиева, конституционные гарантии –

это совокупность социальных, экономических, политических, правовых приемов, механизмов и методов, позволяющих реализовывать и обеспечивать на практике закрепленные в конституции права и свободы человека и гражданина [6, с. 58].

Профессор М.В. Баглай под гарантиями понимает правовые средства, обеспечивающие реализацию того или иного права человека и гражданина. Причем гарантии и есть обязанности, а применительно к конституционным правам и свободам это обязанность государства [1, с. 305]. А.Е. Постников, В.Д. Мазаев и Е.Е. Никитина подчеркивают, что конституционные гарантии прав и свобод – это обязанность государства создавать правовые и фактические условия для их эффективной реализации [7, с. 175]. Вместе с тем, М.Б. Смоленский и М.В. Мархгейм считают, что гарантии представляют собой совокупность условий, средств и факторов, позитивно влияющих на реализацию и защиту прав и свобод человека и гражданина [8, с. 226].

На наш взгляд, несомненно то, что общим для всех определений гарантий является их неразрывная связь с процессом осуществления прав и свобод в реальной действительности. Следовательно, гарантии прав человека и гражданина – это условия и средства, обеспечивающие возможность пользоваться правами, установленными конституцией и другими законами. Гарантии в виде средств и способов обеспечения и охраны конституционных прав и свобод создаются не каждым отдельным гражданином, а обществом, государством и используются ими для претворения в жизнь этих прав и свобод.

Как известно, право может быть реализовано только тогда, когда ему соответствует обязанность государства или другого лица (органа) его обеспечить, т.е. создать такую благоприятную обстановку, в атмосфере которой зафиксированные в конституции и других законах положения о юридическом статусе личности, ее правах и свободах являются фактически действующими.

Большинство гарантий в виде условий реализации прав и свобод служат обеспечению благоприятной обстановки, в атмосфере которой гражданин может эффективно пользоваться своими конституционными правами и свободами. Такие условия образуют внешнюю среду деятельности каждого человека и гражданина и не зависят от его воли и желания.

Понятием «гарантии прав человека» охватывается совокупность объективных и субъективных факторов, направленных на полную реализацию и всестороннюю охрану прав и свобод граждан, на устранение возможных причин и препятствий их неосуществления. Разнообразие факторов по отношению к процессу реализации прав и свобод выступает в качестве: условий, средств, способов, приемов, методов правильного его осуществления.

Таким образом, объектом гарантий являются общественные отношения, связанные как с охраной, так и защитой прав человека, удовлетворением имущественных благ и интересов граждан.

Содержание гарантий объемно и очень динамично, так как обусловлено их целевой, институциональной и функциональной направленностью, зависит от общественно-политических и иных процессов, происходящих в государстве на определенных этапах его исторического развития.

Сущность категории «конституционные гарантии прав и свобод человека и гражданина» выражается в Конституции РФ с помощью таких юридических конструкций, как «в Российской Федерации гарантируется» и «каждому гарантируется». Термин «гарантия» и производные от него термины употребляются в целом ряде статей Конституции РФ: 7, 8, 12, 17, 19, 28, 29, 30, 35, 37, 39, 43-46, 48, 61, 68, 80, 133.

Анализ содержания конституционных норм позволяет сделать вывод, что конституционные гарантии прав человека и гражданина выражены в различных формулах и в обобщённом виде представляют систему правовых средств и механизмов, с помощью которых государство обязуется обеспечить процесс реализации прав и свобод человека и гражданина.

Общеизвестно, что конституционные нормы существуют в правоотношениях. Реализация в правоотношениях – наиболее распространенный и эффективный вид воздействия права на общественные отношения. В такой реализации общие правила и принципы права получают свое реальное воплощение в поведении субъектов правоотношения.

В соответствии с особенностями функций конституционных норм образуются учредительные, правоустановительные и охранительные правоотношения. Учредительные правоотношения возникают на основе конституционных принципов и иных конституционных норм общерегулятивного характера, к которым относятся статьи 1, 3, 4, 5, 11, 18; правоустановительные – на основе норм, определяющих комплекс прав и обязанностей субъектов в их реальной жизни, – статьи 71, 72, 83, 85, 102, 103, 104, 105, 115; охранительные – на основе конституционных норм, например, статей 3, 9, 35, 85, 115 Конституции РФ, направленных на защиту субъективных прав и законных интересов от неправомерного поведения субъектов, а также регулирующих превентивные средства государственного принуждения и меры юридической ответственности. При этом в качестве разновидностей конституционных охранительных отношений выделяются также гарантирующие правоотношения, опосредующие высшую ступень охраны и защиты конституционных ценностей обеспечения правомочий конституционных субъектов.

Можно согласиться с утверждением В.Д. Хилинского, который в перечень структурных элементов конституционных гарантий прав и свобод личности относит: правовые принципы, субъективные права и свободы, юридические обязанности, запреты, ограничения, требования; меры, направленные на охрану, защиту и компенсацию; полномочия Президента Российской Федерации, государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, общественных объединений [10, с. 6].

Вместе с тем необходимо обратить внимание на то, что в юридической литературе происходит смешение понятий «защита прав», «реализация прав», «обеспечение прав». На наш взгляд, гарантии прав и свобод человека нельзя отождествлять с другими понятиями, а именно мерами правовой защиты, юридической ответственностью. Но при этом, все категории означают перевод конституционных норм о гарантиях прав человека и гражданина в реальные

блага [3, с. 449, 450]. Однако базовой категорией выступает именно «обеспечение», так как без обеспечительных мероприятий невозможны ни реализация, ни охрана, ни защита прав и свобод личности.

Наиболее полно сущность термина «обеспечение» раскрыли К.Б. Толкачев и А.Г. Хабибуллин, указав, что оно означает деятельность государственных органов, общественных организаций, должностных лиц и граждан по осуществлению своих функций, компетенций, обязанностей с целью создания оптимальных условий для строгой, неуклонной реализации правовых предписаний и правомерного осуществления прав и свобод [9, с. 41].

Особо подчеркнем то, что гарантии конституционных прав граждан зависят от уровня демократии, развития экономики, правовой культуры общества, от степени независимости судебной власти, от соразмерности установленных законом ограничений и других многочисленных факторов. Гарантии прав и свобод заключаются в создании государством таких условий, которые бы позволяли реализовать человеку и гражданину личные, социально-экономические, политические, социально-культурные права и свободы. Устанавливая конституционные гарантии, государство берет на себя определенные обязательства, например, в социальной сфере, – обеспечить социальную стабильность, занятость людей, повышать платежеспособность населения, снижать налоги и т.д. Однако, как справедливо отметил Б.С. Эбзеев, «словосочетание «обязанность государства» встречается в Конституции единственный раз и связано именно с правозащитной функцией государства» [11, с. 182]. Действительно, конституционно-правовая норма устанавливает: «Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства»¹. По наблюдениям ученого, Конституционный Суд Российской Федерации более 800 раз в своих решениях ссылаясь на это положение, раскрывая его различные аспекты. И здесь важно обратить внимание на такой аспект толкования, который определяет, что «права человека – это не дар государства и не оказываемые им человеку благодеяния, а его атрибутивные качества». Конституция РФ накладывает на государство обязанность по созданию правозащитных механизмов, гарантирующих пользование правами и свободами.

Таким образом, определяя сущность и содержание рассматриваемой категории, мы приходим к выводу, что конституционные гарантии прав и свобод человека и гражданина – это совокупность согласованных и взаимосвязанных правовых средств и механизмов, закрепленных в Конституции РФ и иных нормативных правовых актах, с помощью которых государство воздействует на процесс реализации конституционных прав и свобод, обеспечивая безопасность и благополучие личности, достижение социально полезных целей для общества и государства. Причем реальность конституционных гарантий прав и свобод личности зависит от разработки и закрепления правовых механизмов их

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

осуществления на международном, федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Это порождает определенные обязательства для законодателя, исполнительной власти и суда. При этом содержание конституционной обязанности государства не должно сводиться только к установлению юридических механизмов обеспечения прав и свобод человека и гражданина, а главное, чтобы конституционные гарантии прав и свобод «гарантировали» конституционализацию прав человека – от закрепления до реализации.

Библиографический список

1. *Баглай М.В.* Конституционное право Российской Федерации: учебник. – Москва: Норма, 2009. – 800 с.
2. *Головистикова А.Н., Грудцына Л.Ю.* Права человека. – Москва: Эксмо, 2006. – 448 с.
3. *Корнев А.В.* Государство, право, личность. Общая теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева. – Москва, 2000. – 520 с.
4. *Мордовец А.С.* Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина. – Саратов, 1996. – 168 с.
5. *Озиев Т.Т.* Конституционное право: учебное пособие. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. – 288 с.
6. Первый толковый (большой энциклопедический словарь). – Санкт-Петербург: РИПОЛ-НОРИНТ, 2006. – 2142 с.
7. *Постников А.Е., Мазаев В.Д., Никитина Е.Е.* Конституционное право России: учебник. – Москва: Проспект, 2008. – 504 с.
8. *Смоленский М.Б., Мархгейм М.В.* Конституционное право Российской Федерации: учебник. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. – 445 с.
9. *Толкачев К.Б., Хабибуллин А.Г.* Органы внутренних дел в механизме обеспечения личных конституционных прав и свобод граждан. – Уфа, 1991. – 168 с.
10. *Хилинский В.Д.* К вопросу о понимании конституционных гарантий прав и свобод личности // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 2. С. 5-8.
11. *Эбзеев Б.С.* Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации: монография. – Москва: Проспект, 2013. – 656 с.

СОДЕРЖАНИЕ

БОГМАЦЕРА Э.В.

Права человека как приоритетный объект охраны в современном государстве 3

**БОЖКО Е.А.,
БУНЯЕВА К.В.**

Права и свободы человека и гражданина в отечественной государственно-правовой мысли конца XIX – начала XX века 8

БУРЦЕВ А.С.

Законный интерес в получении информации как дополнительный непосредственный объект преступления (ст. 173.1 УК РФ) 13

ГАРАШКО А.Ю.

Системность источников права в контексте юридической теории и философии права 17

ДЕМКО О.С.

Криминогенное воздействие средств массовой информации на личность 23

ДЕРГИЛЕВА С.Ю.

Публично-правовые гарантии защиты прав и свобод граждан в советском государстве в 1920-е годы 26

ЕРЫГИН А.А.

Полномочия законодательных (представительных) органов субъектов Российской Федерации по защите прав и свобод человека и гражданина 32

ЕРЫГИНА В.И.

Право народа на власть как коллективного субъекта права 38

ЗАЙЦЕВ В.А.

Особенности правового института свободы совести в Италии 45

КИРИЧЁК Е.В.	
Гарантии прав и свобод в структуре правового положения (правового статуса) человека и гражданина в Российской Федерации	48
КОЛОКОЛЬЦЕВА О.В., ИЛЬИЧЁВ И.Е.	
Гражданское общество: взгляд социолога и юриста	54
КОТАРЕВА О.В.	
Правовое положение несовершеннолетних в российском законодательстве	59
КРАВЦОВА Е.А.	
Пределы осуществления законодательными органами государственной власти субъектов Российской Федерации полномочий по защите прав и свобод человека и гражданина	62
КРЫЛОВА Ю.А., БУТОВА Е.В.	
Механизм защиты прав и свобод граждан: к вопросу о структуре	67
КУЛИКОВ Р.С., ВАСИЛЬЕВА И.В.	
Защита прав и свобод человека как принцип деятельности органов внутренних дел Российской Федерации	71
ЛЫСЕНКО В.А., РЯЗАНОВА Н.А.	
Соблюдение прав и свобод человека как принцип организации деятельности полиции Российской Федерации	76
ПЕРЕВЕРЗЕВ А.В.	
Системы электронного правосудия в арбитражном процессе и их значение для участников судопроизводства	81
ПЕРЕВЕРЗЕВ Е.А.	
Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации в системе защиты прав и свобод человека и гражданина	87

ПЕРЕСЫПКИН А.В.

Общественные советы при органах местного самоуправления: путь к построению гражданского общества или к всеобщей бюрократизации 91

ПОНОМАРЕВА Ю.В.

Роль органов правопорядка в борьбе с экономическими преступлениями на транспорте в условиях военного времени 94

ПРОНСКИХ М.В.

Основные направления деятельности государственной службы по борьбе с экономическими преступлениями (ОБХСС) в советском государстве в 30-40-е годы XX века 98

СТАРОСЕЛЬЦЕВА М.М.

Права родителей и механизмы их защиты 103

ХОЛОДОВА Е.И.

К вопросу о сущности конституционных гарантий прав и свобод человека и гражданина 109

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И МЕХАНИЗМЫ ИХ ЗАЩИТЫ И ОХРАНЫ

Материалы Всероссийской научно-практической конференции

Редактор

Е.А. Олейникова

Техн. редактор

Т.Л. Ковалева

Подписано в печать 2017 г., формат бумаги 60х90/16, уч.изд.л. 7,4
бумага офсетная, печать трафаретная
Тираж 26 экз., заказ № 40

Отпечатано в отделении полиграфической и оперативной печати
Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина
г. Белгород, ул. Горького, 71

